

ДАРРЕН ШЭН

ЦИРК УРОДОВ

Нэгдүгээр хэсэг...

•РОССОН•

LITRU.RU

Annotation

Даррен Шэн был обычным школьником. Пока однажды не отправился на представление в цирк уродов... Пока не встретил там мадам Окту... Пока не столкнулся лицом к лицу с призраком ночи...

Вскоре Даррен и его друг Стив оказываются в смертельной ловушке. Даррен заключает сделку с существом, которое одно только и может спасти Стива. Правда, сделка эта замешана на крови...

- [Даррен Шэн](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)

- [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВА 33](#)
-

Даррен Шэн

Цирк уродов

Эта странная книжечка вышла в свет только благодаря помощи моих лаборантов: «Неразлучников» Бидди и Лайама, «Дьяволицы» Доменики де Роза, «Ворчливой» Джилли Рассел, Эммы «Экстерминатор» Шлезингер, и «Повелителя Алой Тьмы» Кристофера Литтла.

А кроме того, спасибо тем, кто разделил со мной радость от выхода книжки: монстрам из «Харпер Коллинз», а также ужасным деткам из начальной школы Аскитон (и других), которые послужили подопытными кроликами и готовы были даже страдать от кошмаров ради того, чтобы эта книжка стала как можно более таинственной, страшной и загадочной.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я всегда обожал пауков. Когда я был маленький, то даже собирал их. Часами рылся в разном хламе, сваленном в старом, пыльном сарае в глубине нашего сада, искал паутину, в которой прятались маленькие восьмиллапые хищники. Найдя какого-нибудь паука, я притаскивал его в дом и выпускал в своей комнате.

Мама этого терпеть не могла!

Обычно паук убегал из нашего дома дня через два, а то и раньше, и никогда не возвращался, но бывало и так, что оставался в моей комнате дольше. Один такой паук даже сплел паутину у меня над кроватью и просидел в ней целый месяц. Засыпая, я часто представлял себе, как он спускается на паутинке, заползает мне в рот, проскальзывает в живот и откладывает там кучу яиц. Через некоторое время из этих яиц вылупятся крохотные паучки и дожрут меня заживо.

В детстве я любил себя пугать.

Когда мне было девять лет, мама с папой подарили мне маленького тарантула. Он был неядовитый и совсем крошечный, но лучшего подарка я и представить себе не мог. Я целыми днями играл со своим пауком. Кормил его разной вкуснятиной: мухами, тараканами и червяками. Баловал его по-страшному.

Но однажды я свалил дурака. Я смотрел мультик, в котором одного из героев засосало в пылесос. С ним, с этим героем, ничего не случилось. Он выбрался из пылесоса весь в пыли и в грязи, жутко злой. Это было очень смешно.

Так смешно, что я решил повторить этот трюк. С тарантулом.

Стоит ли говорить, что в жизни все получилось совсем не так, как в мультике. Паука разорвало на мелкие кусочки. Я ревел белугой, но было поздно. Мой любимый паук погиб страшной смертью, виноват в этом я сам, и ничего уже нельзя исправить.

Когда родители узнали, что я наделал, они завопили так, что слышно было, наверное, на всю улицу — ведь тарантул обошелся им в кругленькую сумму. Они заявили, что я жестокий, безответственный мальчик и что не разрешат мне больше заводить никого, даже обыкновенного садового паука.

Я начал свой рассказ с истории про паука по двум причинам. Первую вы поймете, когда будете читать эту книгу. А вторая:

Все, что я расскажу, — правда.

Не думаю, что вы мне поверите — я бы и сам такому не поверил, не приключись эта история со мной, — но все произошло взаправду. Все, о чем я расскажу в книжке, было на самом деле.

К сожалению, в обычной жизни, если ты что-нибудь натворил, приходится за это расплачиваться. В книжках герои могут вытворять что угодно. Что бы они ни сделали, в конце концов все закончится хорошо. Негодяи будут наказаны, справедливость восторжествует, и все обернется просто замечательно.

А в жизни пауки погибают, когда их засасывает в пылесос. Если станешь невнимательно переходить дорогу, тебя наверняка собьет машина. Упав с дерева, обязательно что-нибудь себе сломаешь.

Жизнь — штука опасная. И жестокая. Ей наплевать на то, что ты главный герой и что у любой истории должен быть счастливый конец. В обычной жизни происходит много всего плохого. Люди умирают. Битвы проигрываются. Зло часто побеждает добро.

Мне хочется, чтобы вы это поняли, прежде чем я начну свой рассказ.

Да, вот еще что. На самом деле меня зовут не Даррен Шэн. В этой книге все правда, кроме имен. Мне пришлось изменить их, потому что... Впрочем, когда дочитаете до конца, сами все поймете.

В книжке нет *ни одного* реального имени: ни моего, ни моей сестры, ни друзей, ни учителей. Ни одного. Я даже не скажу, как называется мой родной город и в какой стране живу. Так будет лучше.

Ладно, кажется, хватит для предисловия. Готовы? Тогда, пожалуй, начну. Если бы все это было выдумкой — я бы начал свой рассказ с описания страшной ночи. За окном воет ветер, ухают совы, из-под кровати доносятся какие-то жуткие, непонятные звуки. Но то, что со мной случилось, — правда, так что мне придется рассказать о том, где все это началось.

А началось все в туалете...

ГЛАВА 1

Я сидел в школьном туалете и напевал себе под нос какую-то песенку. Брюк я не снял. Когда урок английского уже подходил к концу, мне вдруг стало нехорошо и я отпросился в туалет. Мой учитель, мистер Далтон, просто спец по этой части. Он всегда знает, когда ты прикидываешься, а когда тебе на самом деле плохо. Я поднял руку и сообщил, что меня тошнит. Мистер Далтон быстро взглянул на меня, кивнул и велел отправляться в туалет.

— Сходи, пусть тебя вырвет, Даррен, раз живот болит, — сказал он. — А потом бегом сюда.

Вот бы все учителя говорили так, как мистер Далтон!

Меня не вырвало, но тошнота не проходила, вот я и решил еще немного посидеть в туалете. Скоро прозвенел звонок, началась большая перемена. Ребята с шумом выбегали из классов во двор. Я хотел побежать со всеми, но понимал, что этого сейчас делать не стоит — мистер Далтон разозлится, если заметит, что я уже вовсю веселюсь во дворе. Когда он поймает кого-нибудь на вранье, то не кричит и не машет руками, а просто замолкает и потом неделями не разговаривает с этим учеником, а это ужасно — уж лучше б кричал.

Поэтому я и сидел в туалете, мурлыкал песенку, посматривал на часы и ждал. И вдруг услышал, что кто-то меня зовет.

— Эй, Даррен! Ты что, в унитаэ провалился?

Я улыбнулся. Это Стив Леопард, мой лучший друг. На самом деле его зовут Стив Леонард, но все называют его Леопардом. И не только потому, что звучит похоже. Стив из тех, кого моя мама называет «неуправляемыми детьми». Где бы Стив ни появился, везде устраивал переполох. Вечно он с кем-нибудь дрался, а случалось, и воровал в магазинах. Однажды Стив — он тогда еще сидел в коляске — подобрал где-то острую палку и ткнул ею в проходившую мимо тетеньку (сами догадайтесь, куда он ей попал!).

Его презирали и боялись. Все, кроме меня. Я был его лучшим другом со времен Монтессори, когда мы впервые встретились. Мама говорит, что меня привлекло в нем то, что он был неуправляемый, но я просто решил, что он классный парень и было бы здорово с таким

подружиться. Стив ужасно вспыльчивый; если вывести его из себя, у него бывают страшные приступы гнева, но в таких случаях я просто убегаю подальше, а возвращаюсь, только когда он успокоится.

С годами Стив стал не такой буйный — мама водила его к разным психологам, которые учили его держать себя в руках, но все равно в школьном дворе он оставался ходячей легендой; никто не смел и пальцем тронуть Стива Леопарда, даже те, кто был крупнее и старше.

— Привет, Стив, — ответил я и пнул ногой дверцу, чтобы он понял, в какой я кабинке. — Я тут!

Он подошел, и я открыл дверь. Увидев, что я прямо в брюках сижу на унитазе, Стив ухмыльнулся.

— Ну что, блевал? — спросил он.

— Нет, — ответил я.

— А собираешься?

— Может быть, — сказал я.

Резко наклонившись вперед, я издал жуткий бурлящий звук, как будто меня сейчас вырвет.

— Бе-е-е!

Но Стива Леопарда не проведешь. Он слишком хорошо меня знает.

— Эй, почисти мне ботинки, раз уж нагнул, — сказал он и засмеялся.

Я сделал вид, что плюнул на его ботинки и вытер их туалетной бумагой.

— Как урок? Я что-нибудь пропустил? — спросил я, снова выпрямившись.

— Не-а, — сказал он. — Все как обычно, ерунда всякая.

— Ты сделал домашку по истории? — спросил я.

— А ее разве не на завтра? — забеспокоился он.

Стив вечно забывает про домашние задания.

— На послезавтра, — сообщил я.

— Уф! — облегченно вздохнул он. — Здорово. А я думал... — Он запнулся и нахмурился. — Постой-ка. Сегодня четверг? Значит, послезавтра — это...

— Точно! — воскликнул я и ударил его в плечо.

— Ой! — завопил он. — Больно же!

Стив потер ушибленное место, но я-то видел: на самом деле ему совсем не больно.

— Ты выходить-то собираешься? — спросил он.

— Вообще-то я подумывал остаться здесь и вздремнуть как следует, — ответил я, откинувшись назад.

— Хватит ерунду молоть, — сказал Стив. — Когда я ушел, мы проигрывали пять — один. А сейчас, наверное, уже шесть или семь — один. Нам нужен ты.

Это он о футболе. Каждую большую перемену мы гоняли мяч. Обычно моя команда побеждает, но сейчас мы растеряли почти всех лучших игроков. Дэйв Морган сломал ногу. Сэм Уайт перешел в другую школу — его семья переехала. А Дэнни Кертан вместо того, чтобы играть в футбол, теперь всю большую перемену гуляет с Шейлой Лей — девочкой, от которой он без ума. Вот кретин!

Я — лучший нападающий. У нас есть отличные защитники и полузащитники, а вратарь — Томми Джонс — самый классный во всей школе. Но я единственный, кто может играть в нападении, забивая по четыре или пять голов за день.

— Ладно, — сказал я, вставая. — Спасу вас. Я на этой неделе меньше трех голов не забивал. Не будем нарушать традицию.

Возле раковин, как обычно, курили старшеклассники. Мы прошли мимо них к выходу из туалета и понеслись к моему шкафчику — мне нужно было надеть кроссовки. Раньше у меня были здоровские кроссовки, я их выиграл в конкурсе на лучшее сочинение. Но пару месяцев назад у них порвались шнурки, и резина по бокам стала отходить. Да и нога у меня выросла! Те, что я ношу сейчас, ничего, но все равно не такие классные.

Когда я вышел на поле, мы проигрывали со счетом восемь-три. Вообще-то это было не настоящее поле, а просто часть двора, ограниченная стенами, на которых были нарисованы ворота. Тот, кто их рисовал, был круглый дурак. У одних ворот перекладина оказалась выше, чем у других!

— Хватит бояться, пора защищаться, с вами Непобедимый Даррен! — закричал я, выбегая на поле.

Кое-кто из игроков засмеялся, другие застонали. Я заметил, что моя команда воспрянула духом, а команда противника явно сникла.

Я здорово начал игру — забил два гола за минуту. Казалось, этот матч вполне мог окончиться для нас ничьей или даже победой. Но перемена кончилась. Если бы я пришел раньше, то все было бы классно,

но звонок прозвенел как раз в ту минуту, когда я только-только разыгрался и был готов побороться за победу. Мы проиграли девять — семь.

Мы собирались уже идти на урок, как вдруг во двор выбежал Алан Моррис — весь красный и дышит тяжело. У меня три друга: Стив Леопард, Томми Джонс и Алан Моррис. Мы, наверное, самые странные парни во всем мире, потому что только у одного из нас четверых есть прозвище — у Стива.

— Смотрите, что у меня есть! — закричал Алан, размахивая каким-то мокрым листком бумаги.

— Что это? — спросил Томми, пытаясь схватить листок.

— Это... — начал Алан, но тут же запнулся, так как нас заметил мистер Далтон.

— Эй, вы, четверо! Быстро в класс! — воскликнул он.

— Уже идем, мистер Далтон! — ответил Стив. Стив — любимчик мистера Далтона, ему часто сходит с рук то, чего никогда не простят другим. Стив, например, иногда пишет всякие плохие слова в сочинениях, и ему ничего за это не бывает. Если б я написал такие слова, как Стив, меня б давно уже выгнали из школы.

Мистер Далтон много чего разрешает Стиву, потому что считает его особенным. Иногда Стив на все вопросы в классе так отвечает, что просто закачаешься, а в другой раз даже свое имя не может правильно написать. Мистер Далтон говорит, что Стив — *idiot savant*, то есть глупый гений!

Но несмотря на то что Стив — любимчик мистера Далтона, даже ему нельзя опаздывать на уроки. О чем бы ни хотел рассказать нам Алан, ему придется подождать. Мы поплелись в класс, потные и усталые после матча. Начался следующий урок.

Я понятия не имел о том, что загадочный листок бумаги, которым махал перед нашими лицами Алан, навсегда изменит мою жизнь. И притом — к худшему!

ГЛАВА 2

После обеда у нас снова был урок с мистером Далтоном — история. Мы проходили Вторую мировую. Мне было не очень-то интересно, но Стив обожал слушать про эту войну. Он вообще любил все, что связано с убийствами и войнами. Стив часто говорил, что, когда вырастет, хочет стать наемником, — это такие солдаты, которые воюют за деньги. Правда-правда!

После истории была математика, которую — невероятно! — вел все тот же мистер Далтон. У нас в тот день было целых три урока с мистером Далтоном! Дело в том, что наш учитель по математике заболел, и его, как могли, замещали другие учителя.

Стив был на седьмом небе от счастья. Его любимый учитель ведет уже третий урок подряд! Мистер Далтон в первый раз замещал у нас математика, поэтому Стив выпендривался как мог — показывал ему на какой теме мы остановились, объяснял трудные задачи, точно маленькому ребенку. Но мистер Далтон не возражал. Он уже привык к Стиву и прекрасно знал, как с ним себя вести.

Хотя мистер Далтон очень строгий, на его уроках обычно весело, и мы узнаем много нового, но в математике он явно не силен. Он старался изо всех сил вникнуть в то, чем мы занимаемся на уроках математики, зарылся в учебник, а Стив стоял рядом и, что называется, оказывал ему всяческую помощь и поддержку. Но от этого было мало толку — очень скоро нам стало скучно, мы заерзали на стульях, начали потихоньку переговариваться и передавать друг другу записки.

Воспользовавшись таким удобным случаем, я послал Алану записку, попросив его показать ту загадочную бумажку, которой он размахивал перед нами до урока. Сначала Алан не хотел мне ее передавать, но я все просил и просил, и он наконец уступил. Первым этот листок увидел Томми — он сидел через две парты от Алана. Томми развернул бумажку и принялся ее разглядывать. По мере того как он читал то, что было на ней написано, у него все сильнее отвисала челюсть от удивления. Вскоре он уже весь сиял. Перечитав бумажку три раза, Томми передал ее мне, и я сразу понял, чему он так удивляется и радуется одновременно.

Это был флаер — что-то вроде рекламного проспекта какого-то цирка-шапито. В самом верху была нарисована голова волка. Пасть широко раскрыта, с клыков капает слюна. Внизу были паук и змея, они тоже выглядели не очень-то дружелюбно.

Под волком большими красными буквами было написано:

ЦИРК УРОДОВ

А под этим чуть помельче:

**ТОЛЬКО ОДНУ НЕДЕЛЮ — ЦИРК УРОДОВ!
ЗДЕСЬ ВЫ УВИДИТЕ:
САЙВ И СИРСА — ГУТТАПЕРЧЕВЫЕ БЛИЗНЕЦЫ!
МАЛЬЧИК-ЗМЕЯ! ЧЕЛОВЕК-ВОЛК! ЗУБАСТАЯ
ГЕРТА!
ЛАРТЕН ДЖУТИНГ СО СВОЕЙ ПРЕКРАСНОЙ
ДАМОЙ —
ПАУЧИХОЙ МАДАМ ОКТОЙ!
КОСТЛЯВЫЙ АЛЕКСАНДР! БОРОДАТАЯ
ЖЕНЩИНА!
ГАНС — ЗОЛОТЫЕ РУКИ! ГОЛОДНЫЙ РАМУС —
САМЫЙ ТОЛСТЫЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ!**

Чуть ниже был напечатан адрес конторы, где можно купить билеты, а также узнать, где проходит представление. А в самом низу, над пауком и змеей, было помещено предупреждение:

**НЕ ДЛЯ СЛАБОНЕРВНЫХ!
БИЛЕТЫ ЗАКАЗЫВАЙТЕ ЗАРАНЕЕ!**

— Цирк уродов? — пробормотал я себе под нос.

Цирк — это представление со всякими зверями и клоунами, а тут какие-то уроды... Цирк уродов! Странно. Но, похоже, так оно и есть.

Я стал перечитывать флаер. Меня как магнитом притягивали к себе картинки и описание тех, кого зрители увидят во время представления. Честно говоря, я так замечтался, что совсем позабыл про мистера Далтона. А вспомнил про него только тогда, когда вдруг с удивлением

заметил, что в классе воцарилась тишина. Подняв голову, я увидел, что Стив один торчит возле учительского стола. Он показал мне язык и ухмыльнулся. У меня чуть волосы не встали дыбом от страха. Я глянул через плечо и тут же понял, что у меня за спиной стоит мистер Далтон. Поджав губы, он читал то, что было написано на флаере.

— Что это? — резко спросил он, выхватив листок у меня из рук.

— Рекламный проспект, сэр, — ответил я.

— Откуда он у тебя? — не унимался мистер Далтон.

Судя по всему, он здорово разозлился. Я еще никогда не видел его таким.

— Откуда он у тебя? — снова спросил он.

Я быстро облизал губы. Что же ему сказать? Я не хотел подставлять Алана — ясно, что сам он ни за что не признается, даже лучшие друзья Алана знают, что смелостью он явно не отличается. Но сегодня я тормозил по-страшному и никак не мог придумать, что бы такое соврать. К счастью, Стив пришел мне на помощь.

— Это мой флаер, сэр, — вмешался он.

— Твой? — мистер Далтон даже мигнул от удивления.

— Я нашел его возле автобусной остановки, сэр, — объяснил Стив. — Кажется, его выбросил кто-то из старшеклассников. Флаер показался мне занятным, и я подобрал его. Хотел спросить вас, сэр, в конце урока, что вы об этом думаете.

— Вот как! — мистер Далтон изо всех сил старался не показать виду, что он польщен. — Тогда все ясно. Что ж, нельзя ругать за любопытство, это положительная черта. Садись, Стив.

Стив сел. Мистер Далтон пришпилил флаер к доске кнопкой.

— Много лет назад, — начал он, ткнув пальцем во флаер, — устраивались представления, которые назывались «шоу уродов». Группка жадных мошенников сажала людей с физическими отклонениями в клетки и...

— Сэр, что такое «люди с физическими отклонениями»? — спросил кто-то.

— Это люди, которые выглядят не так, как другие, — пояснил мистер Далтон. — Ну, представьте себе человека с тремя руками или двумя носами, человека без ног, очень низенького человека или, наоборот, очень высокого. Мошенники сажали этих бедолаг в клетки, — а ведь они ничем не отличались от нас с вами, только выглядели иначе

— и выставляли их на обозрение публике. Таких людей с физическими отклонениями называли «уродами». Мошенники брали со зрителей деньги за то, что они смотрят на «уродов», разрешали зрителям смеяться и дразнить несчастных людей в клетках. С так называемыми «уродами» обращались как с животными. Им почти ничего не платили, их били, одевали в рваное тряпье, не разрешали мыться.

— Это так жестоко, сэр! — воскликнула Дэлайна Прайс — девочка с передних рядов.

— Верно, — согласился мистер Далтон. — Это жестоко и отвратительно. Вот почему я так разозлился, когда увидел это. — Он сорвал с доски флаер. — Шоу уродов запретили много лет назад, но ходят слухи, что они не перестали давать представления, что и в наше время есть подобные шоу.

— А как вы думаете, этот цирк — настоящее шоу уродов? — спросил я.

Мистер Далтон снова посмотрел на флаер и покачал головой.

— Сомневаюсь, — сказал он. — Я думаю, что это простое жульничество. Однако, — добавил он, — я надеюсь, что, будь оно даже настоящим, никто из вас не захотел бы пойти на такое представление.

— Конечно, нет, сэр! — хором заверили мы.

— Шоу уродов были просто ужасны, — продолжал мистер Далтон. — Мошенники уверяли, что это обычный цирк, но на самом деле это были рассадники зла. Те, кто ходил на такие шоу, ничем не лучше их устроителей.

— Чтобы пойти на такое представление, нужно быть чокнутым, сэр, — поддержал его Стив.

А потом искоса глянул на меня, подмигнул и сказал одними губами: «Обязательно пойдём!»

ГЛАВА 3

Стиву удалось уговорить мистера Далтона отдать ему флаер. Он сказал, что хочет наклеить его на стене в своей спальне. Мистер Далтон сначала не хотел отдавать ему этот злосчастный флаер, но потом согласился. Однако прежде чем это сделать, он отрезал полоску с адресом.

После уроков я, Стив, Алан Моррис и Томми Джонс собрались в школьном дворе и стали снова разглядывать глянцевый флаер.

— Думаю, это обманка, — сказал я.

— Почему? — спросил Алан.

— Ну, шоу уродов ведь сейчас запрещено, — объяснил я. — Всякие люди-волки и мальчишки-змеи давным-давно объявлены вне закона. Ты разве не слышал, что говорил мистер Далтон?

— Никакая это не обманка! — запротестовал Алан.

— А откуда у тебя флаер? — спросил Томми.

— Стырил, — тихо ответил Алан. — Вообще-то это флаер моего брата.

У Алана был старший брат, Тони Моррис. От Тони стонала вся школа, пока его наконец не выперли. Он — парень внушительных размеров, злобный и некрасивый.

— Ты стырил этот флаер у Тони? — ужаснулся я. — Ты что, решил попрощаться с жизнью?

— Да он не узнает, что это я, — сказал Алан. — Флаер лежал в кармане его брюк, которые мама сунула в стиральную машинку. Я флаер вытащил, а на его место положил чистый листок такой же величины. Тони решит, что чернила размылись после стирки.

— Чисто сработано, — признал Стив.

— А откуда этот флаер у Тони? — любопытствовал я.

— Да в каком-то переулке парень раздавал, — отозвался Алан. — Из их трупы, некий мистер Джутинг.

— Это который с пауком? — переспросил Томми.

— Ага, — ответил Алан. — Только тогда у него не было никакого паука. Дело было ночью, Тони возвращался из паба. (По закону Тони еще не должны продавать спиртное, но он все время тусуется в пабах со

взрослыми парнями, и те покупают ему выпивку.) Мистер Джутинг всучил Тони флаер и сказал, что их цирк разъезжает по всему миру и дает тайные представления. А еще — что билеты продают только по флаерам и что они дают флаеры только тем, кому можно доверять. Об этом цирке никому нельзя говорить. Я сам-то узнал только потому, что у Тони было на редкость хорошее настроение — с ним такое случается, только когда выпьет. Вот он и не удержался, рассказал мне о бродячей труппе.

— А почему билеты? — поинтересовался Стив.

— По пятнадцать фунтов.

— Пятнадцать фунтов! — воскликнули мы.

— Кому охота выкладывать пятнадцать фунтов, чтобы посмотреть на горстку уродов! — фыркнул Стив.

— Я бы выложил, — сказал я.

— И я, — согласился со мной Томми.

— И я тоже, — присоединился к нам Алан.

— Само собой, — кивнул Стив, — только у нас-то нет пятнадцати фунтов. Так что мы можем обсуждать все это чисто теоретически.

— Что значит — теоретически? — не понял Алан.

— Ну, ни у кого из нас нет пятнадцати фунтов, так что какая разница, стали бы мы покупать билеты или нет, — объяснил Стив. — Легко говорить, что купил бы что-нибудь, если у тебя все равно нет денег.

— А сколько у нас есть? — спросил Алан.

— Кот заплакал, — сказал я, засмеявшись.

Так любил говорить мой отец.

— Как бы я хотел пойти в этот цирк! — грустно протянул Томми. — Там, наверное, так здорово. — Он снова посмотрел на флаер.

— А мистер Далтон считает, что это какая-то ерунда, — заметил Алан.

— Вот-вот, — сказал Томми, — если Далтону что-то не понравилось, значит, это наверняка что-то суперское! Как правило, если взрослые чего-то не любят, то это оказывается очень интересным.

— У нас точно нет денег? — спросил я. — Может, у них скидки для детей.

— Не думаю, что детей вообще пускают на их представление, — заметил Алан, но все равно сообщил, сколько у него есть: — Пять

фунтов семьдесят пенсов.

— А у меня ровно двенадцать фунтов, — сказал Стив.

— Шесть фунтов восемьдесят пять пенсов, — сказал Томми.

— У меня восемь фунтов двадцать пять пенсов, — сообщил я и добавил, сложив в уме четыре суммы: — Значит, вместе у нас больше тридцати фунтов. Завтра нам дадут на карманные расходы. Если мы возьмем из них...

— Но билеты наверняка уже почти все распроданы, — перебил меня Алан. — Первое представление прошло вчера. А последнее будет во вторник. Если идти, то лучше сегодня вечером иди в субботу, потому что в другой день родители не отпустят нас гулять допоздна. Тот мужик, который дал Тони флаер, сказал, что билетов на эти два представления почти не осталось. Так что если мы решили идти, то надо попытаться купить билеты сегодня.

— Ну, тогда забудем обо всем этом, — заявил я, стараясь не раскисать.

— Да нет, зачем же? — сказал Стив. — Я знаю, что моя мама хранит деньги в кувшине. Я могу позаимствовать оттуда немного, а потом вернуть их назад, когда нам выдадут на карманные расходы.

— Ты собираешься украсть деньги? — спросил я.

— Я собираюсь их позаимствовать, — огрызнулся он. — Воровать — значит брать что-то и не возвращать. Ну, как вам моя идея?

— А билеты мы как купим? — спросил Томми. — Сегодня ведь обычный вечер, нас не выпустят.

— Я выберусь, — ответил Стив. — И куплю билеты.

— Но мистер Далтон отрезал адрес, — напомнил я. — Откуда ты узнаешь, где их покупать?

— Да я уже давно этот адрес запомнил, — улыбнулся он. — Ну что, так и будем торчать здесь всю ночь, выдумывать разные предлоги, чтобы не пойти, или все-таки решимся?

Мы переглянулись, а потом один за другим согласно кивнули.

— Наконец-то! — сказал Стив. — Теперь бегом домой, берите деньги, а потом быстро сюда. Скажите родителям, что забыли учебник или еще что-нибудь соворите. Соберем наши деньги, а остаток я добавлю — возьму у мамы из кувшина.

— А если тебе не удастся украсть... ну, в смысле, позаимствовать? — спросил я напоследок.

Он пожал плечами:

— Значит, никуда не пойдём. Но сначала надо попытаться. Бегом домой!

Он развернулся и умчался прочь. Через несколько секунд за ним бросились и мы, окончательно решившись пойти на представление.

ГЛАВА 4

В тот вечер я думал только о цирке уродов. Всячески старался выбросить все это из головы, но не мог, даже когда смотрел свои любимые передачи по телику. Интересно ведь! Только представьте себе: Мальчик-Змея, Человек-Волк, паучиха. Конечно, больше всего я хотел посмотреть на паучиху.

Мама с папой, кажется, не заметили, что со мной что-то не так, зато заметила Энни. Это моя младшая сестра. Иногда она здорово меня злит, но вообще-то Энни — классная девчонка. Если я что-нибудь натворю, она ни за что не побежит к маме ябедничать и никогда не выдает чужие секреты.

— Что это с тобой? — спросила меня Энни после ужина.

Мы остались на кухне мыть посуду.

— Да все в порядке, — буркнул я.

— Нет, не в порядке, — сказала она. — Ты весь вечер сам не свой.

Я знал, что уж если она пристанет ко мне с расспросами, то не отцепится, пока не выведает, что хочет, поэтому я рассказал ей про цирк уродов.

— Здорово! — согласилась Энни. — Только вам туда не попасть.

— Почему это? — не понял я.

— Уверена, что детей туда не пускают. Похоже, это представление для взрослых.

— Ну, может, таких козлявок, как ты, и не пускают, — резко сказал я, — но меня с друзьями обязательно пустят.

Она обиделась, и я решил извиниться.

— Прости, — сказал я. — Я не хотел тебя обижать. Просто я и сам боюсь, что ты права, и нас действительно туда не пустят. Энни, я бы отдал все на свете, чтобы пойти в этот цирк!

— У меня есть тени, пудра, помада, можешь взять их, — предложила она. — Нарисуешь себе морщины и всякие складки. Тогда ты будешь выглядеть постарше.

Я улыбнулся и крепко обнял ее, что делаю очень редко.

— Спасибо, сестренка. Не пережирай. Пропустят — хорошо. А нет — ну и ладно.

После этого мы молча вытерли посуду и пошли в гостиную. Вскоре вернулся с работы папа. Он работает на стройках в нескольких местах, поэтому часто приходит поздно. Иногда папа сердится на меня и ворчит, но в тот вечер у него было хорошее настроение, он даже покругил Энни.

— Ну, что новенького? — спросил папа, поздоровавшись с мамой и поцеловав ее.

— Как обычно, забил три гола на большой перемене, — сообщил я.

— Да? — сказал он. — Это здорово. Молодчина!

Когда папа сел ужинать, мы выключили звук у телевизора. Отец любит есть в тишине и покое. За едой он обычно спрашивает нас о чем-нибудь и рассказывает, как у него прошел день.

Потом мама ушла к себе в комнату повозиться с марками. Она уже давно собирает марки. Когда я был помладше, мне тоже нравилось их собирать.

Я заглянул к ней, чтобы посмотреть, нет ли у мамы новых марок с экзотическими животными и пауками. Таких не оказалось. Тогда я решил разузнать у нее про шоу уродов.

— Мам, — сказал я, — ты когда-нибудь видела шоу уродов?

— Что-что? — переспросила она, не отрываясь от марок.

— Шоу уродов, — повторил я. — Ну, где показывают бородатых женщин, людей-волков и мальчиков-змей.

Мама подняла на меня глаза и заморгала от удивления.

— Мальчик-Змея? — спросила она. — Господи, это еще кто такой?

— Это... — Я запнулся, так как понял, что и сам не знаю. — Ладно, неважно. Ты видела такое шоу или нет?

Мама покачала головой:

— Нет. Оно запрещено.

— А если бы не было запрещено, — не отступал я, — если бы на него можно было сходить в нашем городе, ты бы пошла?

— Нет, — ответила она и передернула плечами. — Меня такие штуки всегда пугали. К тому же, думаю, это было бы несправедливо по отношению к участникам шоу.

— В смысле? — спросил я.

— А тебе бы понравилось, — сказала мама, — если бы тебя посадили в клетку и стали показывать публике?

— Я же не урод! — обиженно воскликнул я.

— Знаю, — засмеялась мама и поцеловала меня в лоб. — Ты — мой маленький ангелочек!

— Мама, не надо! — заворчал я, вытирая лоб рукой.

— Глупенький, — улыбнулась она, — ты только представь — у тебя две головы или, скажем, четыре руки, и кто-то решил выставить тебя на потеху публике. Тебе ведь такое не понравится, правда?

— Не понравится, — сказал я, переступив с ноги на ногу.

— А с чего ты вообще заговорил об этом? — спросила мама. — Ты что, допоздна смотрел фильмы ужасов?

— Нет, — ответил я.

— Ты ведь знаешь, что пала не любит, когда ты смотришь...

— Ничего я не смотрел допоздна, ясно? — воскликнул я.

Ненавижу, когда родители меня не слушают.

— Ясно, Ворчун, — сказала мама. — Зачем так кричать? Не нравится со мной сидеть, иди вниз, помоги отцу в саду.

Мне не хотелось, но я видел, что мама расстроилась из-за того, что я на нее накричал, поэтому вышел из ее комнаты и спустился на кухню. Папа как раз зашел в дом через черный ход и сразу же заметил меня.

— Вот ты где прячешься! — обрадовался он. — Так занят сегодня, что не можешь помочь своему папе?

— Я и шел тебе помочь, — сказал я.

— Поздно, — сообщил он, снимая резиновые сапоги. — Я уже закончил.

Папа надел тапочки. У него огромные ноги — 47-го размера! Когда я был совсем маленьким, он ставил меня на свои ноги и ходил со мной по комнате. Мне казалось, что я стою на двух больших скейтбордах.

— Чем собираешься заняться? — спросил я.

— Напишу пару писем, — ответил отец.

У него много разных друзей по переписке по всему миру: и в Америке, и в Австралии, и в России, и даже в Китае. Папа говорит, что любит общаться с людьми со всей планеты, но мне кажется, это просто предлог, чтобы закрыться у себя в кабинете и хорошенько вздремнуть часок-другой!

Энни возилась с куклами. Я спросил, не хочет ли она пойти ко мне и сыграть в кроватный теннис — это когда ракетками-туфлями отбиваешь мячик-носок, — но она отказалась, так как собиралась устроить куклам пикник.

Я отправился в свою комнату и вытащил кипу комиксов. У меня их вагон — про Супермена, Бэтмена, Человека-паука и Спона. Больше всего мне нравится Спон. Это супергерой. Раньше он был демоном в аду. Некоторые комиксы со Спонам очень страшные — вот потому-то они мне и нравятся.

Весь оставшийся вечер я разглядывал комиксы и складывал их по порядку. Раньше я менялся с Томми — у него огромная коллекция комиксов. Но он все время проливал на них чай и колу, а еще ел печенье, когда разглядывал, и засыпал страницы крошками, поэтому я перестал с ним меняться.

Обычно я ложусь спать около десяти, но в этот раз папа с мамой совсем про меня забыли, и я засиделся чуть не до половины одиннадцатого. Наконец отец заметил, что в моей комнате все еще горит свет, и заглянул ко мне. Он притворился, что сердится, но на самом деле это было совсем не так. Папу не очень-то волнует, что я иногда засиживаюсь допоздна. Это мама вечно достает меня, чтобы я ложился пораньше.

— Быстро в постель! — скомандовал отец. — А то завтра тебя не добудишься.

— Сейчас, пап, — сказал я, — только комиксы уберу и зубы почищу.

— Ладно, — согласился он, — давай поскорее.

Я сунул комиксы в коробку и поставил ее на полку над кроватью.

Потом надел пижаму и пошел чистить зубы. Я чистил их как можно медленнее, нарочно тянул время и в кровать забрался почти что в одиннадцать. Откинувшись на подушку, улыбнулся. Я страшно устал и понимал, что засну мгновенно. Перед сном успел подумать еще разок о цирке уродов. Интересно, как выглядит Мальчик-Змея, какой длины борода у бородатой женщины, кто такие Ганс — Золотые Руки и Зубастая Герта? Однако больше всего я мечтал увидеть паучиху.

ГЛАВА 5

На следующее утро мы с Томми и Аланом ждали Стива у ворот школы. Вскоре зазвенел звонок, но нашего друга еще и в помине не было, поэтому нам пришлось пойти в класс.

— Держу пари, он еще спит, — сказал Томми. — Не смог достать билеты, вот и боится теперь нам на глаза показываться.

— Не, Стив не такой, — возразил я.

— Надеюсь, он хоть флаер принесет, — вздохнул Алан. — Мне нужен этот флаер, даже если нам не удастся пойти на представление. Наклею его над кроватью и...

— Вот дурак! Ты что, правда собрался наклеить его над кроватью? — засмеялся Томми.

— А что? — удивился Алан.

— Тони его увидит, — объяснил я.

— Точно, — хмуро протянул Алан.

В тот день я в классе не блистал умом. Первым уроком у нас была география. Миссис Квинн задала мне какой-то вопрос, а я неправильно его понял. Вообще-то география мне всегда дается лучше других предметов — я много всего узнал, когда собирал марки.

— Ты вчера поздно заснул, Даррен? — спросила учительница, когда я на пятый вопрос ответил неправильно.

— Нет, миссис Квинн, — соврал я.

— А по-моему, да, — улыбнулась она. — Таких огромных мешков, как у тебя под глазами, и в местном супермаркете не сыскать!

Все засмеялись — миссис Квинн редко шутила. Я тоже засмеялся, хотя смеялись надо мной.

Утро тянулось бесконечно долго, так бывает, когда тебе грустно или ты чем-то расстроен. Я сидел и думал о цирке уродов. Представил, что я тоже урод и что хозяин цирка — жестокий мужик, который бьет всех хлыстом, даже если его артисты правильно выполняют все трюки. Уроды его ненавидят, но он такой огромный и злобный, что все молчат. И вот однажды он в очередной раз бьет меня, я превращаюсь в волка и отгрызаю ему голову! Уроды приходят в восторг, и я делаюсь новым владельцем цирка.

Приятно было помечтать о таком.

За несколько минут до звонка дверь неожиданно открылась, и в класс вошел... угадайте кто? Стив! За ним вошла его мать, она что-то сказала миссис Квинн, та кивнула и улыбнулась. Потом миссис Леонард вышла, а Стив прошествовал к своей парте и сел.

— Ты где был? — со злостью прошептал я.

— У зубного, — ответил он. — Я забыл вам сказать, что пойду к нему.

— А как же...

— Хватит, Даррен, — прервала меня миссис Квинн.

Пришлось замолчать.

На перемене я, Томми и Алан бросились к Стиву. Мы обступили его и стали расспрашивать.

— Ты достал билеты? — поинтересовался я.

— Ты правда ходил к зубному? — допытывался Томми.

— Где мой флаер? — спросил Алан.

— Люди, имейте терпение! — Стив оттолкнул нас от себя и засмеялся. — Терпение всегда вознаграждается.

— Ладно тебе, Стив, давай выкладывай! — потребовал я. — Достал билеты?

— И да и нет, — ответил, он.

— Как это? — не понял Томми.

— А вот так: у меня есть хорошие новости, плохие новости и просто сногшибательные новости, — пояснил Стив. — С каких начать?

— Сногшибательные новости? — изумленно спросил я.

Стив отвел нас в сторонку, удостоверился, что рядом никого нет, и только потом зашептал:

— Я взял деньги у мамы из кувшина и в семь вечера улизнул из дома, — мама как раз по телефону болтала. Побежал напрямиком к кассе, где билеты продают, и как вы думаете, кого я там увидел?

— Кого? — в один полос спросили мы.

— Мистера Далтона! — выпалил Стив. — А с ним была парочка полицейских. Они выволокли из будки какого-то парня, да и будка-то оказалась не будкой, а так, палатка какая-то. Вдруг раздался громкий хлопок, и всех окутало густое облако. Когда облако рассеялось, того парня и след простыл.

— И что сделали мистер Далтон и полицейские? — спросил Алан.

— Осмотрели палатку, походили туда-сюда и ушли.

— Но тебя они не видели? — спросил Томми.

— Нет, — ответил Стив. — Я наблюдал за всем этим из надежного укрытия.

— Значит, ты не купил билетов, — грустно вздохнул я.

— Я этого не говорил, — возразил он.

— Так ты купил их? — воскликнул я.

— Я уже собирался уходить, — начал объяснять Стив, — и вдруг столкнулся с тем парнем из палатки, он стоял у меня за спиной. Мелкий такой, одет в длинный плащ до пят. Заметил, что я сжимаю в руке флаер, взял его и протянул билеты. Я отдал ему деньги и...

— Ты купил их! — в восторге завопили мы.

— Да, — сказал Стив, широко улыбаясь. Однако улыбка на его лице быстро погасла: — Только не все так хорошо. Я же сказал, что у меня есть и плохие новости. Забыли уже?

— Ну давай рассказывай, — попросил я, решив, что приятель, должно быть, потерял билеты.

— Тот парень продал мне только два, — сказал Стив. — У меня хватило бы денег и на четыре, но он отказался выдать мне еще два билета. Ничего не объяснил, только ткнул пальцем во флаер, там, где напечатано про «заказ билетов», а потом вручил мне карточку, на которой написано, что цирк уродов продает по два билета на один флаер. Я предлагал ему денег — у меня с собой было почти семьдесят фунтов, — но он отказался.

— Он продал тебе всего два билета? — в ужасе переспросил Томми.

— Но ведь тогда... — начал Алан.

— ...на представление пойдут только двое, — закончил Стив и мрачно обвел нас взглядом. — А двоим придется остаться дома.

ГЛАВА 6

Был вечер пятницы. Учеба кончилась, впереди выходные. Все смеялись и весело разбегались по домам наслаждаться предстоящей свободой. Все, кроме четверых несчастных парней, которые бродили по двору с таким видом, будто наступил конец света. Как их звали? Стив Леонард, Томми Джонс, Алан Моррис и я, Даррен Шэн.

— Так нечестно, — простонал Алан. — Разве бывает такой цирк, в котором продают не больше двух билетов в одни руки? Глупость какая-то!

Мы согласились с ним, но делать было нечего. Мы стояли и злобно пинали носками ботинок землю.

Наконец Алан задал вопрос, который мучил всех нас:

— Ну и кому достанутся билеты?

Мы переглянулись и покачали головами.

— Стиву точно причитается билет, — сказал я. — Он больше всего денег внес и купил их, так что ему нужно отдать один, согласны?

— Согласен, — сказал Томми.

— Согласен, — кивнул Алан.

Кажется, он бы поспорил, но не стал — прекрасно понимал, что проиграет. Стив улыбнулся и вытащил билет.

— Кто пойдет со мной? — спросил он.

— Я принес флаер, — быстро сказал Алан.

— И что теперь? — воскликнул я. — Пусть Стив сам выбирает.

— Ни за что! — засмеялся Томми. — Ты ведь его лучший друг. Если мы позволим ему выбирать, он выберет тебя. Давайте устроим бой. Победителю — билет. У меня дома есть боксерские перчатки.

— Ну уж нет! — завопил Алан.

Он очень маленький и старается никогда не ввязываться в драки.

— Я тоже не хочу никакого боя, — сказал я. Я не был трусом, просто прекрасно понимал, что у меня никаких шансов победить Томми. Отец учит его боксировать по всем правилам, у них дома даже есть настоящая боксерская груша. Томми отправит меня в нокаут в первом же раунде.

— Давайте тянуть соломинку, — предложил я, но Томми не

захотел.

Ему вечно не везет, поэтому в таких штуках он никогда не выигрывает.

Мы еще немного поспорили об этом, и вдруг у Стива родилась отличная мысль.

— Придумал! — сказал он, открывая портфель.

Он вырвал из тетрадки двойной лист и при помощи линейки разорвал его на несколько равных частей примерно такого же размера, что и билет. Потом сунул их в пустую коробку, в которой носил бутерброды на обед.

— Вот, смотрите, — сказал Стив, показав нам второй билет. — Я положу его в эту коробку, закрою крышку и встряхну как следует. Согласны?

Мы кивнули.

— Вы встанете рядышком, и я высыплю на вас содержимое коробки. Тот, кто схватит билет, пойдет со мной на представление. Мы вернем остальным их деньги, как только сможем. Ну как, годится? Или у кого-нибудь есть идея получше?

— Мне нравится, — сказал я.

— Не знаю, — проворчал Алан. — Я ведь самый младший из нас. Я не умею прыгать так высоко, как...

— Хватит болтать! — оборвал его Томми. — Я самый маленький, но мне эта идея нравится. А билет может вообще оказаться на самом дне, выпасть последним и долго потом кружиться в воздухе, опускаясь все ниже и ниже, так что даже самые невысокие смогут его схватить.

— Ладно, ладно, — сдался Алан. — Только чур не толкаться.

— Хорошо, — сказал я. — Без глупостей.

— Согласен, — кивнул Томми.

Стив закрыл коробку крышкой и сильно встряхнул.

— Приготовиться! — скомандовал он.

Мы отошли от Стива и выстроились в ряд. Томми с Аланом стали плечом к плечу, а я — немного поодаль от них, чтобы можно было махать руками.

— Прекрасно, — сказал Стив. — Сейчас я сосчитаю до трех, а потом высыплю на вас бумажки. Все готовы?

Мы кивнули.

— Раз, — начал, отсчет Стив.

Я заметил, как Алан протер глаза.

— Два, — продолжил Стив, и Томми пошевелил пальцами.

— Три! — закричал Стив, сорвал крышку, и содержимое коробки взлетело в воздух.

Порыв ветра бросил все листочки прямо нам в лицо. Томми и Алан заорали и стали хватать их. Среди этих листочков различить билет было практически невозможно.

Я уже собирался, как и они, хватать бумажки наугад, но мне вдруг захотелось сделать по-другому. Вы решите, что я ненормальный, но я всегда верил в предчувствие и интуицию.

Закрыв глаза, я выставил руки, как слепой, и стал ждать чуда.

Вы и без меня знаете, что бесполезно пытаться повторить то, что показывают в фильмах, — в жизни такое не получается. Кто с первого раза сможет проехать на заднем колесе велосипеда или перепрыгнуть через бордюр на скейте? Однако очень-очень редко, когда этого совсем не ожидаешь, случаются очень странные вещи.

Я почувствовал, как листочки пролетают у меня между пальцами, Я собирался было схватить их, но что-то сказало мне, что еще не время. А через пару секунд какой-то голос внутри меня скомандовал: «ДАВАЙ!»

Я резко сжал пальцы.

Ветер стих, листочки опустились на землю. Я открыл глаза и увидел, что Томми с Аланом ползают на четвереньках, пытаясь отыскать билет.

— Его здесь нет! — сказал Томми.

— Я никак не могу его найти! — воскликнул Алан.

Вдруг они перестали искать и уставились на меня. Я замер как вкопанный. Так и стоял со сжатыми кулаками.

— Даррен, что у тебя? — тихо спросил Стив. Я молча взглянул на него, не в силах ответить.

Казалось, я сплю и не могу ни двинуться, ни разговаривать.

— У него нет билета, — сказал Томми. — Точно нет. Он ведь стоял с закрытыми глазами.

— Может, и так, — согласился Стив, — но что-то же он сжимает в кулаках.

— Ну-ка, покажи, — попросил Алан, толкнув меня, — что ты там прячешь?

Я посмотрел на Алана, на Томми, на Стива. Потом медленно

разжал пальцы правой руки.

Там ничего не было.

Сердце бешено заколотилось у меня в груди. Алан улыбнулся, а Томми снова уставился на листочки, пытаясь найти билет.

— А в другой руке? — спросил Стив.

Я удивленно посмотрел на левый кулак, про который совсем забыл. Разжал пальцы еще медленнее, чем раньше.

На ладони лежал какой-то зеленый листок, но, поскольку на нем ничего не было написано, я решил перевернуть его, чтобы удостовериться. На обратной стороне красными и синими буквами были напечатаны заветные два слова:

ЦИРК УРОДОВ.

Получилось! Билет достался мне. Я пойду на представление со Стивом.

— УРРРРРРААААААААААА!!! — завопил я и высоко подпрыгнул от радости.

Я победил!

ГЛАВА 7

Билеты были на субботу, поэтому у меня было достаточно времени, чтобы спросить у родителей разрешения остаться ночевать у Стива.

Я не стал говорить им о цирке, так как прекрасно понимал, что они не разрешат мне пойти на представление, если узнают. Мне неприятно было, что я скрываю это от родителей, но, с другой стороны, я же не врал, а просто недоговаривал.

Суббота казалась мне бесконечной. Я старался чем-нибудь занять себя, чтобы время пролетело незаметно, но все равно не переставая думать о цирке уродов. Мне ужасно хотелось побыстрее попасть на представление. Я все время недовольно бурчал, хотя обычно по субботам очень спокойный и добрый, так что мама только обрадовалась, когда наконец я уехал к Стиву.

Энни знала, что я собираюсь пойти на представление. Она попросила принести ей какой-нибудь сувенир, например фотографию, но я сказал, что там не разрешают снимать (это было написано на билете), а на футболку у меня нет денег. Я пообещал купить ей значок, если их будут продавать, или плакат, но тогда ей придется прятать его от родителей и ни в коем случае не говорить им, откуда у нее значок, если его найдут.

Папа высадил меня возле дома, где жил Стив, в шесть вечера и спросил, во сколько ему приехать за мной завтра. Я попросил его приехать часам к двенадцати, если он не против.

— Только не смотрите фильмы ужасов, ладно? — сказал папа, прежде чем уехать. — Не хочу, чтобы тебя потом кошмары мучили.

— Ну, папа! — взмолился я. — У меня все одноклассники смотрят ужастики.

— Хорошо, — сказал отец. — Я не против старых добрых фильмов с Винсентом Прайсом или не очень страшных экранизаций «Дракулы», но не смотри эту новую чепуху! Договорились?

— Договорились, — пообещал я.

— Вот и молодец, — похвалил меня папа и уехал.

Я подбежал к входной двери и позвонил четыре раза — это был наш со Стивом условный сигнал. Наверное, он стоял в холле, так как

сразу же после четвертого звонка дверь распахнулась и Стив втащил меня в дом.

— Наконец-то, — проворчал он и указал на лестницу. — Видишь вон тот холм? — спросил Стив так, как обычно разговаривают солдаты в фильмах про войну.

— Так точно, сэр, — ответил я, щелкнув каблуками.

— Нам нужно взять его к рассвету.

— У нас ружья или пулеметы, сэр? — спросил я.

— Совсем спятил? — рявкнул он. — Нам ни за что не удалось бы протащить пулемет по такой грязи. — Он указал на ковер под ногами.

— Значит, ружья, сэр, — сказал я.

— Если нас окружают, — предупредил Стив, — оставь один патрон для себя. Живыми нас не возьмут!

Мы стали подниматься по лестнице, как солдаты, делая вид, будто стреляем в невидимого противника. Конечно, это было немного глупо, зато забавно. В этом «бою» Стив «потерял» ногу, и мне пришлось помогать ему взобраться на «вершину».

— Можете забрать у меня ногу, — закричал он с верхней площадки, — даже жизнь, но моей родины вам не видать как своих ушей!

Это была вдохновенная речь. По крайней мере, она вдохновила миссис Леонард на то, чтобы выйти из гостиной, посмотреть, из-за чего Стив так расшумелся. Увидев меня, она улыбнулась и предложила мне что-нибудь поесть. Я отказался. Стив заявил, что не прочь сейчас шампанского с икрой, но сказал он это не очень смешно, поэтому я не засмеялся.

Стив не ладит со своей матерью. Они живут вдвоем — отец бросил их, когда Стив был еще совсем маленький. Они вечно о чем-то спорят и кричат друг на друга. Почему — я не знаю. Никогда не спрашивал Стива об этом. Есть такие вещи, о которых мальчишки никогда не расспрашивают своих друзей. Девчонки часто болтают о таком, но мальчишки обычно разговаривают о компьютерах, о футболе или о войне. О родителях говорить не круто.

— Как мы выберемся на представление? — спросил я шепотом, когда мама Стива вернулась в гостиную.

— Об этом не волнуйся, — ответил он. — Она собиралась вечером куда-то пойти. — Стив часто говорил «она» вместо «мама». — А когда

вернется, то решит, что мы уже заснули.

— А если вздумает проверить?

Стив зло засмеялся:

— Что? Думаешь, она войдет в мою комнату, когда я ее не приглашал? Не осмелится.

Мне не нравилось, что Стив так говорит о своей матери, но я промолчал, испугавшись, как бы он снова не впал в бешенство. Мне не хотелось портить такой чудесный вечер.

Стив вытащил свои комиксы ужасов, и мы стали читать их вслух. У него много комиксов для взрослых. Мои родители собственноручно ужокошили бы меня, если б увидели в моей комнате такие комиксы.

Еще у Стива масса старых журналов и книжек про монстров, вампиров, оборотней и призраков.

— А кол обязательно должен быть деревянным? — спросил я, просмотрев до конца комиксы про Дракулу.

— Нет, — ответил он. — Сойдет и металлический, и из слоновой кости, и даже из пластмассы, лишь бы им можно было пронзить сердце.

— И вампир умрет? — не успокоился я.

— А то как же! — сказал Стив.

Я нахмурился:

— Ты же говорил, что вампирам нужно отрезать голову, набить ее чесноком и бросить в реку.

— Да, так написано в некоторых книгах, — согласился он. — Но это если хочешь убить не только тело, но и душу, чтобы вампир не смог стать призраком.

— А что, вампиры могут превратиться в призраков? — с ужасом спросил я.

— Наверное, нет, — ответил Стив. — В любом случае, если у тебя найдется пара свободных минут, то лучше все-таки отрезать голову и выбросить ее, тогда вампир наверняка помрет. Когда имеешь дело с вампирами, то рисковать как-то не хочется, верно?

— Верно, — пробормотал я, содрогнувшись. — А как быть с оборотнями? Их можно убить только серебряными пулями?

— Мне кажется, нет. Думаю, для этого подойдут и простые. Может быть, потребуется много пуль, больше, чем обычно, но в конце концов оборотень все равно помрет.

Стив знает уйму всего об ужасах. Он читал много ужастиков и

говорит, что в каждой книге есть доля правды, пусть даже большинство выдуманы.

— А как ты думаешь, Человек-Волк из цирка уродов — оборотень? — спросил я.

Стив покачал головой.

— Я много читал про шоу уродов, — сказал он. — Обычно Человек-Волк в таких шоу — это просто очень волосатый мужик. Некоторые люди-волки больше похожи на животных, чем на людей. Они едят живых цыплят, сырое мясо, но они вовсе не оборотни. И потом, настоящий оборотень вряд ли сгодился бы для представления, он ведь превращается в волка только в полнолуние. А в остальные дни это обычный человек.

— Понятно, — протянул я. — А Мальчик-Змея? Ты...

— Эй! — засмеялся Стив. — Хватит уже. Потом задашь свои вопросы. Раньше шоу уродов были просто ужасны. Владельцы морили их голодом, держали в клетках и обращались с ними, как с дерьмом. А про это шоу я ничего не знаю. Может, тут вообще не настоящие уроды, а обычные люди в костюмах.

Цирк давал свои представления на другом конце города. Нам пришлось выйти часов в девять, чтобы добраться вовремя. Можно было доехать на такси, но мы положили почти все наши деньги на карманные расходы в кувшин, где мать Стива хранит свои наличные и откуда Стив позаимствовал на билеты. К тому же идти пешком было гораздо интереснее. И намного страшнее!

По пути мы рассказывали друг другу страшные истории. Честно говоря, большинство историй рассказывал Стив, он знал их намного больше, чем я. Сегодня он был в ударе. Обычно он забывает, чем все закончилось, путает имена, но сегодня вечером все было по-другому. С ним было интереснее, чем с самим Стивеном Кингом!

Идти пришлось долго, дольше, чем нам казалось, и мы чуть было не опоздали. Последние полкилометра пришлось бежать. До места мы добрались, высунув язык и часто дыша, как собаки.

Представление должны были показывать в старом кинотеатре. Раньше я два раза проходил мимо него. Однажды Стив рассказал мне, что его закрыли после того, как с балкона упал мальчик и разбился насмерть. А еще он сказал, что теперь в кинотеатре обитают призраки. Я спросил папу, но он ответил, что это все вранье. Иногда очень трудно

решить, кому верить: родному отцу или лучшему другу.

На стене возле входа не висело ни одной афиши, рядом не стояло ни одной машины, и очереди тоже не было. Мы остановились перед дверью и, согнувшись, попытались отдышаться. Потом выпрямились и осмотрели здание. Оно было высоким, стены облицованы серым камнем, кое-где отколовшимся и покрытым трещинами. Стекла во многих окнах были выбиты, а дверной проем походил на раскрытый рот великана.

— Ты уверен, что нам сюда? — спросил я, стараясь не показать виду, что испугался.

— Так написано на билетах, — ответил Стив и проверил еще раз, чтобы убедиться. — Ну да. Все правильно.

— Может, об этом шоу пронюхала полиция и уродам пришлось быстро убраться из нашего города? — предположил я. — Может, сегодня не будет никакого представления?

— Может быть, — согласился Стив.

Я взглянул на него, нервно облизнул губы, и спросил:

— И что же нам теперь делать?

Он посмотрел на меня, немного помедлил, но ответил:

— Я думаю, надо войти и проверить. Мы столько шли. Глупо сейчас поворачивать обратно, не удостоверившись.

— Согласен. — Я кивнул.

А потом посмотрел на страшное здание и нервно сглотнул. Оно было похоже на дома из ужастиков, в таких домах люди пропадают бесследно.

— Боишься? — спросил я.

— Нет, — ответил Стив, но я слышал, как стучат его зубы, и потому знал, что он врет.

— А ты? — спросил он.

— Нет, конечно.

Мы посмотрели друг на друга и улыбнулись. Оба знали, что боимся, но, как бы то ни было, мы были вдвоем. Вдвоем бояться не так уж и неприятно.

— Ну что, идем? — спросил Стив как можно бодрее.

— Вперед! — решил я.

Мы глубоко вздохнули, скрестили пальцы наудачу, поднялись по лестнице (девять каменных ступенек, потрескавшихся и покрытых

МХОМ) и вошли в кинотеатр.

ГЛАВА 8

Мы оказались в длинном, темном и холодном коридоре. На мне была куртка, но я все равно дрожал. Холодина жуткая!

— Почему здесь так холодно? — спросил я Стива. — На улице вроде тепло.

— В старых домах всегда так, — объяснил он.

Мы пошли по коридору. В самом конце брезжил свет, поэтому чем дальше мы шли, тем светлее становилось. Я был рад этому. Иначе я бы просто не сумел добраться до конца коридора — испугался бы до смерти!

На стенах виднелись длинные царапины и какие-то надписи. С потолка сыпалась побелка. Здесь было по-настоящему жутко. В этом кинотеатре и днем-то, наверное, страшно, а сейчас ведь уже десять вечера, через два часа полночь!

— Гляди-ка — дверь, — сказал Стив и, остановившись, приоткрыл ее.

Петли громко заскрипели. Я чуть было не повернул обратно. Казалось, будто кто-то откинул крышку гроба!

Но Стиву, судя по всему, не было страшно. Он смело заглянул в проем. Какое-то время он ничего не говорил, дожидаясь, когда глаза привыкнут к темноте, потом отступил от двери.

— Там лестница на балкон, — сказал Стив.

— Тот самый, откуда упал мальчик? — спросил я.

— Да.

— Думаешь, нам туда? — снова спросил я. Стив покачал головой:

— Вряд ли. Там темно, ни огонька. Пойдем туда, если не найдем никакого другого пути, но вообще-то...

— Что-то ищете, мальчики? — раздался голос у нас за спиной, и мы чуть не подпрыгнули от страха.

Быстро повернувшись, мы увидели перед собой самого высокого человека в мире. Он уставился на нас так, словно мы были мерзкими крысами. Человек был такого роста, что его голова чуть ли не упиралась в потолок. У него были огромные костлявые руки и темные-претемные глазищи, похожие на два уголька.

— Вам не кажется, что в такой час маленьким мальчикам не следовало бы шастать по заброшенным домам? — спросил он.

Голос у него был грудной и какой-то квакающий, как у лягушки, но губы, похоже, не шевелились, когда он говорил. Этот великан мог бы стать классным чревовещателем.

— Мы... — начал Стив, но тут же запнулся и облизал губы. — Мы пришли на представление в цирк уродов.

— Правда? А билеты у вас есть?

— Есть. — Стив показал свой билет.

— Отлично, — пробормотал мужчина. Потом повернулся ко мне и сказал: — А у тебя, Даррен, есть билет?

— Да, — ответил я и принялся рыться в карманах, но вдруг замер.

Он назвал меня по имени! Я глянул на Стива — тот трясся от страха.

Высокий улыбнулся. Зубы у него были черные, нескольких не хватало, а язык какой-то желтоватый.

— Меня зовут мистер Длинноут, — представился он. — Я владелец цирка уродов.

— А откуда вы знаете, как зовут моего друга? — храбро спросил Стив.

Мистер Длинноут засмеялся и нагнулся, чтобы посмотреть Стиву в глаза.

— Я много чего знаю, — тихо сказал он. — Знаю, как вас зовут. Знаю, где вы живете. Знаю, что ты недолюбливаешь свою маму, а ты — своего папу.

Он повернулся ко мне, и я отступил назад. У него ужасно воняло изо рта.

— Знаю, что ты не сказал родителям, что идешь сюда. Знаю, как тебе достался билет.

— Откуда? — спросил я.

У меня стучали зубы от страха, и я не знаю, разобрал ли он, о чем я его спросил. В любом случае, мистер Длинноут решил не отвечать. Выпрямившись, он отвернулся от нас.

— Надо поторапливаться, — сказал он и пошел по коридору.

Я думал, у него будут огромные шаги, но он шел как обычный человек.

— Представление вот-вот начнется. Все уже расселись по местам.

Вы немного опоздали, мальчики. Вам повезло, что мы не начали без вас.

В конце коридора мистер Длинноут свернул за угол. Он был всего в нескольких шагах от нас, но, когда мы тоже свернули, он уже сидел за длинным столом, накрытым черной скатертью, свисавшей до самого пола. На нем была высокая красная шляпа и перчатки.

— Предъявите билеты, — сказал мистер Длинноут, взял их и, сунув в разинутый рот, разжевал и проглотил. — Ладно, ребятки, проходите. Обычно мы не пускаем детей, но, как я погляжу, вы храбрые, отважные мальчики. Мы сделаем для вас исключение.

Перед нами висели две синие шторы. Мы со Стивом переглянулись и беспокожно пожали плечами.

— Нам туда? — спросил Стив.

— Разумеется, — ответил мистер Длинноут.

— А нас никто не проводит? — спросил я.

Он засмеялся:

— Если ты хотел, чтобы тебя вели за руку, надо было взять с собой няньку!

Я здорово разозлился и на мгновение даже забыл, что мне страшно.

— Ладно, — фыркнул я и сделал шаг вперед, удивив этим Стива. — Раз так...

Не закончив фразы, я стремительно шагнул к шторам и резко отвел их в стороны.

Не знаю, из чего они были сделаны, но на ощупь показались мне очень похожими на паутину. Я остановился. Передо мной был небольшой коридор, в конце которого, в нескольких метрах от меня, висели еще две шторы. За ними слышались непонятные звуки. Стив подошел ко мне. Из-за штор явно доносился какой-то шум.

— Как думаешь, это не опасно? — спросил я.

— Думаю, лучше пойти вперед, — ответил он. — Мистеру Длинноуту явно не понравится, если мы повернем назад.

— А откуда он про нас столько всего знает? — опять спросил я.

— Наверное, умеет читать мысли, — объяснил Стив.

— Уф! — Я задумался на пару секунд, а потом сказал: — Напугал он меня до смерти.

— Меня тоже, — признался Стив.

И мы пошли вперед.

За шторами был огромный зал. Кресла из кинотеатра давным-давно

убрали, и вместо них теперь стояли складные стулья. Мы стали искать свободные места. В зале было полно зрителей, но мы оказались единственными детьми. Я заметил, как люди смотрят на нас и перешептываются.

Свободные места остались только в четвертом ряду. Чтобы добраться до них, нам пришлось пару раз наступить на чьи-то ноги, кого-то толкнуть. Люди недовольно ворчали. Устроившись, мы поняли, что нам достались замечательные места — сцена прямо перед нами, а зрители впереди — невысокие, совсем не загораживают. Все будет прекрасно видно.

— Как думаешь, здесь продают попкорн? — спросил я.

— В цирке уродов? — фыркнул Стив. — Очнись! Может, здесь продают змеиные яйца и глаза ящериц, но, готов поклясться чем угодно, попкорн здесь не продают!

Публика в зале была самая разная. Некоторые одеты как на деловую встречу, другие в спортивных костюмах. Древние старики и парни чуть старше нас со Стивом. Кое-кто весело болтал с друзьями и вел себя так, будто пришел на футбольный матч, другие вжались в стулья и нервно оглядывались.

Но все были возбуждены до крайности. В их глазах светились те же огоньки, что и в наших со Стивом. Мы все знали, что нас ждет что-то особенное, чего мы еще никогда не видели.

Зазвучали фанфары, и зрители затихли. Однако этот звук не смолкал, а становился все громче и громче, свет в зале медленно гас, и вскоре вокруг сгустилась темнота. Мне снова стало страшно, но теперь уже поздно было уходить.

Внезапно фанфары смолкли, и наступила тишина. У меня загудело в ушах, закружилась голова. Но вскоре это прошло, и я снова сел прямо.

Где-то высоко над нашими головами включили прожектор, и сцену залил зеленый свет. Стало по-настоящему жутко. Примерно с минуту сцена была пуста. Потом показались двое мужчин. Они тащили за собой клетку, накрытую чем-то вроде огромной медвежьей шкуры. Выкатив клетку на середину сцены, они остановились, бросили веревки и убежали за кулисы.

В зале снова воцарилась тишина. Однако через несколько секунд снова зазвучали фанфары — три коротких сигнала. Шкура слетела с клетки, и перед зрителями предстал урод.

Тут публика в первый раз завопила от ужаса.

ГЛАВА 9

Вообще-то вопить было не из-за чего. Да, урод страшный, но ведь он в клетке и скован толстыми цепями. Наверное, зрители закричали вовсе не от страха, а просто так — как на американских горках — для развлечения.

Перед нами был Человек-Волк. Он выглядел просто отвратительно. Весь покрыт шерстью, на бедрах какая-то повязка, как у Тарзана. Зрители видели его волосатые ноги, и живот, и спину, и руки. Длинную, густую бороду. Желтые глаза и красные зубы.

Человек-Волк подергал прутья клетки и зарычал. Стало страшно. Когда он зарычал, завопило еще больше зрителей. Я и сам чуть было не закричал от ужаса, но вовремя сдержался — глупо кричать как грудной младенец.

Человек-Волк еще немного потряс прутья, попрыгал по клетке и наконец успокоился. Когда он отошел в дальний угол и уселся по-собачьи, на сцену выступил мистер Длинноут.

— Дамы и господа! — сказал он, и, несмотря на то, что голос у него был тихий и квакающий, всем зрителям было прекрасно слышно, что он говорит. — Добро пожаловать в цирк уродов, в котором собрались самые удивительные люди планеты! Наш цирк существует с давних времен, — продолжал мистер Длинноут. — Мы колесим по миру уже пятьсот лет и все это время вселяем ужас в сердца людей. Наш репертуар менялся не один раз, но цель всегда оставалась одна — поразить и напугать вас! Здесь вы увидите все самое причудливое и ужасное, чего не найдете больше нигде в мире. Слабонервных просим удалиться. Уверен: многие из тех, кто пришел сегодня на представление, думают, что это обман. Возможно, они ожидают увидеть обычных людей в масках или безобидных калек. Но они ошибаются! Все, что вы сегодня увидите, — не обман зрения, не ловкий трюк. Участники нашего шоу — уникальные создания. И далеко не безобидные.

На этом он оборвал свою речь и удалился. На сцене появились две красивые женщины в блестящих костюмах. Они открыли дверцу клетки, в которой сидел Человек-Волк. У некоторых зрителей на лицах

отразился страх, но из зала никто не вышел.

Человек-Волк выскочил на сцену и принялся громко лаять и выть, но тут одна из женщин загипнотизировала его, сделав какой-то знак пальцами. Другая повернулась к публике.

— Ведите себя как можно тише, — сказала она со странным акцентом. — Пока Человек-Волк находится под гипнозом, он не причинит вам вреда, но он может очнуться от громкого звука и тогда станет смертельно опасен!

Женщины спустились со сцены и повели Человека-Волка по рядам. Шерсть у него была грязно-серого цвета, он шел, сильно наклонившись вперед, так что руки свисали до колен.

Женщины не отходили от него. Они то и дело призывали зрителей соблюдать тишину. Можно было потрогать Человека-Волка, но только очень осторожно. Стив даже погладил его, но я боялся, что он очнется и укусит меня, и потому не стал его трогать.

— Какой он на ощупь? — еле слышно спросил я.

— Колючий, — ответил Стив. — Как ежик. — Он поднес пальцы к носу и понюхал. — И очень странно пахнет — паленой резиной.

Женщины с Человеком-Волком уже обошли ползала, как вдруг раздался громкий СТУК! Не знаю, откуда он донесся, но Человек-Волк вдруг жутко заревел и оттолкнул от себя женщин.

Зрители закричали, а те, кто сидел недалеко от него, вскочили с мест и кинулись к выходу. Какая-то женщина не успела убежать, Человек-Волк прыгнул на нее и повалил на пол. Она громко кричала, но никто не бросился ей на помощь. Человек-Волк перевернул ее на спину и обнажил зубы. Женщина выставила вперед руку, пытаясь защититься, но он вцепился в кисть и отгрыз ее!

Кое-кто, увидев такое, упал в обморок, другие — те, что еще оставались на своих местах, — завопили и тоже помчались к выходу. Внезапно за спиной у Человека-Волка вырос мистер Длинноут и обхватил его руками. Человек-Волк стал вырываться, однако мистер Длинноут что-то шепнул ему на ухо, и он успокоился. Пока владелец цирка уродов вел Человека-Волка к сцене, артистки в блестящих костюмах успокаивали публику и просили всех вернуться на свои места.

Зрители колебались, не зная, послушаться ли их, а женщинах отгрызенной рукой продолжала кричать. Кровь била фонтаном из раны, заливая пол и тех, кто стоял рядом. Мы со Стивом в ужасе таращились

на нее, думая, что она сейчас умрет.

Заперев Человека-Волка в клетке, мистер Длинноут вернулся в зал, подобрал отгрызенную кисть и громко свистнул. К нему подбежали два человека в длинных синих плащах с капюшонами на головах. Они были невысокие, почти как мы со Стивом, но руки и ноги у них были крепкие и мускулистые. Мистер Длинноут усадил женщину на стул и прошептал ей что-то на ухо. Она перестала кричать.

Держа ее одной рукой за запястье, другой рукой он вынул из кармана маленький кожаный мешочек. Открыв его, мистер Длинноут посыпал кровоточащее запястье сверкающим розовым порошком. Потом приложил к запястью кисть и кивнул помощникам в синих плащах. Они достали откуда-то иголки, оранжевые нитки и, ко всеобщему изумлению, начали пришивать кисть!

Шили они минут пять-шесть. Женщина, судя по всему, не чувствовала никакой боли, хотя иголки вонзались в ее руку. Закончив, помощники убрали иголки с нитками и ушли. Капюшоны они не снимали, так что я даже не понял, мужчины это или женщины. Когда они скрылись, мистер Длинноут отпустил руку женщины и отошел от нее.

— Пошевелите пальцами, — сказал он.

Женщина посмотрела на него пустыми глазами.

— Пошевелите пальцами! — снова сказал он, и она подчинилась.

Пальцы двигались!

Зрители открыли рты от удивления. Женщина уставилась на свои пальцы так, будто не верила, что они настоящие. Снова пошевелила ими. Потом встала и подняла руку над головой. Она сильно затрясла ею, но ничего страшного не произошло — рука была такой же, как и прежде! Стежки вокруг запястья были видны, но кровь больше не шла, и пальцы работали нормально.

— С вами все будет в порядке, — успокоил зрительницу мистер Длинноут. — Через пару дней стежки исчезнут. И все будет хорошо.

— Думаете, вам это так сойдет? — закричал кто-то из зала.

К мистеру Длинноуту подступил какой-то мужчина с красным лицом.

— Я ее муж, — сообщил он. — Думаю, мы пойдем напрямиком в больницу, а потом — в полицию! Нельзя выпускать такого дикого зверя в зал! А если бы он отгрыз ей голову?

— Тогда бы ваша жена умерла, — спокойно сказал мистер Длинноут.

— Знаешь, что я тебе скажу, негодяй... — начал муж пострадавшей, но владелец цирка его прервал:

— Скажите-ка мне, сэр, где были вы, когда Человек-Волк напал на вашу жену?

— Я? — переспросил муж.

— Да, вы. Вы ведь ее муж. Вы сидели рядом с ней, когда зверь очнулся от гипноза. Почему же вы не помогли ей?

— Я... Все произошло так неожиданно... Я не мог... Я не...

Но было ясно, что он не может оправдаться, потому что на самом деле в тот момент, когда Человек-Волк набросился на его жену, он сломя голову бежал к выходу, спасая свою шкуру.

— Послушайте, сэр, — сказал мистер Длинноут, — я ведь всех предупредил. Сказал, что наше представление опасно. Это не обычный цирк с добрыми зверюшками и клоунами, где все проходит мирно и гладко. Здесь может случиться всякое. Ваша жена еще легко отделалась, бывает и хуже. Именно поэтому подобные шоу запрещены. Именно поэтому нам приходится давать представления ночью, в заброшенных кинотеатрах. Обычно обходится без пострадавших. Но мы не можем гарантировать вашу безопасность.

Мистер Длинноут медленно повернулся, заглянув обступившим его зрителям в глаза.

— Мы не можем гарантировать вашу безопасность! — закричал он. — Вероятность того, что подобное произойдет сегодня еще раз, мала, но она все-таки существует. Я еще раз повторю: тем, кому страшно, лучше уйти. Уйти немедленно, потом может быть поздно!

Несколько зрителей вышли из зала. Но большинство все же остались досмотреть представление, даже та женщина, которой откусили руку.

— Ты не хочешь уйти? — спросил я Стива, в глубине души надеясь, что он скажет: «Хочу».

Мне было интересно, что будет дальше, но перепугался я не на шутку.

— Ты что, спятил? — возмутился он. — Здесь же так здорово! А ты собираешься уйти?

— Ни за что, — соврал я и выдал улыбку.

Если бы только я не боялся показаться трусом! Ведь мог бы уйти, и все было бы прекрасно. Но нет, я решил, что надо вести себя, как подобает настоящему мужчине, и досмотреть представление до конца. Если бы вы только знали, сколько раз я жалел о том, что в тот вечер не убежал из этого жуткого кинотеатра...

ГЛАВА 10

Когда мистер Длинноут удалился и зрители снова расселись по местам, на сцену вышел второй уродец, Костлявый Александр. Он был похож на комедийного актера — совсем не страшный. Зато публика смогла немного прийти в себя после того, что случилось во время первого выступления. Случайно оглянувшись, я заметил, как двое в синих плащах и капюшонах смывают кровь с пола.

Костлявый Александр был самым худым из всех, кого я когда-либо видел. Настоящий скелет! Казалось, на костях совсем нет мяса! От его вида можно было бы прийти в ужас, если бы Костлявый Александр не улыбался, так широко и дружелюбно.

Играла веселая музыка, он танцевал на сцене. На нем было трико, как у танцоров в балете, он так забавно выглядел, что вскоре зрители стали громко смеяться. Через некоторое время Костлявый Александр перестал танцевать и начал изгибаться по-всякому. Он заявил, что он гуттаперчевый (так говорят про тех, у кого кости как из резины и которые могут растягиваться).

Сначала Костлявый Александр запрокинул голову назад — так, что казалось, ее вообще отрезали. Он повернулся к нам спиной, чтобы зрители могли взглянуть на его лицо. Потом стал прогибаться назад, пока голова не коснулась пола! После этого Александр обхватил руками ноги и просунул голову между ними так, что скоро голова вылезла впереди. Казалось, будто она растет у него из живота!

Публика громко зааплодировала от восторга. Костлявый Александр выпрямился и стал закручиваться вокруг себя винтом! Он все закручивался и закручивался, пока не обернулся целых пять раз и его кости не затрещали. Немного постояв так, он стал раскручиваться, все быстрее и быстрее.

После этого он взял барабанные палочки с мехом на концах. Одной палочкой он ударил себя по ребру, открыл рот, и оттуда вылетел протяжный звук. Как будто кто-то нажал клавишу на пианино. Александр снова закрыл рот и ударил по ребру с другой стороны. Потом открыл рот, и оттуда вылетел другой протяжный звук, немного громче и выше предыдущего.

Еще немного потренировавшись, он широко раскрыл рот и стал играть на себе разные песни — «Лондонский мост», несколько песен «Битлз» и мелодии из известных телешоу.

Когда Костлявый Александр уходил со сцены, зрители громко просили сыграть еще. Но никто из исполнителей не выступал на бис.

После него перед нами появился Голодный Рамус. Он был ужасно толстый. Просто необъятный! Когда он шел по сцене, у него под ногами трещали доски.

Рамус подошел к самому краю и несколько раз сделал вид, что вот-вот упадет. Я заметил, что зрители в первых рядах забеспокоились, некоторые даже отскочили в сторону. Я их понимал: если Рамус упадет, то расплющит их в лепешку!

В конце концов он встал посреди сцены.

— Привет! — сказал он, у него был приятный низкий, хотя и немного скрипучий голос. — Меня зовут Голодный Рамус, и я действительно всегда голодный! Таким уж я родился. В детстве врачи очень удивлялись, сказали, что я урод. Вот почему я пришел в цирк уродов и выступаю сегодня перед вами.

Две помощницы — те самые, что загипнотизировали Человека-Волка, — выкатили на сцену тележку, груженную едой. На ней были торты, жареная картошка, гамбургеры, конфеты, кочаны капусты. Кое-что я не то что не пробовал, но даже никогда не видел.

— Ням-ням, — сказал Рамус.

Он показал на огромные часы, спускавшиеся на веревках. Они повисли в трех метрах от его головы.

— Как, по-вашему, сколько у меня уйдет на то, чтобы съесть все это? — спросил он, указав на еду. — Тот, кто будет ближе всего к правильному ответу, получит приз.

— Час! — закричал кто-то.

— Сорок пять минут! — закричал другой.

— Два часа десять минут тридцать три секунды! — выкрикнул кто-то еще.

Скоро стали кричать уже все зрители. Я сказал, что у него уйдет час и три минуты. Стив — двадцать девять минут. Какой-то зритель предположил, что Рамус съест все это за семнадцать минут.

Когда мы утихомирились, время пошло, и Рамус приступил к еде. Он ел с дикой скоростью. Руки у него двигались так быстро, что их

было почти не видно, а рот, казалось, вообще не закрывался. Рамус бросал в рот какую-то еду, глотал и снова открывал его.

Все были ужасно удивлены. Меня стало тошнить. И не только меня, многих зрителей затошнило!

Наконец Рамус сожрал последнюю булочку, и часы у него над головой остановились.

Четыре минуты пятьдесят шесть секунд! Он умудрился съесть все это меньше чем за пять минут! Я не мог поверить своим глазам. Никто не смог бы сожрать столько всего так быстро, даже очень голодный человек!

— Ммм, как вкусно, — сказал Рамус. — А где же десерт?

Пока мы громко хохотали и аплодировали, дамы в блестящих костюмах укатили тележку за сцену и выкатили еще одну, в которой лежали стеклянные статуэтки, вилки, ложки и разный металлический хлам.

— Прежде чем начать, — сказал Рамус, — хочу предупредить вас: никогда не пытайтесь сделать такого сами! Я могу есть то, от чего обычный человек погибнет. Не вздумайте повторять за мной! Можете попробовать, только если жить надоело.

Он приступил к еде. Начал с гаек и шурупов. Их он проглотил, даже не поморщившись. Съев десяток-другой, Рамус потряс животом, и зрители услышали, как гайки и шурупы звенят внутри.

Потом Рамус напряг живот и выплюнул все: шурупы и гайки! Если бы их было пара штук, я бы предположил, что он просто спрятал их под языком или запихнул за щеки, но даже во рту у Голодного Рамуса не поместилось бы столько гаек и шурупов.

После этого Рамус принялся за стеклянные статуэтки. Он разжевывал их на мелкие кусочки, потом глотал и запивал водой. Затем он съел ложки и вилки. Прежде чем отправить их в рот, Рамус сгибал их в кольца. Он сказал, что у него не очень крепкие зубы и он не может грызть металл.

Потом Рамус проглотил длинную цепь и остановился передохнуть. Пузо у него затряслось. Я не мог понять, что же сейчас произойдет, но в это время он напрягся, и я увидел, как у него изо рта показалась эта цепь.

Когда вся цепь вылезла, я заметил, что на нее нанизаны ложки и вилки! Он умудрился продеть цепь в колечки, в которые согнул вилки и

ложки, прямо у себя в животе! Просто невероятно!

Рамус ушел за кулисы, и я подумал, что лучше него выступить никто не сможет.

Но я ошибся!

ГЛАВА 11

После выступления Голодного Рамуса по залу стали ходить те двое в синих плащах с капюшонами. Они продавали шоколадные гайки и болты вроде тех, что глотал Рамус, резиновые куклы, похожие на Костлявого Александра, — их можно было по-всякому сгибать и растягивать. А еще продавали клочки шерсти Человека-Волка, приколотые к картонке. Я купил такой клочок: волоски были жесткие и острые, как иглы.

— Позже мы будем продавать еще кое-какие сувениры, — объявил со сцены мистер Длинноут. — Так что приберегите немного денег на потом.

— Почем эта стеклянная статуэтка? — спросил Стив.

Точно такие же статуэтки съел Голодный Рамус. Человек в синем плаще не ответил, а просто достал откуда-то табличку, на которой была написана цена.

— Я не могу разобрать, — сказал Стив. — Скажите мне, пожалуйста, сколько она стоит.

Я удивленно посмотрел на Стива. Зачем он соврал? Но помощник в капюшоне ничего не сказал, только покачал головой и пошел дальше, прежде чем Стив открыл рот.

— Ты чего это? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Просто хотел услышать, как они говорят. Чтобы понять, люди они или нет.

— Конечно, люди, — сказал я. — А кто же еще?

— Не знаю. Поэтому и спросил его. Они все время в капюшонах. Тебе не кажется, что это странно?

— Может, они стесняются, — предположил я.

— Может быть, — согласился он, но я видел, что Стив в это не верит.

Когда продавцы сувениров ушли, на сцене появился следующий артист. Бородатая женщина. Я решил, что это просто шутка, потому что никакой бороды у нее не было.

К женщине присоединился мистер Длинноут.

— Дамы и господа, — сказал он, — сейчас вы увидите очень необычный номер. Труска поступила к нам в цирк не так давно. И я считаю, что она — самый удивительный артист на свете. У нее особый, ни на что не похожий талант.

Мистер Длинноут сошел со сцены. Труска была очень красивой женщиной, одетой в колышущееся красное платье со множеством разрезов. Многие мужчины в зале начали покашливать и ерзать на стульях.

Труска приблизилась к краю сцены, чтобы нам лучше было ее видно, и издала какие-то звуки, похожие на лай морских котиков. Потом накрыла щеки ладонями и легко постучала кончиками пальцев по коже. После этого зажала нос и поскребла подбородок.

И тут произошло нечто невероятное: у нее стала отрастать борода! На коже появились волоски — на подбородке, над верхней губой, на щеках. Волоски стали расти, и вскоре лицо Труски было покрыто светлой бородой.

Она достигла сантиметров десяти в длину и перестала расти. Труска опустила руки и сошла со сцены в зал. Она стала ходить между рядами, чтобы зрители могли погладить бороду и даже дернуть за нее.

Пока Труска ходила по залу, борода снова начала расти и вскоре уже почти доставала до пола! Дойдя до задних рядов, Труска повернула назад. Хотя ветра в зале не было, ее борода колыхалась из стороны в сторону и щекотала зрителей, когда она шла по проходу.

Труска вошла на сцену, и мистер Длинноут спросил, нет ли у кого-нибудь ножниц. Ножницы оказались у многих зрительниц. Мистер Длинноут пригласил нескольких женщин подняться на сцену.

— Цирк уродов подарит настоящий золотой слиток тому, кто сумеет отрезать бороду Труски, — сказал он и поднял вверх небольшой желтый слиток, чтобы все поняли, что он не шутит.

Зрители заволновались, и следующие десять минут почти все пытались отрезать артистке бороду. Но это ни у кого не получалось. Бороду невозможно было отрезать ничем, даже секатором, который принес мистер Длинноут. Но что самое удивительное — борода оставалась все такой же мягкой, совсем как обычная!

Когда все попытки оказались тщетными, мистер Длинноут велел зрителям занять свои места, и на сцене осталась одна Труска. Она снова зажала нос пальцами и снова постучала кончиками пальцев по щекам,

но на этот раз борода стала уменьшаться! Минуты через две последние волоски исчезли, и Труска стала такой же, какой увидели ее зрители в самом начале. Публика бешено заплодировала. За Труской сразу же вышел следующий участник.

Его звали Ганс — Золотые Руки. Он рассказал нам о том, что его отец родился без ног и научился перемещаться на руках, причем ничуть не хуже, чем обычные люди. Своих детей он тоже обучил этому мастерству.

Ганс сел, подтянул ноги и закинул их за плечи. Потом встал на руки, прошелся взад-вперед по сцене, спрыгнул с нее и предложил четырем мужчинам посоревноваться с ним в беге. Они могут бежать как обычно, а он побежит на руках. Ганс сказал, что подарит золотой слиток тому, кто его опередит.

Они побежали по проходам между рядами, и, несмотря на то, что Ганс бежал на руках, он легко обогнал всех четверых. Потом он заявил, что может пробежать стометровку за восемь секунд, и все зрители тут же ему поверили. После этого Ганс показал нам несколько трюков, чтобы все увидели, как человек может спокойно обходиться без ног. Его выступление не было чем-то особенным, но все равно очень понравилось публике.

Ганс ушел, и после него какое-то время на сцене никто не появлялся. Потом из-за кулис вышел мистер Длинноут.

— Дамы и господа, — обратился он к зрителям, — следующий номер будет очень необычным и страшным. Он также может оказаться опасным, поэтому я прошу всех соблюдать тишину и даже не хлопать, пока вам не скажут, что номер окончен.

В зале воцарилась тишина. После того что случилось во время номера с Человеком-Волком, дважды повторять не пришлось.

Когда смолкли последние звуки, мистер Длинноут спустился со сцены и объявил имя следующих артистов, но не очень громко:

— Мистер Джутинг и мадам Окта!

Лампы потускнели. На сцену вышел какой-то неприятный человек. Он был высокий и худой, с очень бледной кожей и клочком оранжевых волос на почти лысом черепе. На левой щеке — длинный шрам до самых губ, издали казалось, что у него просто длинный-предлинный рот.

На нем был темно-красный плащ. Мистер Джутинг принес с собой

маленькую деревянную клетку и поставил ее на стол. Потом повернулся к зрителям. Поклонился и улыбнулся. Когда мистер Джутинг улыбался, то казался еще страшнее — он становился похож на безумного клоуна из одного ужастика. Мистер Джутинг принялся объяснять, что он нам покажет.

Я не все услышал, так как смотрел в это время не на сцену, а на Стива. Потому что при появлении мистера Джутинга гробовую тишину в зале нарушил только один человек — Стив громко ахнул.

Я с недоумением уставился на своего друга. Он стал почти таким же бледным, как и мистер Джутинг, и весь затрясся от страха. Даже уронил резинового Костлявого Александра, которого купил в перерыве.

Стив вглядывался в мистера Джутинга, ни на секунду не отрывая от него глаз. Я глядел на друга и думал: «Он будто привидение увидел!»

ГЛАВА 12

— Не все тарантулы ядовиты, — сказал мистер Джутинг.

У него был вкрадчивый голос. Я наконец перестал смотреть на Стива и повернулся к сцене.

— Большинство так же безобидны, как и обычные пауки, которых можно найти где угодно. А у тех, что ядовиты, яду хватит только на очень небольшого зверька, — продолжал он. — Однако встречаются и смертельно опасные тарантулы! Они могут убить человека одним укусом. Таких немного, они обитают только в самых недоступных уголках нашей планеты. Я покажу вам такого паука.

Мистер Джутинг открыл дверцу клетки. Через пару секунд на стол выполз огромный паук, таких я еще не видел. Он был зелено-красно-фиолетового цвета, с длинными мохнатыми лапами и большим толстым телом. Я не боюсь пауков, но этот был очень страшным.

Паук медленно двинулся вперед. Потом лапки у него подкосились, и он замер на столе, как будто поджидая муху.

— Мадам Окта со мной уже несколько лет, — сказал мистер Джутинг. — Она живет гораздо дольше, чем обычные пауки. Монах, который мне ее продал, сообщил, что такие пауки доживают до двадцати, а то и тридцати лет. Это удивительное создание, ядовитое и умное.

Пока он говорил, один из помощников в синем плаще вывел на сцену козу. Она жалобно блеяла и пыталась убежать. Человек в капюшоне привязал ее к столу и скрылся.

Заметив козу и услышав ее блеянье, паучиха стала подбираться к ней. Она подползла к краю стола и остановилась, как бы ожидая приказа. Мистер Джутинг достал из кармана брюк блестящую свистульку, которую он назвал флейтой, и издал несколько коротких звуков. Мадам Окта тут же бросилась вперед и прыгнула козе на шею.

Коза дернулась и громко заблеяла. Не обращая на это никакого внимания, мадам Окта стала подбираться к голове козы. Потом остановилась, обнажила жвала и вонзила их в шею животного.

Коза на Мгновение застыла, широко распахнув глаза и перестав блеять, а потом повалилась на пол. Я думал, она умерла, но вскоре

заметил, что коза еще дышит.

— При помощи этой флейты я отдаю приказы мадам Окте, — объяснил мистер Джутинг.

Я перевел взгляд с козы на флейту. Мистер Джутинг медленно помахал флейтой у себя над головой.

— Хотя мадам Окта уже давно живет у меня, она не стала ручным домашним зверьком и давно бы уже убила меня, если бы я потерял эту флейту. Коза парализована, — продолжал он. — Я научил мадам Окту не убивать с первого укуса. Коза все равно умрет, даже если мы ее больше не тронем, — от яда мадам Окты нет противоядия, — но мы разделаемся с ней прямо сейчас.

Мистер Джутинг заиграл на флейте. Мадам Окта подобралась к уху козы и, обнажив жвала, снова ее укусила. По телу козы пробежала дрожь, и в следующее мгновение она замерла.

Коза была мертва.

Мадам Окта спрыгнула с тела и поползла к краю сцены. Зрители в передних рядах заволновались, некоторые даже вскочили со стульев. Но мистер Джутинг остановил их.

— Не двигайтесь! — прошипел он. — Помните, о чем предупреждал вас мистер Длинноут: любой звук сейчас смертельно опасен!

Мадам Окта, остановившись на самой кромке сцены, поднялась на задние лапы, как собака. Мистер Джутинг тихо заиграл на флейте, и она стала медленно пятиться назад по-прежнему на двух лапах. Добравшись до ножки стола, паучиха поползла по ней вверх.

— Теперь вы в безопасности, — объявил мистер Джутинг, и зрители с первых рядов снова заняли свои места, двигаясь как можно медленнее и тише. — Но прошу вас, — добавил он, — не издавайте громких звуков, потому что мадам Окта может наброситься на меня.

Не знаю, боялся ли мистер Джутинг на самом деле или это было частью его номера, но выглядел он по-настоящему испуганно. Он вытер рукавом лоб, снова поднес флейту к губам и засвистел какую-то странную мелодию.

Мадам Окта склонила голову набок, а потом кивнула. Она поползла по столу к мистеру Джутингу. Он подставил ей правую руку, и паучиха перебралась на нее. Я весь вспотел, представив себе, как эти длинные мохнатые лапы касаются моей кожи. Боже мой, а ведь я любил пауков!

Те зрители, которые их боялись, должно быть, уже сжевали себе губы от страха.

Добравшись до плеча мистера Джутинга, паучиха побежала по его шее, по уху и остановилась только на голове. Там она подогнула лапы и улеглась. Мадам Окта была похожа на странную смешную шляпку.

Потом мистер Джутинг снова заиграл на флейте. Мадам Окта поползла к его левому уху и спустилась вдоль шрама к подбородку. Выпустила паутину и повисла на ней.

Теперь она висела сантиметрах в десяти от его подбородка. Паучиха стала медленно раскачиваться на паутине из стороны в сторону. Скоро она качалась уже так, что доставала до ушей мистера Джутинга. Лапы мадам Окта поджала, и с того места, где я сидел, казалась меховым шариком.

Вдруг, когда она в очередной раз приближалась к его уху, мистер Джутинг резко откинул голову назад, и паучиху подбросило в воздух. Паутина порвалась, мадам Окта несколько раз перевернулась на лету. Я смотрел, как она взлетает вверх, а потом падает вниз, и думал, что она приземлится на полу или на столе. Но паучиха угодила прямо в рот мистери Джутингу!

Меня чуть не стошнило, когда я представил, что мадам Окта сейчас проскользнет в его живот. Я был уверен, что она его укусит, и мистер Джутинг умрет. Однако паучиха оказалась намного умнее, чем я думал. Падая, она растопырила лапы и ухватилась ими за губы мистера Джутинга.

Он опустил голову, чтобы нам было видно его лицо. Рот был широко раскрыт, а между губ висела мадам Окта, вцепившись в них лапами. Он то всасывал ее в рот, то выдувал наружу, как будто паучиха была воздушным шариком, который то надувают, то выпускают из него воздух.

Интересно, где его флейта и как он теперь будет отдавать ей приказы? Тут на сцене появился мистер Длинноут с еще одной флейтой. Он играл не так хорошо, как мистер Джутинг, но, как ни странно, мадам Окта его слушалась. Помедлив немного, она переползла с одного края рта на другой.

Я никак не мог взять в толк, что же она собирается сделать, даже шею вытянул, чтобы было получше видно. И заметил на губах у мистера Джутинга что-то белое. Все ясно — мадам Окта плетет

паутину!

Закончив работу, паучиха, как и раньше, свесилась на паутинке с его подбородка. Рот мистера Джутинга был весь затянут паутиной. Он стал слизывать ее и жевать! Съев паутину, мистер Джутинг погладил живот (стараясь не коснуться мадам Окты) и сказал:

— Вкусно! Нет ничего лучше свежей паутины. Там, откуда я родом, это считается настоящим деликатесом.

После этого он приказал мадам Окте покатать мячик по столу, а потом взобраться на него. Положив на стол крохотные гири и установив перекладки с канатом и кольцами, мистер Джутинг заставил паучиху выполнять всевозможные упражнения. Мадам Окта могла делать то же самое, что и люди: поднимать гири, ползать по канату, подтягиваться на кольцах.

После этого мистер Джутинг расставил на столе маленький столовый сервиз: крошечные тарелочки, ножи, вилки и стаканчики. На тарелках лежали дохлые мухи и другие мелкие насекомые. А что было в стаканах, я не знаю.

Мадам Окта грациозно пообедала. Она прекрасно управлялась с вилками и ножами — четырьмя одновременно. На столе была даже солонка, из которой она насыпала соль в одну из тарелок!

Когда она пила из стакана, я решил, что это самое восхитительное создание на свете. Я бы отдал все, что угодно, лишь бы заполучить паучиху. Конечно, я отлично знал, что это невозможно — мама с папой ни за что не разрешили бы мне оставить ее у себя, даже если бы я сумел ее купить. Но помечтать-то можно!

Номер закончился, мистер Джутинг отправил паучиху в клетку и поклонился зрителям, которые громко ему зааплодировали. Я слышал, как некоторые говорили, что нехорошо было убивать несчастную козу, но зато это сделало зрелище еще более захватывающим.

Я повернулся к Стиву, чтобы сказать ему, как мне понравилась паучиха, но он пристально смотрел на мистера Джутинга. Судя по всему, Стив его уже не боялся, но все же что-то в нем меня насторожило.

— В чем дело, Стив? — спросил я.

Он ничего не ответил.

— Стив!

— Тесс! — произнес он и замолчал до тех пор, пока мистер

Джутиг не скрылся за кулисами.

Проводив этого необычного человека взглядом, мой друг обернулся ко мне и сказал:

— Просто невероятно!

— Ты о чем? О мадам Окте? — не понял я. — Да уж, она здоровская. А как ты думаешь...

— Я не о ней! — перебил он. — На кой мне сдалась эта старая глупая паучиха? Я о мистере... Джутиге.

Он немного помолчал, прежде чем назвать его по имени, как будто собирался назвать его как-то по-другому.

— Мистере Джутиге? — удивленно спросил я. — А что в нем такого? Он же просто играл на флейте.

— Ты не понимаешь! — зло отрезал Стив. — Ты не знаешь, кто он такой на самом деле!

— А ты, конечно, знаешь? — спросил я.

— Да, — ответил он, — как ни странно, знаю. — Он задумчиво потер подбородок и явно заволновался. — Только надеюсь, он не знает, что я знаю. Иначе нам отсюда живыми не выбраться...

ГЛАВА 13

После номера мистера Джутинга и мадам Окты был еще один антракт. Я попробовал выпытать у Стива, кто же, по его мнению, этот человек, но он молчал как партизан. Сказал только:

— Дай мне немного подумать.

А потом закрыл глаза, опустил голову и задумался.

В антракте снова продавали сувениры: бороды, как у бородатой женщины, фигурки Ганса — Золотые Руки и, конечно, резиновых пауков, наподобие мадам Окты. Я купил два таких паука — для себя и для Энни. Само собой, настоящая паучиха была куда лучше, но ее купить нельзя, придется довольствоваться этими.

А еще продавали конфеты, похожие на паутину. Я купил целых шесть штук, истратив все до последнего пенса, и съел две, пока ждал, когда появится следующий артист. По вкусу паутина напоминала сахарную вату. Вторую я приклеил к губам и слизал ее так же, как мистер Джутинг.

Свет погас, и все расселись по местам. На сцену вышла Зубастая Герта. Это была статная женщина с толстыми ногами и руками, огромной шеей и большой головой.

— Дамы и господа, меня зовут Зубастая Герта! — сказала она строго. — У меня самые крепкие зубы на свете! Когда я была маленькой, папа как-то, играя со мной, сунул мне в рот два пальца, а я их отгрызла!

В зале послышались смешки, но артистка гневно посмотрела на зрителей, и они умолкли.

— Я не шучу! — рявкнула Герта. — Если кто-то еще раз засмеется надо мной, я отгрызу ему нос!

Это показалось мне забавным, но никто из публики не осмелился даже хихикнуть.

Герта говорила очень громко. Она почти что кричала. Каждое ее предложение заканчивалось восклицательным знаком (!).

— Многие стоматологи поражались моим зубам! — продолжала она. — Меня обследовали чуть ли не в каждом стоматологическом центре, но никто так и не смог объяснить, почему у меня такие крепкие

зубы! Мне предлагали кучу денег, чтобы я стала подопытным кроликом, но я отказалась, так как люблю путешествовать, вот почему я сейчас перед вами!

Герта достала откуда-то четыре стальных прута, каждый примерно тридцать сантиметров длиной, но разного диаметра, и попросила добровольцев подняться на сцену. Четверо мужчин вызвались поучаствовать в ее номере. Она раздала каждому по пруту и сказала, чтобы они попробовали их согнуть. Мужчины старались изо всех сил, но у них ничего не получилось. Наконец Герта взяла у одного из мужчин самый тонкий прут, сунула себе в рот и перегрызла его.

Половинки она снова вручила зрителю. Он в ужасе посмотрел на них, потом попробовал одну из половинок на зуб, чтобы удостовериться, действительно, ли это стальной прут. Судя по его крикам, он чуть было не сломал себе зубы — прут оказался стальной.

Зубастая Герта перегрызла еще один прут и еще один — каждый был толще предыдущего. Последний, самый толстый, она разгрызла на мелкие кусочки, как будто он был из шоколада.

После этого двое помощников в синих плащах с капюшонами вынесли на сцену огромную батарею, и Герта прогрызла в ней дырки! Затем помощники принесли велосипед, и она жевала его, пока велосипед — вместе с шинами и сиденьем — не превратился в шарик. Думаю, Герта смогла бы сжевать все, что угодно, если бы захотела, конечно.

Она снова вызвала на сцену добровольцев из зала. Одному Герта вручила кувалду и большое долото, другому — молоток и долото поменьше, третьему — электропилу. Потом легла на спину и засунула в рот большое долото. Кивнула первому добровольцу — теперь он должен был ударить кувалдой по долоту.

Зритель занес кувалду высоко над головой и опустил на долото. Я думал, он раскроит ей череп. Видимо, остальные в зале тоже так подумали, судя по изумленным вздохам и крикам. Многие даже закрыли лицо руками.

Но Герта знала, что делает. Она быстро откатилась в сторону, и кувалда ударила о доски сцены. Герта села и выплюнула долото.

— Ха! — фыркнула она. — Вы что, думали, я совсем дура?

На сцену вышел один из помощников в синем плаще и отобрал у добровольца кувалду.

— Я вызвала вас, чтобы все удостоверились, что кувалда настоящая! — объяснила она. — А теперь, — обратилась Герта к залу, — смотрите!

Она снова легла на спину и сунула долото в рот. Помощник в синем плаще подождал немного, а потом размахнулся и ударил по долоту еще быстрее и сильнее, чем доброволец из зала. Послышался громкий лязг.

Герта села. Я думал, у нее изо рта посыплется зубы, но, когда она вытащила долото, все зубы оказались на месте, на них не было ни трещинки. Герта засмеялась и сказала:

— Ха! Думали, это мне не по зубам?!

Теперь настала очередь второго добровольца с молотком и долотом поменьше. Герта предупредила, чтобы он не задел ей десну, но позволила самому поставить долото на ее стиснутые зубы и ударить по нему. Мужчина ударил изо всех сил, но зубы все равно остались целыми.

Третий доброволец попытался перепилить их электропилой. Он водил ею туда-сюда. Искры сыпались в разные стороны. Но когда мужчина положил пилу и пыль осела, все увидели, что зубы у Герты по-прежнему белые, блестящие и ровные.

После Зубастой Герты на сцену вышли гуттаперчевые близнецы — Сайв и Сирса. Они были похожи друг на друга как две капли воды и такие же гибкие, как Костлявый Александр. Близнецы старались обвиться друг вокруг друга так, чтобы стать одним существом — с двумя лицами, спереди и сзади, и без спины, или с двумя грудными клетками и головами, но без ног. Они делали это очень здорово, и всем было интересно, но, конечно, номер Сайва и Сирсы явно уступал другим номерам.

Когда они ушли со сцены, мистер Длинноут поблагодарил нас всех за то, что пришли на представление. Я думал, сейчас на сцену выйдут все уроды и выстроятся в ряд, но этого не произошло. Мистер Длинноут сообщил, что мы сможем купить разные сувениры в конце зала по пути к выходу. Еще он попросил нас рассказать о шоу своим друзьям. А потом снова поблагодарил за то, что мы пришли, и объявил, что представление окончено.

Я немного расстроился, что оно закончилось таким слабым номером, но было уже очень поздно, и все артисты, наверное, жутко

устали. Встав со стула, я взял сувениры, которые купил в антрактах, и повернулся к Стиву.

Но он не отрывал глаз от балкона за моей спиной. Я тоже посмотрел в ту сторону, чтобы узнать, что он там увидел. Вдруг люди позади нас завопили от ужаса. Присмотревшись, я понял, почему они кричат.

На балконе была огромная змея — я таких длинных еще ни разу не видел. Она спускалась по одной из опор прямо в толпу зрителей, которые собирались выходить из зала...

ГЛАВА 14

Змея угрожающе шевелила раздвоенным языком, явно не прочь поужинать. Она была не очень яркой — темно-зеленой, с несколькими светлыми пятнами, — но все равно казалась смертельно опасной.

Те зрители, что оказались под балконом, побежали назад к своим местам. На бегу они громко кричали и роняли сувениры. Несколько человек потеряли сознание, кое-кто споткнулся и упал, а остальные пробежали прямо по ним. Нам со Стивом повезло, что мы сидели недалеко от сцены, — мы ведь были самыми маленькими, нас бы растоптали в лепешку в такой суматохе.

Змея почти уже спустилась на пол, когда ей в морду вдруг ударил яркий луч прожектора. Рептилия замерла и не мигая уставилась на свет. Зрители остановились, и паника постепенно улеглась. Те, кто упал, встали на ноги; к счастью, никто, кажется, серьезно не пострадал.

За нашими спинами раздался какой-то звук. Я повернулся и посмотрел на сцену, на ней стоял какой-то мальчик. Лет пятнадцати, очень худой, с длинными желтовато-зелеными волосами, в длинном-белом плаще. Глаза у него были очень странной формы — узкие, как у змеи.

Мальчик зашипел и поднял руки над головой. Плащ упал, и зрители ахнули от удивления. Тело у него было покрыто чешуей!

Он весь переливался разными цветами — зеленым, золотым, голубым, желтым. На нем были одни щорты. Мальчик повернулся к нам спиной, и мы увидели, что со спины он такой же, как и спереди, разве только чуть-чуть потемнее.

Потом он снова повернулся к зрителям лицом, лег на живот и сполз со сцены, как змея. Тут я вспомнил, что на флаере было написано про Мальчика-Змею, и обо всем догадался.

Оказавшись в зале, он встал и пошел к балкону. Когда мальчик проходил мимо меня, я заметил, что у него очень странные пальцы на руках и на ногах: они были соединены между собой перепонками. Мальчик был похож на чудовище, которое я видел в каком-то старом ужастике, — то, что обитало в черной лагуне.

Он остановился в нескольких метрах от опоры балкона и сел на

корточки. Свет, ослепивший змею, погас, и она снова поползла вниз. Но мальчик что-то зашипел, и змея остановилась. Я вспомнил, что змеи не слышат звуки, но зато чувствуют вибрацию воздуха — я прочитал об этом в одной книжке.

Мальчик сделал шаг влево, потом вправо. Змея тоже качнула головой влево и вправо, но не бросилась на него. Мальчик медленно подобрался ближе. Я испугался, что змея сейчас ринется вперед и укусит его, и хотел было уже закричать мальчишке, чтоб он поскорее убежал от нее.

Но Мальчик-Змея знал, как вести себя со змеями. Подобравшись к ней еще ближе, он вытянул руку и почесал змею под головой своими необычными перепончатыми пальцами. А потом подался вперед и поцеловал ее в нос!

Змея несколько раз обвилась вокруг шеи мальчика. При этом ее хвост повис у него за спиной, словно шарф.

Мальчик погладил змею и улыбнулся. Я думал, он пройдет вместе с ней по залу, позволив зрителям тоже погладить ее, но ошибся. Мальчик направился не к сцене, а к боковой стене. Там он размотал змею, положил ее на пол и снова почесал под головой.

На этот раз змея широко разинула пасть, и я увидел ее клыки. Мальчик-Змея лег на спину неподалеку и по-змеиному пополз к ней.

— Не может быть! — тихо пробормотал я. — Он ведь не собирается...

Но нет, мальчик действительно подполз к змее и сунул голову ей в пасть!

Замерев на пару секунд, мальчик медленно вытащил голову и снова обернул змею вокруг себя, на этот раз не только вокруг шеи. Змея обвилась вокруг его тела, так, что снаружи осталось только лицо Мальчика. Он с трудом вскочил на ноги и улыбнулся. Казалось, его завернули в ковер.

— Вот теперь, дамы и господа, — сказал со сцены мистер Длинноут, — действительно конец.

Улыбнувшись, он спрыгнул со сцены и растворился в воздухе, оставив после себя клубы дыма. Когда дым рассеялся, я увидел, что он уже у выхода раздергивает шторы.

Рядом с ним стояли красивые дамы в блестящих костюмах и загадочные существа в синих плащах с капюшонами. В руках они

держали подносы с сувенирами. Чего тут только не было! Я страшно пожалел о том, что уже потратил все деньги.

Пока мы ждали, когда толпа разойдется и можно будет спокойно выйти, Стив не проронил ни слова. Я видел, какой у него серьезный вид, и понимал, что он все еще о чем-то думает. К тому же теперь я уже отлично знал, что спрашивать его в такие минуты бесполезно. Если на Стива напала задумчивость, лучше к нему не приставать.

Когда зрители, сидевшие в задних рядах, вышли из зала, мы двинулись к выходу. Я нес не только то, что купил сам, но и сувениры Стива — он так глубоко задумался, что непременно забыл бы свои покупки или потерял по дороге.

Мистер Длинноут стоял у выхода, придерживая тяжелые шторы, и улыбался зрителям. Когда мы подошли, он улыбнулся еще шире.

— Ну как, мальчики, — спросил он, — понравилось вам представление?

— Ужасно понравилось! — сказал я.

— А вы не испугались?

— Испугались чуть-чуть, — признался я, — но не больше, чем все остальные.

Мистер Длинноут засмеялся:

— Вы смелые парни!

За нами уже собрались другие зрители, поэтому мы быстро пошли дальше, чтобы не задерживать их. Когда мы оказались в коридорчике, в котором на входе и выходе висели шторы, Стив быстро оглянулся и прошептал мне на ухо:

— Возвращайся без меня.

— Чего? — спросил я, остановившись.

Люди, толпившиеся за нами, сейчас болтали с мистером Длинноутом, и в коридорчике никого, кроме нас, не было, так что можно было не спешить.

— Ты что, не понял? — сказал Стив.

— А почему я должен возвращаться один? — удивленно спросил я.

— Потому что я не пойду, — ответил он. — Я собираюсь остаться здесь. Не знаю, что из этого выйдет, но мне надо ненадолго задержаться. Вернусь домой позже, после того, как... — Не договорив, он потащил меня за собой.

Мы вышли в тот коридор, где стоял стол, накрытый длинной

черной скатертью. Впереди мы увидели спины зрителей, уходящих из кинотеатра. Оглянувшись и удостоверившись, что его никто не видит, Стив нырнул под стол и спрятался там.

— Стив! — прошептал я, испугавшись, как бы нам не досталось за это.

— Уходи! — прошептал он в ответ.

— Но ты же не можешь... — начал было я.

— Делай, что тебе говорят! — отрезал он. — Иди отсюда! Быстрее, пока меня не обнаружили!

Мне это совсем не нравилось, но что еще оставалось делать? Если я его не послушаюсь, Стив разозлится не на шутку. Я уже видел Стива в припадке бешенства; уверяю вас, когда на него находит, ему лучше под руку не попадаться...

Я побрел дальше, свернул за угол и оказался в длинном коридоре, который вел к выходу из кинотеатра. Шел я медленно, думая о том, что будет со Стивом, и люди впереди все больше удалялись от меня. Оглянувшись, я увидел, что за мной никого нет.

И тут я заметил дверь.

Ту самую, возле которой мы остановились, когда шли сюда, — она вела на балкон. Замедлив шаг, я еще раз оглянулся. Никого.

— Ладно, — тихо сказал я. — Тогда я тоже останусь! Не знаю, что задумал Стив, но он мой лучший друг. Если с ним что-то случится, я смогу ему помочь.

Не медля больше ни секунды, я открыл дверь, скользнул внутрь и быстро закрыл ее за собой. Вокруг темно. Сердце у меня бьется, как у испуганного мышонка.

Я стоял и ждал, когда все зрители уйдут из кинотеатра. Слышал, как они переговариваются друг с другом, обсуждая представление; судя по голосам, им было немного страшно, но шоу им все равно очень понравилось. Наконец все ушли, и в кинотеатре воцарилась тишина. Я думал, что услышу, как кто-то подметает и протирает пол, расставляет стулья по местам, но в кинотеатре было тихо, как на кладбище.

Я поднялся по лестнице. Глаза уже давно привыкли к темноте, так что видно мне было вполне сносно. Лестница оказалась очень старой и скрипучей. Я боялся, как бы ступени не проломилась подо мной — тогда бы я разбился насмерть, — но они выдержали.

Поднявшись до самого верха, я понял, что стою на балконе. Здесь

было очень пыльно, грязно и ужасно холодно. Содрогнувшись, я подкрался к бортику.

Отсюда сцена была видна как на ладони. Юпитеры еще не погасили, и я мог рассмотреть все до мельчайших подробностей. На сцене никого не было: ни уродов, ни красивых женщин, ни помощников в синих плащах с капюшонами, ни Стива. Я сел и принялся ждать.

Минут через пять я заметил тень — кто-то медленно пробирался к сцене. Возле нее незнакомец встал в полный рост, взобрался на подмости, вышел на самую середину и повернулся.

Это был Стив.

Он сделал два шага влево, потом вправо, потом остановился. Я видел, что он нервно грызет ногти, пытаюсь решить, куда ему лучше пойти.

Тут над его головой раздался чей-то голос:

— Ты не меня ищешь?

На сцену, расставив руки, прыгнул какой-то человек. Длинный красный плащ, как крылья, развевался за его спиной.

Стив чуть не помер от страха, когда этот человек спрыгнул на сцену и сгруппировался. Я в ужасе отшатнулся. Когда я снова посмотрел на сцену, человек уже встал на ноги, и я увидел его красный плащ, оранжевые волосы, бледную кожу и длинный шрам.

Мистер Джутинг!

Стив хотел заговорить с ним, но это оказалось непросто — зубы у него громко стучали от страха.

— Я заметил, что ты следил за каждым моим движением, — сказал мистер Джутинг — Когда ты в первый раз увидел меня, то громко ахнул. Почему?

— П-п-потому, что я з-з-знаю, кто в-вы, — заикаясь, ответил Стив.

— Я — Лартен Джутинг, — сказал этот жуткий человек.

— Нет-т — возразил Стив. — Я знаю, кто вы *на самом деле*.

— Правда? — улыбнулся мистер Джутинг, но улыбка у него получилась недобрая. — Что ж, скажи мне, малыш, кто я *на самом деле*.

— На самом деле вас зовут Вур Хорстон! — воскликнул Стив, и у мистера Джутинга челюсть отвисла от удивления.

Но тут Стив сказал кое-что еще, и у меня тоже от удивления отвисла челюсть.

— Вы вампир, — сказал он.

В зале повисла тишина — долгая и пугающая.

ГЛАВА 15

Мистер Джутинг (или Вур Хорстон, если это был правда он) улыбнулся.

— Увы, — проговорил он, — меня разоблачили. В этом нет ничего удивительного. Рано или поздно такое должно было случиться. Скажи-ка мне, мальчик, кто послал тебя ко мне?

— Никто, — ответил Стив.

Мистер Джутинг нахмурился.

— Ну же, мальчик, — прорычал он, — не надо меня обманывать. На кого ты работаешь? Кто заплатил тебе за то, чтобы найти меня, и чего они хотят?

— Я ни на кого не работаю, — не отступал Стив. — У меня много книг и журналов про вампиров и чудовищ. В них я увидел картинку с вами.

— Картинку?

— Рисунок, — пояснил Стив. — Его нарисовали в тысяча девятьсот третьем году в Париже. На нем вы изображены с какой-то богатенькой дамой. В книжке или в журнале, не помню, написано, что вы чуть было не женились, но дама узнала, что вы вампир, и сбежала от вас. Мистер Джутинг улыбнулся:

— Что ж, вполне подходящий повод. Правда, ее друзья решили, что она все это придумала, чтобы хорошо выглядеть в глазах людей.

— Но на самом деле эта женщина была права, да? — спросил Стив.

— Да, — согласился мистер Джутинг. — Права. — Он вздохнул и злобно посмотрел на Стива: — Хотя для тебя было бы лучше, если бы она это просто придумала!

На месте Стива я бы тут же убежал без оглядки, но мой друг даже не поморщился.

— Вы меня и пальцем не тронете! — заявил он.

— Это почему же? — любопытно спросил мистер Джутинг.

— Потому что я рассказал о вас своему другу, — ответил Стив. — И если со мной что-нибудь случится, он пойдет напрямик в полицию.

— Полицейские ему не поверят, — ухмыльнулся мистер Джутинг.

— Скорее всего, — кивнул Стив. — Но если меня найдут мертвым

или я пропаду, они начнут расследование. Вам ведь такое не понравится. Они начнут всех опрашивать, сюда заявится толпа полицейских, причем днем...

Мистер Джутинг с отвращением покачал головой.

— Ох уж эти детишки! — проворчал он. — Ненавижу их! Чего тебе надо? Денег? Бриллиантов? Право на издание книжки про меня?

— Я хочу стать таким же, как вы, — сказал Стив.

Я чуть не упал с балкона, когда это услышал. *Таким, как он?*

— Кем ты хочешь стать? — спросил мистер Джутинг — он был удивлен не меньше, чем я.

— Хочу стать вампиром! — выпалил Стив. — Хочу, чтобы вы превратили меня в вампира и научили всему, что знаете сами.

— Ты спятил! — воскликнул мистер Джутинг.

— Нет, — спокойно сказал Стив, — не спятил.

— Я не могу превратить ребенка в вампира, — сказал мистер Джутинг. — Если я это сделаю, меня убьют Верховные Вампиры.

— А кто такие Верховные Вампиры? — спросил Стив.

— Это тебя не касается, — сказал мистер Джутинг. — Тебе надо знать только то, что я не могу выполнить твою просьбу. Мы не превращаем детей в вампиров. У нас могут возникнуть серьезные проблемы.

— Ладно, тогда не надо превращать меня сразу, — не унимался Стив. — Я могу и подождать. Стану вашим учеником или помощником. Насколько я знаю, у вампиров часто бывают ученики — полулюди-полувампиры. Давайте я стану одним из них. Я буду работать на вас, заслужу ваше доверие, а потом, когда подрасту...

Мистер Джутинг пристально посмотрел на Стива, потом вдруг щелкнул пальцами, и на сцену взлетел стул из первого ряда! Он сел на него, забросил ногу на ногу и задумался.

— А почему ты хочешь стать вампиром? — спросил он, — Это совсем не так приятно, как кажется. Выходить мы можем только по ночам. Люди нас презирают. Спать приходится в старых, заброшенных зданиях вроде этого. Мы не можем жениться, заводить детей, подолгу жить на одном и том же месте. У нас непростая жизнь.

— Мне наплевать, — упрямо сказал Стив.

— Ты, наверное, хочешь жить вечно? — поинтересовался мистер Джутинг. — Но в таком случае я вынужден тебя разочаровать —

вампиры не живут вечно. Да, мы живем гораздо дольше людей, но рано или поздно мы все равно умираем.

— Плевать, — повторил Стив. — Я хочу быть с вами. Хочу всему научиться. Хочу стать вампиром.

— А как же твои друзья? — спросил мистер Джутинг. — Ты ведь их больше не увидишь. Тебе придется уйти из школы, из дома, и больше ты никогда туда не вернешься. Что будет с твоими родителями? Разве ты не станешь по ним скучать?

Стив печально покачал головой и уставился в пол.

— Папа не живет с нами, — тихо сказал он. — Я с ним почти не вижу. А мама меня не любит. Ей наплевать, чем я занимаюсь. Она, наверное, даже не заметит, что меня нет.

— Так вот почему ты решил убежать из дома? Потому что твоя мама тебя не любит?

— Из-за этого тоже, — признался Стив.

— Но тебе нужно потерпеть еще два-три года, пока не станешь старше, а потом ты мог бы спокойно жить один, без нее, — заметил мистер Джутинг.

— Я не хочу терпеть!

— А друзья? — снова спросил мистер Джутинг. В эту минуту он показался мне вполне дружелюбным, хотя все-таки немного страшным. — Разве ты не будешь скучать по тому мальчику, с которым ты сюда пришел?

— По Даррену? — переспросил Стив и кивнул. — Да, я буду скучать по друзьям, особенно по Даррену. Но что поделаешь... Я очень хочу стать вампиром, больше, чем остаться с ними. Если вы не согласитесь, я все расскажу полиции, а когда вырасту, стану охотником за вампирами!

Мистер Джутинг не стал смеяться. Он серьезно кивнул и спросил:

— Ты уже все обдумал?

— Да, — ответил Стив.

— Ты точно уверен, что этого хочешь?

— Да.

Мистер Джутинг глубоко вздохнул.

— Иди сюда, — сказал он. — Сначала мне нужно тебя проверить.

Стив подошел к вампиру. Он загородил собой мистера Джутинга, поэтому я не увидел, что произошло после этого. Знаю только, что они

тихо поговорили о чем-то, а потом раздался странный звук, как будто кошка лакала молоко.

Я заметил, что Стив весь затрясся, думал, он упадет, но мой друг все же устоял на ногах. Сами понимаете, как я тогда испугался! Мне хотелось вскочить и закричать громко-прегромко: «Стой, Стив! Не надо!»

Но я страшно боялся: если мистер Джутинг узнает, что я здесь, его уже ничто не остановит, он убьет и сожрет нас обоих — и меня, и Стива.

Вдруг вампир закашлялся. Оттолкнув от себя Стива, он, пошатываясь, встал со стула. Я ужаснулся, увидев, что рот у него весь в крови. Мистер Джутинг начал отплевываться.

— Что случилось? — спросил Стив, потирая руку, на которую упал.

— У тебя дурная кровь! — закричал вампир.

— Как это? — дрожащим голосом спросил Стив.

— Ты — воплощение зла! — воскликнул мистер Джутинг. — Я чувствую угрозу в твоей крови. Ты необузданный!

— Ты врешь! — завопил Стив. — А ну-ка проси прощения!

Он подскочил к мистеру Джутингу и попытался его ударить, но вампир одной рукой бросил его на пол.

— Даже не думай, — прорычал он. — У тебя дурная кровь. Ты никогда не станешь вампиром!

— Почему? — плача, спросил Стив.

— Потому что вампиры — это не злобные ночные чудовища. Мы уважаем жизнь. В тебе есть неутолимая жажда убивать, а мы не убийцы. Я не превращу тебя в вампира. Забудь об этом. Иди домой, живи как и раньше.

— Нет! — воскликнул Стив. — Не забуду! — Он встал с пола и трясущимся пальцем ткнул в высокого уродливого вампира. — Я тебе отомщу, — пообещал он, — сколько бы времени у меня ни ушло на это. Однажды, Вур Хорстон, я подстерегу тебя и убью за то, что ты не согласился превратить меня в вампира!

Стив спрыгнул со сцены и побежал к выходу.

— Так и будет! — бросил он через плечо.

Я слышал, как он смеется на бегу, смеется каким-то сумасшедшим смехом.

Скоро Стив скрылся, и я остался с вампиром один на один.

Мистер Джутинг долго сидел на стуле, обхватив голову руками и сплевывая остатки крови на пол. Потом он вытер зубы пальцами и огромным платком.

— Ох уж эти детишки! — громко фыркнул он, все еще вытирая зубы, быстро оглядел зрительный зал (я пригнул голову, опасаясь, как бы он меня не заметил), повернулся и пошел за кулисы. Я видел, что с его губ капает кровь.

Я еще долго не двигался с места. Это было нелегко. Я еще никогда так не боялся, как тогда, притаившись на балконе. Мне хотелось как можно быстрее убежать из этого цирка.

Но я остался. Заставил себя подождать до тех пор, пока не удостоверюсь, что нигде поблизости нет ни уродцев, ни их помощников. Потом я осторожно добрался до лестницы, спустился в коридор и выскочил на улицу.

Я еще немного постоял перед кинотеатром, посмотрел на луну, на деревья — хотел убедиться, что в ветках не прячутся вампиры. И побежал домой. К себе, а не к Стиву. Мне не хотелось сейчас встречаться с ним. Честно говоря, после всего, что произошло, я опасался его не меньше, чем мистера Джутинга. Он ведь хотел стать вампиром! Какой сумасшедший захочет, чтобы его превратили в вампира?

ГЛАВА 16

В воскресенье я не позвонил Стиву. Маме и папе сказал, что мы поссорились, поэтому я и вернулся домой раньше. Им это не понравилось, особенно то, что я шел домой ночью, совсем один. Отец сказал, что лишает меня денег на карманные расходы на целый месяц. Я не спорил. По мне, так я еще легко отделался! Только представьте, что бы они со мной сотворили, если б узнали про цирк уродов!

Энни очень понравились мои подарки. Она быстро сжевала конфеты, а с резиновым пауком играла часами. Я рассказал ей о представлении. Энни долго расспрашивала о том, как выглядел каждый артист и какой номер он показывал. Когда я рассказал ей о Человеке-Волке и о том, как он отгрыз женщине руку, она ужаснулась:

— Шутишь? Этого не может быть!

— Не шучу, — сказал я.

— Клянешься?

— Клянусь.

— Поклянись своими глазами! — потребовала она.

— Клянусь своими глазами, — сказал я. — Пусть их сожрут крысы, если я вру.

— Надо же! — удивилась она. — Как бы я хотела сама посмотреть это представление! Если еще раз пойдешь, возьми меня с собой, ладно?

— Хорошо, — сказал я. — Но мне кажется, этот цирк нечасто сюда заезжает. Они много путешествуют по миру.

Я не стал говорить Энни о том, что мистер Джутинг оказался вампиром и что Стив тоже захотел стать вампиром, но сам думал о них весь день. Хотел позвонить Стиву, но не знал, что ему сказать. Он наверняка спросит, почему я не пришел к нему, а я не хотел признаваться, что остался в кинотеатре и следил за ним.

Только представьте: настоящий вампир! Когда-то я верил, что вампиры существуют на самом деле, но потом родители и учителя убедили меня, что это не так. Много они знают, эти взрослые!

Интересно, а какие они, вампиры? Могут ли они совершать то, что обычно совершают в книжках и фильмах? Я видел, как по желанию мистера Джутинга на сцену взлетел стул, как сам он спланировал с

крыши кинотеатра, как пил кровь Стива. Что еще он может делать? Может ли он превратиться в летучую мышь, или в дым, или в крысу? Отражается ли он в зеркале? Убьет ли его солнечный свет?

А еще я думал о мадам Окте. Мне очень хотелось купить такую же, и чтобы она меня слушалась. Если бы у меня была такая паучиха, я бы тоже стал выступать в цирке, поездил бы по миру — сколько было бы приключений!

Воскресенье подходило к концу. Я посмотрел телик, помог папе в саду и маме на кухне (это входило в наказание за то, что я вернулся один поздно ночью), погулял, помечтал о вампирах и пауках.

И вот наступил понедельник, пора снова идти в школу. Я ужасно волновался — что я скажу Стиву? А что он скажет мне? Я не выспался за выходные (попробуйте-ка поспите после того, как видели настоящего вампира!) и чувствовал себя уставшим и разбитым.

Когда я пришел, Стив был уже во дворе, а такое случалось нечасто. Обычно я прихожу в школу раньше его. Он стоял немного в стороне от других ребят, явно дожидаясь меня. Глубоко вдохнув, я подошел к нему и прислонился к стене.

— Привет.

— Привет, — отозвался Стив. Я заметил черные круги у него под глазами — две последние ночи он наверняка спал еще меньше меня. — Куда ты подевался после представления?

— Домой пошел, — ответил я.

— Почему не ко мне? — спросил он и пристально посмотрел на меня.

— Да темно было, я вообще не знал, куда иду. Свернул пару раз не туда и совсем заблудился. А когда понял, где я, то до дома было уже ближе, чем до тебя.

Я старался врать как можно увереннее. Стив все так же пристально смотрел на меня, явно пытаюсь определить, вру я или нет.

— Тебе, наверное, досталось, — сказал он.

— Еще бы! — простонал я. — Мне теперь целый месяц не будут давать денег, а еще папа сказал, что мне придется выполнять кучу разных дел по дому. А все-таки, — сказал я, улыбнувшись, — стоило ведь пойти, правда? Этот цирк уродов просто супер, да?

Стив помолчал, не сводя с меня глаз, но потом, видимо, решил, что я не вру.

— Да, — сказал он и тоже улыбнулся. — Классный.

Тут пришли Алан с Томми, и мы стали рассказывать им о представлении. Мы со Стивом были неплохими актерами. Вы бы даже не догадались, что еще в пятницу он разговаривал с настоящим вампиром и что я слышал весь их разговор.

Я все больше понимал, что теперь у нас со Стивом уже никогда не будет все по-прежнему. Несмотря на то, что он, похоже, верил мне, кое-какие подозрения у него все-таки остались. Иногда я замечал, что он как-то странно поглядывает на меня, будто я обидел его.

Я решил держаться от Стива подальше. Меня здорово напугало то, что он сказал мистеру Джутингу и что вампир сказал ему. Мистер Джутинг считал, что Стив плохой. Мне это не нравилось. Ведь Стив хотел стать вампиром и убивать людей, высасывая у них кровь. Как я мог дружить с таким человеком?

На перемене мы поболтали о мадам Окте. Со Стивом я не решался заговаривать ни о мистере Джутинге, ни о его паучихе. Мы оба боялись, что можем как-нибудь проговориться. Но Томми и Алан пристали к нам с расспросами, и в конце концов мы не устояли.

— Как, по-вашему, он отдавал приказы паучихе? — спросил Томми.

— Может, она была ненастоящая, — предположил Алан.

— Нет, паучиха была настоящая, — резко сказал я. — Все уроды были настоящие. Поэтому представление и получилось таким здоровским. У них все на самом деле.

— И как же он отдавал ей приказы? — снова спросил Томми.

— Может, у него флейта волшебная, — сказал я. — А может, мистер Джутинг умеет завораживать пауков, как индийцы завораживают змей.

— Но ты говоришь, что мистер Длинноут тоже отдавал приказы мадам Окте, — возразил Алан, — когда она была во рту у мистера Джутинга.

— Точно, а я и забыл, — сказал я. — Ну, тогда, наверное, у них флейты волшебные.

— Нет у них никаких волшебных флейт, — заявил Стив.

Он молчал почти весь день, ничего толком не рассказывал о представлении. Но он всегда любил вмешаться в самую важную минуту.

— Тогда как они, по-твоему, отдавали приказы паучихе? —

спросил я.

— При помощи телепатии, — ответил Стив.

— Это как телефон? — не понял Алан. Стив улыбнулся, а мы с Томми засмеялись (хотя я не очень-то понимал, что такое эта самая «телепатия», да и Томми, скорее всего, тоже).

— Вот придурок! — сквозь смех сказал Томми и в шутку толкнул Алана.

— Давай, Стив, — попросил я, — расскажи ему, что это такое.

— Телепатия — это когда ты можешь читать чьи-то мысли, — объяснил Стив. — Или мысленно разговаривать с кем-то. Именно так они и отдавали приказы паучихе.

— А флейты тогда зачем? — удивился я.

— Может, для интереса, — ответил Стив, — а может, для того, чтобы привлечь к себе внимание мадам Окты.

— Значит, любой может отдавать ей приказы? — поинтересовался Томми.

— Любой, у кого есть мозги, — сказал Стив. — Ты, Алан, не сможешь. — Он улыбнулся, и Алан понял, что друг шутит.

— И не надо никаких волшебных флейт и долгой тренировки? — не унимался Томми.

— Я думаю, нет, — ответил Стив.

После этого они заговорили о чем-то другом — кажется, о футболе, — но я уже не слушал. Потому что внезапно мне в голову закралась блестящая мысль. Я сразу забыл про Стива, вампиров и про то, что случилось.

«Значит, любой, может отдавать ей приказы?»

«Любой, у кого есть мозги».

«И не надо никаких волшебных флейт и долгой тренировки?»

«Я думаю, нет».

Этот обрывок разговора снова и снова прокручивался у меня в голове, как застрявший в магнитофоне компакт-диск.

Любой может отдавать ей приказы. И этим любым могу быть я. Если бы только как-нибудь заполучить мадам Окту! Она станет жить у меня, и я смогу отдавать ей приказы и...

Нет. Это глупо. Вероятно, я бы смог отдавать ей приказы, но у меня никогда не будет мадам Окты. Она принадлежала мистеру Джутингу, и он не расстался бы с ней ни за деньги, ни за драгоценности, ни...

Тут меня осенило. Я понял, как можно забрать у него мадам Окту. И взять ее себе. *Шантаж!* Если как следует пригрозить вампиру — а ведь всегда можно сказать, что я натравлю на него полицию, — ему придется отдать ее мне.

Однако я страшно боялся разговаривать с мистером Джутином, тем более с глазу на глаз. Я отлично понимал, что у меня ничего не выйдет. Значит, остается только один выход: придется ее *украсть!*

ГЛАВА 17

Проще всего украсть паучиху рано утром. Устав после ночного представления, все артисты и помощники будут спать крепким сном часов до восьми или даже до девяти. Я проберусь к ним, найду мадам Окту, схвачу клетку и убегу. Если к тому времени кто-то уже проснется и у меня ничего не получится, я спокойно вернусь домой и забуду обо всем.

Труднее было выбрать подходящий день. Лучше идти туда в среду — во вторник поздно вечером закончится последнее представление, так что цирк, скорее всего, в полдень уже отправится в другой город, — до того, как вампир проснется и обнаружит пропажу. Но... Что, если они решат уехать сразу после представления, ночью? Тогда я упущу свой единственный шанс.

Значит, надо идти во вторник. Правда, у мистера Джутинга будет целая ночь, чтобы отыскать мадам Окту и меня, но придется все-таки рискнуть.

В кровать я лег раньше, чем обычно. Я устал и страшно хотел спать, но был очень возбужден из-за того, что мне предстояло сделать, и боялся вообще не заснуть. Я поцеловал маму и пожал папе руку. Они думали, я хочу побыстрее получить деньги на карманные расходы, но это было не так. Я просто опасался, что могу не вернуться, если со мной что-нибудь произойдет в кинотеатре.

У меня есть радио со встроенным будильником. Я установил будильник на пять утра, потом достал наушники и подключил их к радио. Теперь я спокойноенько проснусь рано утром, никого не разбудив.

Вопреки моим опасениям, я быстро уснул и проспал до самого утра. Может, мне что и снилось — не помню.

В пять утра зазвенел будильник. Я застонал, перевернулся на другой бок, но потом быстро сел и протер глаза. Несколько секунд вообще не мог понять, где я и почему проснулся в такую рань. Однако, вспомнив про паучиху и свой план, я радостно улыбнулся.

Впрочем, улыбался я недолго — оказалось, что будильник звонит вовсе не в наушниках. Наверное, во сне я неудачно повернулся и выдернул шнур! Вскочив, я быстро выключил будильник и снова сел.

Сердце бешено колотилось в груди. Я сидел и прислушивался.

Удостоверившись, что родители не проснулись, я выскользнул из постели, оделся, стараясь не шуметь, и отправился в туалет. Там я чуть было не спустил воду, но вовремя понял, что этот шум может разбудить родителей. Отдернув руку, я вытер пот со лба. Они наверняка бы услышали! Чуть не провалил все дело! Надо быть осторожнее, особенно когда приду в кинотеатр.

Я спустился по лестнице и вышел на улицу. Солнце вот-вот встанет. Похоже, день будет ясный.

По пути к кинотеатру я пел песни, чтобы поднять себе настроение. Я ужасно нервничал и несколько раз готов был повернуть обратно. Один раз я на самом деле развернулся и зашагал к дому, но, вспомнив, как паучиха свисала у мистера Джутинга с подбородка, какие трюки она выделявала, повернулся и пошел дальше.

Не знаю, почему мне так не терпелось заполучить мадам Окту и почему я решил подвергнуть свою жизнь такой опасности. Вспоминая тот день, я не понимаю, что двигало мной. Просто ужасно хотелось, чтобы паучиха была моя, и я не мог ничего с собой поделать.

Днем этот старый кинотеатр показался мне еще страшнее. Я заметил трещины на стенах, норы, прогрызенные мышами и крысами, паутину на окнах. По спине пробежал мороз, однако я все-таки решил обойти здание со всех сторон: должен же тут быть черный ход. На улице, где стоял кинотеатр, было глухо и пусто. Ветхие постройки, брошенные старые автомобили, кучи мусора. Позже здесь будут ходить люди, но сейчас мне казалось, что я попал в город Призраков. Даже кошек и собак нигде не видно.

Как я и думал, в кинотеатр можно было пробраться не только через главный вход. Был еще черный ход и окна.

Недалеко от здания стояло несколько легковых машин и фургонов. На них не было ни картинок, ни надписей, но я был уверен, что они принадлежат цирку уродов. Меня вдруг осенило, что артисты, скорее всего, спят в фургонах. Если мистер Джутинг находится сейчас в одном из них, можно считать, что мой план провалился.

Я пробрался в кинотеатр, в котором сейчас было холоднее, чем в субботу вечером, и на цыпочках пошел по длинному коридору. Свернул за угол, еще раз свернул. Казалось, здесь целый лабиринт из коридоров! Я начал опасаться, как бы не заблудиться на обратном пути. Может,

вернуться и захватить с собой клубок ниток, чтобы...

Нет! Поздно. Если я сейчас уйду, у меня уже не хватит смелости прийти сюда еще раз. Надо просто запоминать путь и помолиться, когда придет время возвращаться.

Артистов нигде не было, я уже подумал, что зря сюда пришел, что все они в фургонах или в отелях неподалеку от кинотеатра. Прошло уже двадцать минут, у меня даже ноги заболели от ходьбы. Может, лучше уйти и забыть о своем безумном плане?

Я уже готов был окончательно сдаться, когда заметил лестницу в подвал. Я остановился и стал размышлять, кусая губы, стоит ли спускаться вниз. Судя по тому, что показывают в ужастиках, это самое подходящее место для вампиров, но, с другой стороны, во многих фильмах героя, который отважился спуститься в подвал, зверски убивают, а потом режут на мелкие кусочки!

Глубоко вздохнув, я все-таки стал спускаться по лестнице. Ботинки слишком громко застучали по ступеням, поэтому я снял их и пошел дальше в одних носках. Я посадил кучу заноз, но так волновался, что даже не чувствовал боли.

У подножия лестницы стояла огромная клетка. Я наклонился и заглянул внутрь через прутья. В ней был Человек-Волк. Он спал, лежа на спине и громко храпя. Вдруг он дернулся и застонал. Я отпрыгнул от клетки. Если Человек-Волк проснется, то его вой перебудит всех уродов, и они тут же прибегут сюда!

Отпрянув от него, я задел ногой что-то мягкое и скользкое. Медленно повернув голову, я увидел, что это Мальчик-Змея! Он лежал на полу, змея обвилась вокруг его тела, а глаза мальчика были открыты!

Не знаю, как я удержался, чтобы не закричать или не упасть в обморок. Каким-то образом я все-таки устоял на ногах и не издал ни звука. Это спасло меня. Потому что, хотя глаза у Мальчика-Змеи были открыты, он крепко спал. Дыхание у него было глубоким и равномерным, как это бывает только во сне.

Я постарался не думать о том, что могло бы произойти, если бы я упал и разбудил и мальчика, и змею.

Ну все, хватит! Я в последний раз огляделся по сторонам, пообещав себе, что уйду из подвала, если не найду вампира. Сначала я ничего не увидел и хотел уже смотаться отсюда, но потом вдруг заметил у стены нечто похожее на огромный ящик.

Нечто *похожее* на огромный ящик. Но не ящик. Я прекрасно знал, что это было. Гроб!

Затаив дыхание, я осторожно приблизился к нему. Гроб был метра два в длину и сантиметров восемьдесят в ширину. Дерево потемнело от времени и кое-где покрылось мхом. В одном из углов я заметил целое семейство тараканов.

Я бы с удовольствием рассказал, что у меня хватило смелости поднять крышку и заглянуть внутрь, но, само собой, это было бы неправдой. Меня бросало в дрожь при одной мысли о том, чтобы *прикоснуться* к гробу!

Я огляделся в поисках клетки с мадам Октой. Я был уверен, что паучиха где-то недалеко от своего хозяина. И действительно, вот эта клетка, на полу у изголовья гроба, накрытая красной тряпкой.

Заглянув в клетку, чтобы убедиться, я увидел мадам Окту. Брюхо у нее пульсировало, а восемь лап мерно подрагивали. С такого расстояния она казалась страшной и очень опасной. Я даже подумывал уже оставить ее здесь. Моя затея вдруг показалась мне ужасно глупой, меня даже передернуло, когда я представил, как она прикасается ко мне своими мохнатыми лапами или того хуже — ползет по моему лицу.

Но теперь только трус не взял бы паучиху. Поэтому я поднял клетку и отнес ее ближе к лестнице. В замке торчал ключ, а к прутьям была привязана флейта.

Я вынул из кармана записку, которую написал накануне. Она была недлинной, но я сочинял ее целый час. Прицепив записку к крышке гроба жвачкой, я еще раз перечитал ее:

Мистер Джутинг,

Я знаю, кто Вы. Я забрал у вас мадам Окту, теперь она моя. Не ищите ее. И не возвращайтесь в этот город. Если вернетесь, я всем расскажу, что Вы вампир, Вас выследят и убьют. Я не Стив. Стив об этом ничего не знает. Я буду хорошо заботиться о паучихе.

Само собой, я не подписался!

Наверное, лучше было не упоминать Стива, но я был уверен, что вампир сразу же подумает на него. Зачем же так подставлять друга?

Теперь, когда я прикрепил записку, можно было уходить. Взяв

клетку и стараясь не шуметь, я быстро поднялся по лестнице. В коридоре я надел ботинки и пошел к выходу. Найти его оказалось проще, чем я думал: в коридорах было гораздо светлее, чем в подвале. Я выбрался наружу, медленно обошел кинотеатр и помчался домой, оставив позади заброшенный кинотеатр, вампира и свои страхи. Оставив позади все, кроме мадам Окты!

ГЛАВА 18

До дома я добрался минут за двадцать до того, как проснулись мама и папа. Клетку спрятав у себя в шкафу, под ворохом одежды, оставив дырочки, чтобы мадам Окта не задохнулась. Здесь она в безопасности: мама говорит, что я сам должен убираться у себя в комнате, и почти никогда не роется в моих вещах.

Потом лег в постель и притворился, что сплю. Без четверти восемь папа крикнул, что пора вставать. Я оделся и спустился на кухню, зевая и потягиваясь, как будто только что проснулся. Проглотив завтрак, я забежал наверх — проверить, как там мадам Окта. Она сидела, не двигаясь с тех пор, как я ее украл. Я потряс клетку, но паучиха даже не пошевелилась.

Как бы я хотел остаться дома и понаблюдать за ней! Но это было невозможно. Мама всегда знает, правда я болею или только притворяюсь. Она умная, ее не проведешь.

Тот день показался мне долгим-предолгим. Секунды превратились в часы, а большая перемена тянулась целую вечность! Я пытался играть в футбол, но думал совсем о другом. В классе я никак не мог собраться с мыслями и невпопад отвечал на самые простые вопросы.

Наконец уроки закончились, и я помчался домой, в свою комнату.

Мадам Окта сидела на том же месте в своей клетке. Я даже испугался, как бы она не подохла, но заметил, что паучиха еще дышит. Тут я догадался — она, должно быть, ждет, когда ее покормят! Я уже видел, как пауки могут часами, не двигаясь, выжидать, когда к ним в паутину попадет что-нибудь на обед.

Я не знал, чем именно ее кормить, но предполагал, что мадам Окта в этом смысле вряд ли сильно отличается от обычных пауков. Я бросился в сад, по пути захватив на кухне пустую банку из-под варенья.

Быстро собрав в нее парудохлых мух, несколько жуков и длинного червяка, я понесся назад, спрятав банку под майку, чтобы мама не заметила и не стала меня расспрашивать.

Я закрыл за собой дверь, подпер ее стулом, чтоб никто не зашел, поставил клетку на кровать и снял тряпку.

От яркого света мадам Окта поджала под себя лапы и съежилась

еще сильнее. Я собирался было открыть дверцу и закинуть в клетку еду, но тут вспомнил, что передо мной ядовитый паук, от укуса которого можно умереть.

Тогда я поднял банку над клеткой, достал одного жука и бросил паучихе. Жук упал на спину. Подпрыгав лапками, он умудрился перевернуться на живот и пополз на свободу, но выбраться из клеток не успел.

Почуввав какое-то движение, мадам Окта прыгнула на жука. Это произошло внезапно; только что она неподвижно сидела в центре клетки — и вот уже пригвоздила жука, обнажает жвала.

Паучиха расправилась с жертвой в мгновение ока. Обычному пауку этого хватило бы на целый день, а то и на два дня, однако для мадам Окты жук был лишь легкой закуской. Она вернулась на свое излюбленное место и посмотрела, на меня, как бы говоря: «Ладно, было очень вкусно. А что у нас на первое?»

Я скормил ей все, что собрал в банку. Червяк долго сопротивлялся, изворачивался, как мог, бедняга, но мадам Окта вонзила в него свои жвала и разорвала пополам, а потом еще раз пополам. Кажется, червяк понравился ей больше всего.

Тут мне в голову пришла великолепная идея, и я достал из-под матраса дневник. Своим дневником я дорожу больше всего на свете. Благодаря ему я могу теперь писать эту книгу. Конечно, я все отлично помню и без дневника, но если все-таки что-нибудь забываю, то мне достаточно всего лишь открыть нужную страницу и прочитать.

Раскрыв дневник на пустой странице, я записал все, что знаю про мадам Окту: то, что рассказал о ней мистер Джутинг на представлении, какие трюки она выполняла, какая еда ей понравилась. То, что она была не прочь отведать, я отметил одной галочкой, а то, от чего пришла в восторг, — двумя (пока это был только червяк). Так мне удастся побыстрее выяснить, чем лучше кормить паучиху и что давать ей в качестве поощрения за хорошо исполненный трюк.

Потом я пошел на кухню и достал из холодильника немного еды — ломтик сыра, кусочек ветчины, лист салата и немного солонины. Паучиха сожрала все, что я ей принес, до последней крошки. Похоже, мне придется теперь постоянно искать еду для своей ненасытной уродливой дамы!

Вечер вторника оказался просто ужасным. Я все время думал о том,

что сделает мистер Джутинг, когда проснется и обнаружит мою записку вместо клетки с мадам Октой. Уедет ли он, как я ему сказал, или отправится искать свою любимицу? Может, если они умеют общаться мысленно, ему удастся выследить ее и мистер Джутинг заявится прямо ко мне домой?

Я несколько часов просидел на кровати, прижимая к груди крест. Вообще-то я не знал, поможет крест или нет. В фильмах они всегда помогали, но я вспомнил, как однажды говорил об этом со Стивом и он сказал, что сам по себе крест не имеет никакой силы. И добавил, что он помогает только хорошим людям.

В два часа ночи меня сморил сон. Если бы мистер Джутинг все-таки заявился ко мне, я был бы абсолютно беспомощен, но, к счастью, когда я утром проснулся, в моей комнате не было никаких следов того, что он здесь побывал, и мадам Окта по-прежнему сидела в шкафу.

Сегодня я чувствовал себя гораздо лучше. После школы я прогулялся до старого кинотеатра и увидел, что цирк уродов уехал. Возле здания не было больше никаких фургонов. Ничего не говорило о том, что здесь когда-то останавливался цирк уродов.

У меня получилось! Мадам Окта моя!

Чтобы отпраздновать победу, я заказал пиццу. С ветчиной и копченой колбасой. Мама с папой поинтересовались, что у меня произошло. Я сказал, что просто чувствую себя как-то странно, и предложил им и Энни по куску пиццы. На том все и кончилось.

Остатки пиццы я скормил мадам Окте, она пришла в восторг. Долго потом металась по клетке, подбирая крошки. Я сделал запись в дневнике: «Особое лакомство — кусочек пиццы!»

Следующие несколько дней я приучал ее к новому месту. Из клетки я ее не выпускал, но два-три раза пронес клетку по комнате, чтобы паучиха могла заглянуть в каждый уголок. Я собирался скоро ее выпустить и не хотел, чтобы она нервничала.

Я подолгу разговаривал с ней, рассказывал о себе, о родителях, о своем доме. Сказал, как она мне нравится, какую еду я собираюсь раздобыть для нее, какие трюки мы с ней будем исполнять. Наверное, ей не все было понятно, но мне почему-то казалось, что мадам Окта понимает каждое мое слово.

В четверг и в пятницу после уроков я ходил в библиотеку, чтобы почитать про пауков. Оказалось, я столько всего не знал! Например, что

у пауков бывает до восьми глаз или что паутина — это липкая жидкость, которая на воздухе застывает и превращается в тонкие нити. Однако ни в одной книге не говорилось о пауке, который мог бы исполнять разные трюки, или о пауке, с которым можно общаться телепатически. А еще я не нашел ни одной картинке с пауком, похожим на мадам Окту. Наверное, ни один из авторов никогда не видел такого паука. Она была большой редкостью!

В субботу я решил, что пора выпустить ее из клетки и попробовать исполнить пару трюков. Я уже несколько раз брал в руки флейту и теперь мог сыграть пару простых мелодий. Труднее всего будет мысленно посылать команды мадам Окте, не переставая при этом играть на флейте. Но я чувствовал, что смогу это сделать.

Я закрыл дверь и окна. Папа еще не вернулся с работы, а мама вместе с Энни отправилась по магазинам. Я остался в доме один. Если что-нибудь случится, то виноват в этом буду только я, и только я пострадаю.

Я поставил клетку на пол. Мадам Окта была голодной со вчерашнего вечера. Я решил, что с набитым брюхом она откажется исполнять трюки. Животные тоже могут быть ленивыми, совсем как люди.

Сдернув покрывало с клетки, я приложил флейту ко рту и открыл дверцу. Отступил на два шага и присел на корточки, чтобы паучихе было лучше меня видно.

Некоторое время мадам Окта не двигалась с места. Потом подползла к дверце, остановилась и принялась. Мне показалось, что она слишком толстая и не сумеет выбраться из клетки. Может, я ее перекармлил? Но паучихе каким-то образом все же удалось втянуть бока и выползти наружу.

Оказавшись на ковре, она остановилась. Брюшко у нее запульсировало. Я думал, она поползает вокруг клетки, обследует комнату, но, похоже, новая среда обитания ее нисколько не интересовала.

Мадам Окта не отрываясь смотрела на меня!

Я нервно сглотнул и постарался подавить в себе страх, чтобы она его не почувствовала. Мне удалось сдержать дрожь и не закричать, хотя это было трудновато. Флейта чуть не выпала у меня изо рта, но в последнюю секунду я удержал ее губами. Пора играть. Я

сосредоточился и набрал воздуха, чтобы дунуть в нее.

В эту секунду мадам Окта ожила. Оттолкнувшись от пола волосатыми лапами и обнажив жвала, она бросилась *прямо на меня* !

ГЛАВА 19

Если бы не флейта, мадам Окта вонзила бы в меня жвала и я бы умер на месте. Но мне крупно повезло: не долетев до моего лица, паучиха ударилась о флейту и упала на пол.

Несколько секунд она лежала не двигаясь, поджав под себя лапы. Понимая, что сейчас моя жизнь зависит от того, насколько быстро я среагирую, я зажал флейту губами и заиграл, как ненормальный. Во рту у меня пересохло от страха, но я старался не обращать на эхо внимания, боясь облизнуть губы.

Заслышав музыку, мадам Окта склонила голову набок. Потом с трудом встала на лапы и начала покачиваться из сторону в сторону, как пьяная. Вздохнув, я заиграл медленнее, чтобы у меня не устали пальцы и легкие.

«Привет, мадам Окта! — мысленно сказал я, закрыв глаза и сосредоточившись. — Меня зовут Даррен Шэн. Я это тебе и раньше говорил, не знаю, слышала ли ты. Я и сейчас не уверен, что ты слышишь. Я твой новый хозяин. Буду о тебе заботиться, кормить тебя насекомыми и мясом. Но только если ты будешь хорошо себя вести, выполнять все, что я тебе скажу, и никогда больше на меня не нападать».

Паучиха перестала раскачиваться и уставилась на меня. Я не знап, слушает она меня или просто готовится к новому прыжку.

«Хочу, чтобы ты встала на задние лапы! — приказал я ей. — Хочу, чтобы ты встала на две задние лапы и поклонилась!»

Некоторое время она никак не реагировала на мои слова. Не переставая играть, я продолжал с ней разговаривать — просил ее, приказывал, умолял. Вдруг, когда я уже совсем измотался, мадам Окта поднялась на две задние лапы, как я и просил. Потом отвесила поклон и опять замерла, ожидая новых приказаний.

Она меня слушалась!

Тогда я приказал ей заползти в клетку. Паучиха подчинилась, на этот раз мне даже не пришлось ее долго просить. Как только она забралась в клетку, я быстро запер дверцу и повалился на спину. Флейта выпала у меня изо рта.

Как же я испугался, когда она прыгнула на меня! Сердце колотилось так быстро, что я даже подумал, оно сейчас просто вылетит у меня изо рта! Я долго еще лежал на полу и смотрел на паучиху, размышляя о том, что несколько минут назад был на волосок от смерти.

Это должно было меня кое-чему научить. Любой нормальный человек никогда бы больше не выпускал мадам Окту из клетки и не играл с таким жутким созданием. Слишком опасно. А если бы она не ударилась о флейту? Если бы мама, вернувшись домой, нашла на полу мой труп? А вдруг бы паучиха накинулась на нее, или на папу, или на Энни? Только круглый дурак решился бы еще раз выпустить мадам Окту.

А зовут этого дурака Даррен Шэн!

Да, это действительно полный идиотизм, но, увы, я не мог удержаться. Да и стоило ли вообще красть паучиху, чтобы потом все время держать ее в старой клетке в шкафу?

В следующий раз я был умнее. Я отпер дверцу, но не стал ее открывать, а заиграл на флейте, мысленно приказывая мадам Окте открыть клетку. Подчинившись, паучиха выбралась наружу. Сегодня она казалась смирной и безобидной, как котенок, к тому же послушно выполняла все мои приказы.

Я заставил ее исполнить много разных трюков. Мадам Окта попрыгала по комнате, как кенгуру. Потом повисла на потолке и стала плести картинку из паутины. После этого начала поднимать тяжести — ручку, спичечный коробок, мраморный шарик. Потом я приказал ей забраться в игрушечную машинку с дистанционным управлением. Мадам Окта исполнила приказ, и я пустил ее поехать по комнате. Казалось, будто это она сама ею управляет! Я сделал так, чтобы машинка врезалась в стопку книг, но приказал паучихе выпрыгнуть из нее прямо перед столкновением, чтобы мадам Окта не поранилась.

Я играл с ней целый час и с радостью играл бы до самого вечера, но тут пришла мама. Я понимал, что она очень удивится, если я весь день посижу у себя в комнате. Не хватало только, чтобы родители застали меня с мадам Октой.

Поэтому я быстро сунул клетку с паучихой в шкаф и спустился на кухню, изо всех сил стараясь скрыть свое волнение и радость.

— Музыку слушал? — спросила мама.

На столе лежало четыре пакета с одеждой, мама с Энни суетились

вокруг них.

— Нет, — ответил я.

— Да я вроде слышала какую-то музыку, — сказала мама.

— Я просто играл на флейте, — объяснил я.

Мама оторвалась от покупок.

— Что? — удивленно переспросила она. — Ты играл на флейте?

— Ну, я же умею играть, — сказал я. — Ты сама меня научила, когда мне было пять лет. Забыла, что ли?

— Это я прекрасно, помню, — засмеялась мама. — А еще помню, как в шесть лет ты заявил, что на флейтах играют только девчонки. И поклялся, что больше никогда в жизни не будешь играть!

Я пожал плечами, сделав вид, что это чепуха.

— Ну, я передумал. Вчера возвращался из школы и нашел флейту. Интересно стало, смогу ли я еще что-нибудь сыграть.

— А где ты ее нашел? — спросила мама.

— На дороге валялась.

— Надеюсь, ты хоть вымыл ее, прежде чем сунуть в рот? На ней бог знает кто играл.

— Вымыл, вымыл, — соврал я.

— Нет, ну какой все-таки приятный сюрприз! — улыбнулась она, взъерошила мне волосы и поцеловала в щеку.

— Эй! Перестань! — воскликнул я.

— Мы из тебя сделаем Моцарта, — радовалась мама. — Так и вижу: ты в шикарном белом костюме играешь на фортепьяно в огромном концертном зале, а мы с папой сидим в первом ряду...

— Спустись на землю, мам, — буркнул я. — Столько шума из-за какой-то флейты!

— Лиха беда начало, — заметила она.

— Да уж, беда — это точно! — хихикнула Энни.

Я показал ей язык.

Еще пару дней все было просто здорово! Я играл с мадам Октой, кормил ее, когда возвращался из школы (если дать побольше еды, то ей хватало на целый день). И можно было больше не подпирать дверь стулом, потому что мама с папой согласились не входить ко мне, когда я играл на флейте.

Я хотел рассказать Энни о паучихе, но решил немного подождать. Вроде мы с мадам Октой неплохо ладили, однако я видел, что она еще

не совсем привыкла ко мне. Нет, надо окончательно удостовериться, что Энни не грозит никакая опасность, и только потом показать ей паучиху.

На этой неделе я получал много хороших оценок и великолепно играл в футбол. С понедельника до пятницы я забил двадцать восемь голов! Даже мистер Далтон был потрясен таким результатом.

— Если и дальше будешь так же блистать и в классе, и на футбольном поле, — сказал он, — то станешь первым профессиональным игроком-академиком! Пеле и Эйнштейн в одном флаконе!

Я понимал, что он шутит, но все равно было очень приятно.

Я долго опасался заставить мадам Окту забраться мне на лицо, но наконец решился. Дело было в пятницу, после школы. Некоторое время я играл на флейте, стараясь изо всех сил, и одновременно объяснял ей, что от нее требуется. Убедившись, что она меня поняла, я кивнул паучихе, и она поползла вверх по штанине.

Все было нормально, пока она не приблизилась к моей шее. Когда ее тонкие волосатые лапы коснулись кожи, я чуть не выронил флейту. Слава богу, я все-таки не перестал играть, не то помер бы в считанные секунды — ведь мадам Окта как раз подобралась к сонной артерии. Хорошо, что я вовремя взял себя в руки.

Мадам Окта проползла по моему левому уху и забралась на голову. Там она легла передохнуть. Голова зудела, но у меня хватило ума не почесаться. Я посмотрел на себя в зеркало и улыбнулся: паучиха была похожа на смешной берет.

Потом я заставил ее проползти по лицу и свеситься на паутинке с носа. Ко рту я ее не подпустил. Зато приказал ей покачаться из стороны в сторону на паутинке и пощекотать мне лапами подбородок — все это она проделывала с мистером Джутиным.

От щекотки мне захотелось засмеяться, а ведь я мог выронить флейту! Поэтому я велел ей перестать щекотать меня.

Вечером, посадив мадам Окту в клетку, я почувствовал себя настоящим героем. Мне казалось, что я все сделал правильно, теперь жизнь у меня будет — одно удовольствие. И в школе мне все удастся, и на футбольном поле лучше меня никого нет. А еще у меня теперь есть такой паук, за которого любой мальчишка бы отдал все на свете. Я бы так не радовался, даже если бы вдруг выиграл в лотерею или получил в подарок шоколадную фабрику.

И конечно, именно теперь, когда мне казалось, что все хорошо, мир вдруг стал рушиться прямо у меня на глазах.

ГЛАВА 20

В субботу вечером ко мне пришел Стив. На этой неделе мы с ним почти не разговаривали, и я никак не ожидал его увидеть. Мама открыла ему дверь, впустила в дом и крикнула, чтобы я спустился. Я заметил его еще с лестницы и, остановившись, позвал к себе.

Он стал оглядывать мою комнату так, будто не был здесь уже много месяцев.

— Я уже и забыл, как она выглядит, — признался Стив.

— Не валяй дурака, — сказал я, — Ты был здесь всего пару недель назад.

— Мне кажется, это было так давно.

Он сел на кровать и посмотрел на меня. Серьезно и печально.

— Почему ты меня сторонисься? — тихо спросил он.

— В смысле? — Я сделал вид, будто не понимаю, о чем он.

— Последние две недели ты меня словно избегаешь, — сказал Стив. — Сначала я думал, мне это только кажется, но потом стал замечать, что с каждым днем ты проводишь со мной все меньше и меньше времени. А когда в четверг мы играли в баскетбол на физре, ты даже не взял меня в свою команду.

— Ну, ты же не очень хорошо играешь в баскетбол, — попытался выкрутиться я, прекрасно понимая, что это слишком слабая отговорка, но лучше придумать не мог.

— Сперва я удивлялся, — продолжил Стив, — но потом подумал как следует и понял, в чем дело. Ты ведь не заблудился в тот вечер, после представления, да? Ты остался в кинотеатре и, спрятавшись где-то — может, даже на балконе, — слышал все, о чем мы говорили с Вур Хорстоном.

— Ничего я не слышал! — отрезал я.

— Нет?

— Нет, — снова соврал я.

— И ничего не видел?

— Нет.

— Ты не видел, как мы говорили с Вур Хорстоном?

— Нет?

— Ты не...

— Послушай, Стив, — перебил его я, — то, о чем ты говорил с мистером Джутиным, меня не касается. Я там не был, ничего не видел, ничего не слышал и не знаю, о чем ты. А теперь, если ты...

— Не ври, Даррен! — сказал Стив.

— Я и не вру! — воскликнул я.

— Тогда с чего ты взял, что я сейчас говорю о мистере Джутиным? — не отступал он.

— Просто... — Я резко замолчал, не договорив.

— Я сказал, что говорил с Вур Хорстоном, — улыбнулся Стив. — Если тебя там не было, то откуда ты узнал, что Вур Хорстон — это и есть Лартен Джутиным?

Я опустил голову и сел на кровать рядом со Стивом.

— Ладно. Ты прав. Я прятался на балконе.

— Ты там был все время, пока мы разговаривали? — спросил он.

— Да. Я не видел, как он высасывал у тебя кровь, и не слышал, что он при этом говорил, но я отлично видел и слышал...

— ...все остальное, — закончил за меня Стив и вздохнул. — Так вот из-за чего ты меня избегаешь. Мистер Джутиным сказал, что я — воплощение зла.

— И из-за этого тоже, — сказал я. — Но вообще-то я избегаю тебя из-за того, что сказал ты сам. Стив, ты ведь просил его превратить тебя в вампира! А что, если бы он согласился и ты потом набросился на меня? Многие вампиры убивают первыми тех, с кем когда-то дружили, разве не так?

— Так они и делают в книжках и в фильмах, — ответил Стив. — Но в жизни все по-другому. Я бы не тронул тебя, Даррен.

— Может быть, — сказал я. — А может, и нет. Но понимаешь, мне как-то не хочется это проверять. Я больше не хочу с тобой дружить. Ты можешь стать опасным. Что, если ты завтра встретишь другого вампира, который выполнит твою просьбу? К тому же вдруг мистер Джутиным прав и ты действительно воплощение зла, и...

— Я не воплощение зла! — воскликнул Стив и, повалив меня на спину, прыгнул мне на грудь, накрыл мое лицо ладонью и прижал голову к матрасу. — Проси прощения! Ну же! А то я оторву тебе голову!

— Прости меня! Прости! — завопил я.

Стив крепко прижимал меня к кровати, лицо у него пылало от злости. Я сказал бы все, что угодно, лишь бы он отстал от меня.

Стив застыл на секунду, потом что-то проворчал и слез с моей груди. Я сел и, с трудом переводя дыхание, стал тереть лицо.

— Это ты прости, — пробормотал Стив. — У меня крыша поехала. Мне очень плохо. Сначала мистер Джутинг говорит мне такие страшные вещи, а потом ты начинаешь меня избегать. Ты ведь мой лучший друг, Даррен; ты единственный человек, с которым я могу поговорить. Если ты перестанешь со мной дружить, я не знаю, что сделаю.

Он заплакал. Я посмотрел на него, во мне боролись страх и жалость. Вскоре жалость одержала победу, я обнял его за плечи и сказал:

— Не плачь, Стив. Я тебя не брошу. Только не плачь, ладно?

Стив постарался сдержать слезы, но это оказалось не так-то просто. Только через несколько минут он перестал всхлипывать.

— Я, наверное, вел себя как дурак.

— Ерунда, — отозвался я. — Это я дурак. Я должен был поддержать тебя. Но струсил. Я ни разу не подумал о том, как тебе, должно быть, сейчас плохо. Я думал только о себе и о мадам... — Тут я прикусил язык.

Стив удивленно вытаращился на меня.

— Что ты собирался сказать? — спросил он.

— Ничего, — ответил я. — Просто оговорился.

— Шэн, ты же совсем не умеешь врать. И никогда не умел, — проворчал он. — Ну-ка выкладывай, что ты хотел мне сказать.

Я пристально посмотрел на него, не зная, можно ли ему довериться. Конечно, лучше Стиву ничего не рассказывать — мало ли, что может случиться, — но мне было его ужасно жалко. К тому же мне надо было кому-то рассказать о мадам Окте. Мне очень хотелось показать свою любимицу и те трюки, которые она может исполнить.

— Тайны хранить умеешь? — спросил я.

— Само собой, — фыркнул Стив.

— Это очень большая тайна. Не говори никому, ладно? То, что я тебе сейчас расскажу, должно остаться только между нами. Если ты проболтаешься...

— ...то ты проболтаешься обо мне и мистере Джутинге, —

улыбнувшись, закончил Стив. — У тебя на руках все козыри, Даррен. Что бы ты мне ни рассказал, я сохраню в секрете, даже если бы мне очень хотелось с кем-то поделиться. Ты это прекрасно знаешь. Ну, так что за тайна?

— Погоди-ка... — Я встал с кровати, открыл дверь и закричал: — Мама!

— Что? — отозвалась она.

— Я показал Стиву свою флейту. Хочу научить его играть. Не входите к нам, ладно?

— Ладно, ладно! — согласилась она.

Я закрыл дверь и улыбнулся Стиву. Он озадаченно посмотрел на меня:

— Что за флейта? Это и есть твоя большая тайна?

— Нет, но без нее никак, — объяснил я. — Помнишь мадам Окту? Паучиху мистера Джутинга?

— Конечно, — сказал мой друг. — Правда, тогда она меня особо не интересовала, но кто ж забудет такую тварь? Эти волосатые лапы — брррр!

Не дожидаясь, когда он закончит, я открыл шкаф и вытащил клетку. Увидев ее, Стив прищурился, а потом ахнул от удивления:

— Это ведь не то, о чем я подумал?

— Откуда ж мне знать? — сказал я, сдергивая с клетки красную ткань. — Если ты подумал, что это смертельно опасная паучиха, то ты прав!

— Вот черт! — воскликнул он и от удивления чуть не упал с кровати. — Это же... а она... где ты... Класс!

Я ужасно обрадовался тому, как он отреагировал. Я стоял над клеткой и гордо улыбался, как улыбается добропорядочный отец семейства. Мадам Окта сидела в клетке, не двигаясь и не обращая на нас со Стивом никакого внимания.

— Она просто супер! — сказал Стив, подползая поближе, чтобы лучше ее разглядеть. — Один в один похожа на ту, из цирка. Просто не могу поверить, что ты нашел такую же. Где ты ее раздобыл? В зоомагазине? В зоопарке?

Я перестал улыбаться.

— В цирке уродов.

— В цирке уродов? — переспросил он, поморщившись. — Там

продавали живых пауков? Я что-то не видел. И сколько стоит такая паучиха?

Я покачал головой:

— Я не купил ее, Стив. Я... Не понимаешь, что ли? Сам догадайся!

— Чего не понимаю? — спросил он.

— Что эта паучиха не просто похожа на мадам Окту, это и есть мадам Окта. Вот она, прямо перед тобой.

Стив уставился на меня так, будто не слышал, что я ему только что сказал. Я уже собирался повторить, но тут он прервал меня.

— Это... и есть... она? — дрожащим голосом спросил мой друг.

— Да, — подтвердил я.

— Ты говоришь... это мадам Окта? Та самая мадам Окта?

— Да, — снова сказал я и засмеялся — так он был удивлен.

— Паучиха... мистера Джутинга?

— В чем дело, Стив? Сколько еще мне раз повторить, что это...

— Постой, — прервал он меня, трясая головой. — Если это и вправду мадам Окта, то как она оказалась у тебя? Ты нашел ее недалеко от кинотеатра? Или ее тебе продали?

— Кто станет продавать такого классного паука? — сказал я.

— Вот и я так думаю, — кивнул Стив. — В таком случае как... — Он замолчал.

— Я украл ее! — Я выпятил грудь от гордости. — Во вторник утром я вернулся в кинотеатр, нашел клетку с мадам Октой и сбежал с ней. Да, еще оставил мистеру Джутингу записку, в которой пригрозил, чтоб он не искал меня, иначе я сообщу полиции, что он вампир. — Ты... ты... — с трудом проговорил Стив. Лицо его побледнело, и я подумал, что он вот-вот упадет в обморок.

— Тебе плохо? — спросил я.

— Ты... придурок! — завопил он. — Сумасшедший! Слабоумный!

— Эй! — обиженно воскликнул я.

— Идиот! Тупица! Кретин! — не унимался он. — Ты сам-то понимаешь, что наделал? Понимаешь, что с тобой теперь будет?

— А что? — удивленно спросил я.

— Ты же украл ее у вампира! — продолжал кричать Стив. — Украл у исчадия ада! Как ты думаешь, Даррен, что он с тобой сделает, когда поймает? Отшлепает по заднице и заставит написать одно и то же предложение пятьдесят раз? Расскажет твоим родителям, чтобы они

перестали выдавать тебе деньги на карманные расходы? Мы же говорим о вампире! Да он откусит тебе голову и бросит ее своей паучихе! Он разорвет тебя на мелкие кусочки и...

— Нет, не разорвет, — спокойно отозвался я.

— Разорвет, — сказал Стив.

— Нет, не разорвет. Потому что не найдет. Я украл мадам Окту во вторник, перед последним представлением, с тех пор прошло уже две недели, а он так и не появился. Мистер Джутинг уехал с цирком и больше сюда не вернется, если, конечно, не захочет больших проблем на свою голову.

— Ну, не знаю, — озадаченно сказал Стив. — Вампиры никогда ни о чем не забывают. Он может вернуться, когда ты вырастешь и у тебя уже появятся собственные дети.

— Вот тогда я и стану переживать об этом, — заявил я. — А пока все идет просто прекрасно. Я сомневался, стоит ли красть паучиху, — боялся, что он выследит меня и убьет, но все-таки украл. И хватит меня обзывать.

— Ну ты даешь! — засмеялся он, качая головой. — Я думал, что я — самый смелый, но ты... Это ж надо — стащить паука у самого вампира! Никогда бы не поверил, что у тебя хватит смелости. Зачем ты это сделал?

— Просто захотел, чтобы она была моя. Когда я смотрел на нее на сцене, то думал, что все отдам, лишь бы заполучить такую. А потом, когда узнал, что мистер Джутинг вампир, решил, что его можно этим шантажировать. Это нехорошо, я знаю, но он же все-таки не человек, значит, это не так уж плохо, да? Если крадешь у дурного существа, то это по-своему даже хорошо, верно?

Стив засмеялся.

— Не знаю, плохо это или хорошо, — сказал он. — Знаю только, что, если он когда-нибудь вернется за своей паучихой, не хотел бы я оказаться на твоём месте.

Стив снова посмотрел на мадам Окту, на ее пульсирующее брюшко — на этот раз он придвинулся как можно ближе к клетке (но так, чтобы паучиха не могла его укусить).

— Ты еще не выпускал ее из клетки? — спросил наконец он.

— Каждый день выпускаю, — ответил я. Взяв флейту, я издал короткий звук. Мадам Окта прыгнула на пару сантиметров вперед. Стив

завопил и сел на пол. Я громко захохотал.

— Она тебя слушается? — удивился он.

— Я могу заставить ее сделать то же самое, что она делала у мистера Джугинга, — ответил я, стараясь, чтобы это не прозвучало так, будто я хвастаюсь. — Это несложно, Если как следует сосредоточиться, то бояться нечего. Но если замечтаешься хоть на секунду... — Я полоснул себя пальцем по горлу и сделал вид, что задыхаюсь.

— А ты заставлял ее плести паутину у тебя между губ? — спросил Стив. Глаза у него сверкали.

— Нет еще, — признался я. — Боюсь подпускать ее ко рту — а вдруг она проскользнет прямо в горло? И потом, мне нужен напарник, который бы играл на флейте, пока мадам Окта будет плести паутину, а напарника у меня пока не было.

— Пока, — улыбнулся Стив. — Но теперь есть. — Он встал и хлопнул в ладоши. — За дело! Научи меня играть на этой свистульке, и у нас все получится. Я не испугаюсь, если мадам Окта заползет мне в рот. Ну же, давай, давай, ДАВАЙ!

Мне передалось его волнение. Я понимал, что Стив в первый раз видит паучиху и что глупо так вот, сразу, подпускать его к ней, они должны были сначала привыкнуть друг к другу, но я решил не думать об этом и уступил ему.

Я сказал, что он не будет играть на флейте, пока не научится, но зато сможет поиграть с мадам Октой, когда я буду отдавать ей разные приказания. Потом подробно рассказал ему о каждом трюке, который мы будем исполнять, и убедился, что Стив все понял.

— Главное — не шуметь, — предупредил я. — Не говори ни слова. Даже не свисти. Потому что, если ты меня отвлечешь и я потеряю с ней связь...

— Да, да, — вздохнул Стив. — Я знаю. Не переживай. Я могу быть тихим, как мышка, когда захочу.

Он приготовился, я отпер клетку и заиграл на флейте. Мадам Окта послушно выползла. Стив затаил дыхание, испугавшись, — ведь теперь она была совсем рядом и не в клетке. Но так как он не подал мне знака остановиться, я продолжил играть, и мадам Окта стала исполнять привычные для нее трюки.

Прежде чем подпускать ее к Стиву, я заставил паучиху сделать много всего интересного. За последнюю неделю мы привыкли друг к

другу. Мадам Окта научилась быстро понимать мои мысли и теперь выполняла команды еще до того, как я заканчивал их отдавать. А я догадался, что необязательно общаться с ней длинными фразами, иногда хватает и двух-трех слов, чтобы она меня послушалась.

Стив молча наблюдал за паучихой. Несколько раз он чуть было не захлопал в ладоши, но в последнюю минуту спохватывался и только показывал мне кулак с оттопыренным большим пальцем и одними губами произносил: «Классно!»; «Здорово!», «Супер!».

Когда Стив должен был присоединиться к нашему «представлению», я кивнул ему, как мы и условились. Глубоко вздохнув, он кивнул мне в ответ. Потом встал, шагнул вперед, но так, чтобы не загораживать мадам Окту, опустился на колени и стал ждать.

Я заиграл новую мелодию и отдал пару новых приказов. Паучиха остановилась и прислушалась. Наконец, сообразив, что я от нее хочу, она поползла к Стиву. Я видел, что он весь дрожит и то и дело нервно облизывает губы. Я хотел было уже прервать номер и послать мадам Окту обратно в клетку, но тут Стив, немного успокоившись, перестал дрожать, и я продолжил.

Когда паучиха поползла по его ноге, мой друг содрогнулся, но это было вполне понятно. Я и сам содрогался, когда чувствовал, как ее волосатые лапы прикасаются к моей коже.

Я заставил мадам Окту проползти у него по шее и пощекотать уши своими лапками. Стив тихо захихикал, от его страха не осталось и следа. Теперь, когда он окончательно успокоился, я почувствовал себя гораздо увереннее, подвел паучиху к его лицу, приказал ей сплести паутину у него на глазах, потом спуститься по носу и свеситься на паутинке с его губ.

Мне это нравилось не меньше, чем Стиву. Ведь теперь, когда у меня появился напарник, можно было сделать столько новых трюков!

Когда мадам Окта забралась к Стиву на правое плечо, готовясь спуститься по руке, дверь открылась и в комнату вошла Энни.

Обычно Энни редко входит ко мне без стука. Она классная девчонка, совсем не такая, как многие другие в ее возрасте. Почти всегда вежливо стучит и терпеливо ждет, когда ей разрешат войти. Но в этот вечер она вошла без стука.

— Даррен, а где моя... — начала Энни, но тут же осеклась.

Она заметили Стива и огромного паука у него на плече — жвала у

паука угрожающе поблескивали, как будто он вот-вот вонзит их в кожу. И Энни сделала то, что сделали бы на ее месте многие другие.

Закричала.

Я отвлекся и повернул к ней голову. Флейта выпала у меня изо рта, мысли перепутались. Связь с паучихой оборвалась. Мадам Окта помотала головой, сделала несколько быстрых шажков к горлу Стива и обнажила жвала — казалось, она злобно усмехается.

Стив завопил от ужаса и вскочил на ноги. Попытался смахнуть ее, но паучиха увернулась, и он промазал. Не дав Стиву опомниться, мадам Окта склонила голову и вонзила свои ядовитые жвала прямо ему в шею!

ГЛАВА 21

Как только паучиха укусила его, Стив замер. Крики застряли у него в горле, губы посинели, глаза подернулись пеленой. Целую вечность, как мне показалось — на самом деле прошло, наверно, секунды три, — Стив переминался с ноги на ногу, а потом повалился на пол, как обветшавшее пугало.

Это его спасло. Так же, как козу в цирке уродов, первый укус мадам Окты Стива только парализовал. Я уже видел, как мадам Окта ползет у него по шее, выискивая подходящее место для следующего укуса.

Но когда Стив упал, паучиха испугалась и соскользнула на пол. Теперь ей нужно было время, чтобы забраться обратно.

У меня появилась возможность спасти Стива!

Я все еще был в шоке, однако вид огромной паучихи, взбирающейся по плечу моего лучшего друга, вывел меня из оцепенения. Я схватил флейту, сунул ее в рот — чуть не в горло запихал — и дунул изо всех сил. Звук получился очень громкий.

«ОСТАНОВИСЬ!» — мысленно приказал я мадам Окте.

Паучиха подскочила аж на полметра.

«Живо в клетку!» — скомандовал я.

Она сползла со Стива и помчалась через всю комнату. Как только она забралась внутрь, я бросился к клетке и мигом захлопнул дверцу.

Теперь, когда удалось обезопасить мадам Окту, можно было заняться Стивом. Энни все еще вопила как резаная, но успокаивать ее времени не было. Надо сначала позаботиться о моем парализованном друге.

— Стив! — позвал я, наклонившись к самому его уху. Я так надеялся, что он отзовется. — Стив! Ты как?

Стив не ответил. Он дышал, а значит, был еще жив. Однако он не мог вымолвить ни слова, не мог пошевелиться, не мог даже моргнуть.

Я почувствовал, что Энни стоит у меня за плечом. Она прекратила вопить, но даже спиной я чувствовал, как ее всю колотит.

— Он... он... умер? — еле слышно спросила она.

— Ты что? Нет, конечно! — рявкнул я. — Не видишь, что ли, он

дышит. Погляди, вон грудь и живот поднимаются.

— Тогда... почему он не встает?

— Потому что он парализован. Паучиха впрыснула в него яд, от которого немеют руки и ноги. Он теперь все равно что спит, только голова у него работает. Он все видит и слышит.

Я не знал, так ли оно на самом деле. Но очень надеялся, что так. Раз яд не подействовал на его сердце и легкие, то, может, не дошел и до мозга? А если дошел...

Думать об этом было слишком страшно.

— Стив, я помогу тебе подняться, — громко сказал я. — Думаю, если мы поможем тебе походить, действие яда пройдет.

Я обхватил Стива за талию и поставил его на ноги. Он был тяжелый, но я старался не обращать на это внимания. Я таскал его по комнате, тряс руки и ноги, все время говорил ему, что с ним все будет в порядке, от одного укуса не умирают, он еще выздоровеет.

Так я провозился минут десять и страшно устал, но Стив оставался таким же неподвижным, как раньше. Я положил его на кровать, постарался устроить поудобнее. Глаза у него были по-прежнему открыты. Выглядело это жутковато. Мне стало страшно. Я опустил ему веки, но так он стал совсем похож на труп. «Нет уж, лучше открыть ему глаза», — решил я и так и сделал.

— С ним все будет хорошо? — спросила Энни.

— Конечно, — ответил я, стараясь говорить уверенно. — Через некоторое время действие яда кончится, и Стив придет в себя. Надо только подождать.

Скорее всего она мне не поверила, но спорить не стала. Энни села на краешек кровати и уставилась на Стива, как ястреб на добычу. «Интересно, почему это мама еще не пришла проверить, что у нас тут происходит?» — подумал я и осторожно вышел из комнаты. На площадке лестницы я прислушался: из кухни доносился грохот стиральной машины. Теперь ясно. Машина у нас древняя, ревет по-страшному. Когда она включена, из кухни в жизни не услышишь, что творится в доме.

Когда я вернулся, Энни уже слезла с кровати. Она устроилась на полу и разглядывала мадам Окту.

— Это ведь та паучиха из цирка? — спросила она.

— Она, — признался я.

— Та ядовитая?

— Да.

— Откуда она у тебя?

— Неважно. — Я покраснел.

— А как она выбралась? — спросила Энни.

— Я ее выпустил.

— *Выпустил?!*

— Ну да, и не в первый раз. Она у меня уже две недели. Я с ней часто играю. Это совсем не опасно. Главное, чтобы не было лишних звуков. Если бы ты так не завопила, она бы не...

— Ну уж нет? — возмутилась она. — Нечего валить все на меня. Сам виноват: почему ты мне про нее не рассказал? Я бы тогда не заорала.

— Я хотел тебе рассказать, просто ждал подходящего момента, а потом пришел Стив и... — Слова застряли у меня в горле.

Я встал и засунул клетку с мадам Октой в шкаф, чтобы ее не видеть. Потом сел рядом с Энни на кровать и тоже уставился на Стива. Почти час мы сидели молча. Не сводя с него глаз.

— Мне кажется, он не придет в себя, — объявила наконец Энни.

— Давай подождем еще немного, — попросил я.

— Ждать тут бесполезно. Если бы действие яда проходило, он бы уже хоть чуть-чуть шевелился.

— Что ты в этом понимаешь? — рассердился я. — Ты еще маленькая и ничего не знаешь.

— Верно, — покорно согласилась она. — Только и ты тоже ничего в этом не смыслишь. Что, скажешь, не так?

Я кивнул.

— Вот и хватит тогда притворяться. — Сестра взяла меня за руку и мужественно улыбнулась. Она понимала, что мне и без того плохо. — Надо сказать маме, — решила она. — Позовем ее сюда. Может, она знает, что в таких случаях делают.

— А если не знает?

— Тогда надо отвезти его в больницу.

Я понимал, что Энни права. Вообще-то я и сам это знал, просто не хотел себе признаваться.

— Давай подождем еще пятнадцать минут, — предложил я. — Если он за это время не пошевелится, зовем маму.

— Пятнадцать минут? — с сомнением спросила она.

— Да, и ни минутой больше, — пообещал я.

— Ладно, — согласилась Энни.

И снова мы молча сидели и смотрели на Стива. Я думал о мадам Окте, и как все объяснить маме. И врачам. И полицейским! Разве они поверят, если я скажу, что мистер Джутинг — вампир? Вряд ли. Они решат, что я вру. И посадят в тюрьму. Скажут: раз паук твой, ты и виноват. Меня посадят за убийство!

Я поглядел на часы. Еще три минуты. Стив по-прежнему не шевелился.

— Энни, можно тебя кое о чем попросить?

Она подозрительно покосилась на меня.

— О чем?

— Не говори никому про мадам Окту.

— Ты что, с ума сошел? — воскликнула она. — А как же тогда объяснить, что случилось со Стивом?

— Не знаю, — признался я. — Скажу, что меня не было в комнате. Следы от укуса совсем крохотные. Можно подумать, что его пчела ужалила. Да и проходят они уже. Может, врачи их даже не заметят.

— Так нельзя, — заспорила Энни. — Вдруг им надо изучить паучиху... Вдруг...

— Энни, если Стив умрет, обвинят меня, — тихо сказал я. — Не могу тебе все объяснить. Кое-что я не должен говорить никому. Но, поверь мне, если случится самое страшное, мне придется отвечать. Знаешь, что делают с убийцами?

— Ты слишком маленький. Тебя нельзя обвинить в убийстве, — не очень уверенно возразила она.

— Можно. В настоящую тюрьму меня и правда посадить нельзя, но есть специальные колонии для детей. Меня отправят туда, а когда мне исполнится восемнадцать... Энни, ну пожалуйста! — Я заплакал. — Я не хочу в тюрьму!

Она тоже расплакалась. Мы обнялись и зарыдали, как трехлетние дети.

— Не хочу, чтобы тебя посадили, — всхлипывала она. — Хочу, чтобы ты жил с нами.

— Тогда не говори никому, ладно? Обещаешь? Иди к себе в комнату и притворись, будто ничего не видела и не слышала.

Она печально кивнула.

— Но если надо будет сказать правду, чтобы спасти Стива, я скажу, — предупредила она. — Если врачам надо будет знать, кто его укусил, чтобы спасти ему жизнь, я не буду врать. Договорились?

— Договорились, — согласился я.

Она пошла к двери, но посреди комнаты остановилась, вернулась назад и поцеловала меня в лоб.

— Даррен, я тебя люблю, — сказала она. — Но все равно только дурак мог притащить домой паучиху, и если Стив умрет, я буду считать, что виноват ты, — закончила она и с рыданиями выбежала из комнаты.

Я немного посидел рядом со Стивом, держа его за руку и умоляя очнуться. Но он по-прежнему даже не моргал. Наконец я понял, что ждать нечего, открыл окно (вроде как это с улицы что-то влетело и его укусило), глубоко вздохнул и бросился из комнаты, отчаянно вопя:

— Мама! Мама!

ГЛАВА 22

Санитары «скорой помощи» спросили маму, нет ли у Стива диабета, не страдает ли он от эпилепсии. Она сказала, что не знает, но вряд ли. Они спросили об аллергии и еще о чем-то, но мама объяснила им, что она не мать Стива и понятия не имеет, чем он болел.

Я думал, мы поедем с ним на «скорой», но санитары сказали: места на всех не хватит. Они записали имя матери Стива и их телефон, попытались дозвониться, но ее не оказалось дома. Медсестра попросила маму поехать за ними в больницу и заполнить все документы, насколько сможет. Мама согласилась, и мы все трое пошли к машине. Папа еще не вернулся с работы, но мама позвонила ему на сотовый и все объяснила. Он сказал, что приедет прямо в больницу.

Поездка оказалась нелегкой. Я сидел на заднем сиденье и старался не смотреть Энни в глаза. Я должен был сказать правду, но боялся. А хуже всего то, что я знал: если бы в коме лежал я, Стив бы сразу во всем признался.

— Что там стряслось? — спросила мама.

Она старалась ехать как можно быстрее, но не нарушая правил, и не могла повернуться и посмотреть на меня. Это было хорошо: я не смог бы врать ей в глаза.

— Не знаю, — сказал я. — Мы болтали, потом я захотел в туалет и вышел. А когда вернулся...

— Значит, ты ничего не видел?

— Нет, — соврал я, чувствуя, как у меня горят уши.

— Не понимаю; — пробормотала мама. — Он был такой неподвижный и кожа синяя. Я сначала подумала: он умер.

— Его, наверное, кто-то укусил, — встряла Энни.

Я чуть не толкнул ее локтем в бок, но в последнюю секунду решил, что она, наверное, помнит про обещание.

— Укусил? — удивилась мама.

— У него на шее были следы, — сказала Энни.

— Да, я их тоже заметила. Но, думаю, они тут ни при чем, крошка.

— Почему? Что, если змея или... паук пробрался и укусил его... —

Она поглядела на меня и слегка покраснела: вспомнила, что обещала не

говорить.

— Паук? — Мама покачала головой. — Что ты, детка, люди не впадают в кому от укуса паука, по крайней мере, в нашем климате.

— Тогда что же с ним случилось? — не унималась Энни.

— Не знаю. Может, он съел что-нибудь не то. А может, это сердечный приступ.

— У детей не бывает сердечных приступов.

— Бывает. Очень редко, но бывает. Ладно, врачи разберутся, что с ним стряслось. Они в этом больше понимают, чем мы с вами.

Я первый раз оказался в больнице, поэтому, пока мама заполняла документы, решил осмотреться. Тут все было белое: белые стены, белый пол, белые халаты у врачей. Нельзя сказать, чтоб тут было шумно, и в то же время отовсюду доносились какие-то звуки: скрип кроватей, кашель, гул каких-то аппаратов, стук ножей, тихие голоса докторов.

Мы почти не разговаривали. Мама сказала, что Стива уже осмотрели, но так сразу поставить диагноз врачи не могут. Им нужно время подумать.

— Кажется, они уверены, что все обойдется, — закончила мама.

Энни захотела пить, и мама отправила нас к автомату с напитками за углом. Пока я выискивал монетки, Энни огляделась, убедилась, что никого рядом нет, и поинтересовалась:

— Когда ты им наконец скажешь?

— Когда услышу их мнение. Пусть пока осмотрят его. Может, врачи сами догадаются, что это за яд и как вылечить Стива.

— А если не догадаются? — приставала Энни.

— Тогда скажу, — пообещал я.

— А что, если не успеешь и он уже умрет? — тихо спросила она.

— Не умрет.

— Но если...

— Не умрет! — отрезал я. — Не говори так! И даже не думай! Надо надеяться на лучшее. Мама с папой всегда говорят: больные быстрее выздоравливают, если верить, что они поправятся. Ради Стива не думай, что он умрет.

— Ради Стива надо было бы сказать правду, — проворчала она, но спорить не стала.

Мы взяли стаканчики и вернулись к маме. Пили молча.

Вскоре пришел папа. Он даже не успел переодеться. Папа поцеловал маму и Энни, потом по-мужски сжал мне плечо. Руки у него были грязные, и на моей футболке остались пятна, но сейчас меня это не волновало.

— Есть новости? — спросил он.

— Нет пока, — ответила мама, — Его осматривают. Может быть, пройдет несколько часов, прежде чем врачи поставят диагноз.

— Что с ним случилось, Анжела?

— Пока не знаем. Надо подождать.

— Терпеть не могу ждать, — возмутился папа, но выбора у него, так же как у нас, не было.

За следующие два часа ничего не случилось. Но тут появилась мама Стива. Лицо у нее было такое же белое, как у сына, губы сердито поджаты. Она сразу же набросилась на меня, схватила за плечи и давай трясти.

— Что ты с ним сделал? — визжала она. — Что ты сделал с моим сыном? Ты убил моего Стива?

— Эй, потише вы! — вмешался отец.

Но мама Стива не обратила на него внимания.

— Что ты с ним сделал? — снова закричала она и потрянула меня еще сильнее.

Я хотел сказать: «Ничего», но зубы у меня стучали, и я не смог произнести ни слова.

— Что ты с ним сделал? Что ты с ним сделал? — не унималась она. И вдруг перестала меня трясти, упала на пол и зарыдала, как ребенок.

Мама встала со скамейки и опустилась рядом с миссис Леонард. Она гладила ее по голове, шептала что-то, успокаивала, потом помогла ей подняться и усадила на скамейку. Миссис Леонард плакала. Теперь она принялась жаловаться, какая она плохая мать и как Стив ее ненавидит.

— Идите поиграйте где-нибудь, — велела мама нам с Энни. Мы послушно встали. — Даррен! — окликнула меня мама. — Не думай о том, что она тебе наговорила. Миссис Леонард тебя не винит. Просто она очень боится за сына.

Я печально кивнул. А что бы сказала мама, если бы знала, что миссис Леонард права и виноват я?

Мы с Энни отыскивали игровые автоматы. Я думал, что не смогу

играть после такого, но вскоре так погрузился в игру, что забыл и о Стиве, и о больнице. Приятно на некоторое время отвлечься от ужасов настоящего мира. Если бы не кончились монетки, я бы, наверное, проиграл всю ночь.

Мы вернулись к взрослым. Миссис Леонард уже успокоилась, и они с мамой заполняли документы. Мы с Энни уселись и снова стали ждать.

В десять часов Энни начала зевать, и я тоже почувствовал усталость. Мама только взглянула на нас и тут же велела отправляться домой. Я заспорил, но она меня оборвала:

— От вас тут все равно никакой пользы. Я вам позвоню, как только станет что-нибудь известно. Даже ночью. Договорились?

Я колебался. Это был мой последний шанс рассказать про паучиху. Честно говоря, я чуть не проговорился, но слишком устал и не мог подобрать слова.

— Ладно, — мрачно согласился я и вышел. Папа отвез нас домой. Что он сделает, если я расскажу ему про мадам Окту, мистера Джутинга и все остальное? Конечно, накажет меня. Но я не рассказал не из-за того, что испугался, а потому, что знал: ему станет стыдно за меня, ведь я соврал и в трудную минуту не захотел спасти друга, потому что боялся за себя. Я испугался, что отец возненавидит меня.

Энни заснула в машине. Папа на руках отнес ее в кровать. Я медленно прошел в свою комнату, стал раздеваться и все время тихо сам себя ругал.

Я уже убирал одежду в шкаф, когда заглянул отец.

— Ты как, нормально? — спросил он.

Я кивнул.

— Стив поправится, — продолжил он. — Обязательно поправится. Врачи знают свое дело. Они поставят его на ноги.

Я снова кивнул, боясь, что если открою рот, то во всем признаюсь. Папа еще секунду постоял в дверях, потом вздохнул и пошел в свой кабинет. На лестнице послышались его тяжелые шаги.

Я повесил брюки в шкаф и тут заметил клетку с мадам Октой. Осторожно ее достал. Паучиха лежала посреди клетки и мирно дышала. Спокойная, как будто ничего не случилось.

Я разглядывал ее разноцветную спинку, но теперь паучиха меня не радовала. Да, она яркая, но волосатая, безобразная и гадкая. Я

почувствовал, что ненавижу ее. Ведь именно она виновата в том, что произошло. Она укусила Стива, хотя он ей ничего не сделал. А я-то ее кормил, заботился о ней, играл. И вот как она меня отблагодарила!

— Ах ты, уродина! — прорычал я и потрянул клетку. — Неблагодарная скотина!

Я еще разок потрянул ее. Паучиха крепко обхватила лапами прутья. Тут я совсем озверел, стал раскачивать клетку взад-вперед. Пусть и ей тоже будет плохо!

Дальше я придумал крутить клетку по кругу. Я ругал паучиху, обзывал ее всеми плохими словами, какие знал. Я хотел, чтоб она сдохла. Я проклинал тот день, когда увидел ее. Я ругал себя за то, что у меня не хватает смелости достать ее из клетки и расплющить.

Наконец я уже так разозлился, что со всей силы швырнул клетку, не глядя куда. К моему ужасу, клетка, описав дугу, вылетела прямо в окно.

Я метнулся за ней. Мне стало страшно: вдруг клетка ударится о землю и разобьется. А если врачи сами не придумают, как вылечить Стива, то им нужна будет мадам Окта: они изучат ее и помогут Стиву. Но если она убежит...

Я бросился к окну, зная, что не успею поймать клетку, но надеясь, что смогу хотя бы проследить, куда она упадет. Я глядел, как она летит вниз, и молил Бога, чтоб она не разбилась. Казалось, клетка падает целую вечность.

И вдруг, когда до земли оставалось совсем чуть-чуть, из темноты появилась рука и схватила клетку.

Рука?

Я высунулся из окна. Было уже совсем темно, и сначала я не мог разглядеть, кто там внизу, но потом человек вышел из тени, и я его узнал.

Сначала я увидел морщинистую руку, поймавшую клетку. Затем длинный красный плащ. Коротко стриженные оранжевые волосы. Длинный безобразный шрам. И наконец, острые зубы.

Это был Мистер Джутинг. Вампир.

И он мне улыбался!

ГЛАВА 23

Я уже ждал, что он превратится в летучую мышь и подлетит к окну, но мистер Джутинг только потряс легонько клетку, видимо, хотел убедиться, что с мадам Октой все в порядке.

А потом, все так же улыбаясь, он развернулся и пошел прочь. Через несколько секунд он исчез в темноте.

Я закрыл окно и нырнул в постель. В голове у меня роились тучи вопросов. Давно он стоял под окном? Раз он знал, где мадам Окта, то почему не забрал ее сам? Мне казалось, он должен быть в ярости, а он улыбался. Почему он не откусил мне голову, как говорил Стив?

О сне не могло быть и речи. Теперь мне было страшнее, чем в ту ночь, когда я украл паучиху. Тогда я хоть мог утешать себя тем, что он не знает меня, а значит, не найдет.

Надо сказать папе. Ведь вампир нашел наш дом, и у него есть причина сердиться на нас. Папа должен об этом знать. Надо его предупредить, чтобы он успел подготовиться. Но...

Он мне не поверит. Особенно теперь, когда у меня нет мадам Окты. Я представил, как пытаюсь убедить его, что вампиры на самом деле существуют, а один из них только что стоял у нашего дома и в любой момент может вернуться. Папа решит, что я сошел с ума.

На рассвете, когда стало ясно, что вампир не вернется до заката, мне удалось немного поспать. Спал я плохо, но проснулся со свежей головой и соображать стал гораздо лучше. Теперь я понял: бояться нечего. Если бы вампир хотел меня убить, он мог бы это сделать вчера вечером, когда я его не ожидал. Но почему-то он не захотел меня убивать, по крайней мере сейчас.

Перестав волноваться из-за вампира, я вспомнил о Стиве и задумался над своим главным вопросом: сказать правду или нет? Мама провела ночь в больнице. Она присматривала за миссис Леонард, звонила друзьям и соседям, рассказывала про Стива. Будь она дома, я бы ей все рассказал, но признаться во вранье отцу было страшно.

Воскресенье началось печально. Папа пожарил на завтрак яичницу с колбасой. Она, как всегда, подгорела, но мы не жаловались. Я проглотил все, почти не жуя. И не потому, что я проголодался. Просто я

хотел показать, что это обычное воскресенье.

Как раз когда мы заканчивали завтрак, позвонила мама. Папа долго с ней разговаривал, вернее, говорила она, а он только кивал и что-то бурчал. Мы с Энни замерли, надеясь услышать, что говорит мама. Наконец папа повесил трубку и вернулся к столу.

— Как он? — спросил я.

— Плохо, — ответил папа. — Доктора не знают, как его лечить. Энни была права: это яд. Но какой-то неизвестный. Врачи послали запрос в другие больницы. Может быть, там кто-нибудь знает, что это за яд. Но... — Он покачал головой.

— Он умрет? — тихо спросила Энни.

— Может быть, — честно ответил отец.

Я был рад, что он так сказал. Слишком часто в самый важный момент взрослые врут детям. И мне кажется, про смерть надо говорить правду.

Энни заплакала. Папа усадил ее к себе на колени.

— Ну ты что? Что плачешь? — стал утешать он. — Все еще, может быть, будет хорошо. Он еще жив. Он дышит, и на мозг яд, кажется, не подействовал. Если врачам удастся найти противоядие, Стив выздоровеет.

— Сколько он еще продержится? — спросил я.

Папа пожал плечами.

— При помощи разных аппаратов медики могут поддерживать в нем жизнь очень долго.

— Как они делают с больными в коме?

— Да.

— А сколько он еще продержится без этих аппаратов?

— Врачи говорят, несколько дней. Трудно сказать наверняка, тем более что они не знают, с каким ядом имеют дело, но надеются, что еще дня два его дыхательная система и система кровообращения будут работать нормально.

— Что будет работать? — переспросила, всхлипывая, Энни.

— Его сердце и легкие, — пояснил папа. — Пока сердце и легкие работают, Стив не умрет. Ему поставили капельницу, но в целом все в порядке. Только когда... только если он не сможет сам дышать, положение станет по-настоящему тяжелым.

Дня два... Немного... Еще позавчера у Стива впереди была вся

жизнь. А теперь всего два дня.

— Можно его проведать? — спросил я.

— Конечно. Если захочешь, можно сегодня после обеда съездить.

— Захочу, — пообещал я.

На этот раз в больнице было гораздо больше народу. В жизни не видел столько шоколадных конфет и цветов одновременно. Казалось, каждый держал в руках либо цветы, либо конфеты. Я хотел купить что-нибудь для Стива в магазинчике прямо в больнице, но у меня не оказалось денег.

Я думал, что Стив будет лежать в палате с другими детьми, но его поместили отдельно, так как доктора хотели обследовать его, а еще потому, что они не знали, заразна его болезнь или нет. Прежде чем пустить нас к нему, нам велели надеть зеленые халаты, перчатки и маски.

Миссис Леонард спала, сидя на стуле. Мама приложила палец к губам, чтобы мы не шумели. Она по очереди обняла нас, а потом сказала папе:

— Из некоторых больниц вернули запрос, — за маской ее голос звучал приглушенно. — Они не знают такого яда.

— Но кто-то же должен знать, — заметил папа. — Этих ядов что, сто штук?

— Тысячи. Запрос направили в другие страны. Может, там что-то знают об этом яде. Но пока будет получен ответ, пройдет какое-то время.

Пока они разговаривали, я смотрел на Стива. Он мирно лежал в кровати. К руке была прикреплена капельница, а к груди — какие-то провода на присосках. На коже виднелись следы от уколов — это врачи брали кровь на анализ. Лицо Стива оставалось белым и неподвижным. Вид у него был ужасный!

Я не выдержал и заплакал. Мама крепко обняла меня, но мне от этого стало только хуже. Я порывался рассказать ей про паука, но

захлебывался слезами и ничего толком объяснить не мог. Мама успокаивала меня, целовала, говорила: «Тише, тише», — и я оставил попытки ей все объяснить.

Вскоре пришли родственники Стива. Мама решила, что нам лучше уйти, оставить их наедине с его матерью. Она вывела нас в коридор, помогла снять маски и вытерла мне слезы бумажной салфеткой.

— Вот, — сказала она. — Так-то лучше. — Она улыбнулась и принялась меня щекотать, пока я не рассмеялся. — Стив обязательно поправится, — пообещала она. — Конечно, выглядит он неважно, но доктора делают все возможное. Надо им доверять и надеяться на лучшее, понял?

— Понял, — со вздохом согласился я.

— А мне показалось, он довольно неплохо выглядит, — подбодрила меня Энни и сжала мою руку.

Я благодарно ей улыбнулся.

— Идешь домой? — спросил отец у мамы.

— Даже не знаю... Мне кажется, я должна остаться, вдруг что-нибудь...

— Анжела, ты уже сделала все, что могла, — решительно перебил ее папа. — И ночью совсем не спала, правда?

— Да, почти не удалось, — призналась мама.

— А если ты тут останешься, то и сегодня поспать не удастся. Пойдем лучше домой, Анжелочка. — Папа всегда называет маму Анжелочкой, когда хочет ее уговорить. — За Стивом и его мамой есть кому присмотреть. Ты не должна сидеть тут круглые сутки.

— Ладно, — согласилась мама. — Но вечером я еще заеду, посмотрю, вдруг что-нибудь понадобится.

— Договорились, — сказал папа, и мы все пошли к машине.

Мы провели в больнице совсем немного времени, но я не жаловался. Я был рад уйти отсюда.

По дороге домой я думал о Стиве, вспоминал, как он лежит в палате и почему он там лежит. Я подумал о яде, бегущем в его жилах, и решил, что врачи вряд ли найдут противоядие. Да я мог поспорить, что ни один доктор в мире не встречался раньше с таким ядом, как у мадам Окты.

Стив выглядел сегодня ужасно, но — я это знал — через пару дней ему станет еще хуже. Я представил, как он лежит с кислородной маской

на лице, а из его тела со всех сторон торчат разные трубки. Страшно было даже подумать о таком.

Есть только один способ спасти Стива. И только один человек знает об этом яде и, уж наверное, о противоядии для него.

Мистер Джутинг.

К тому времени как мы подъехали к дому, я пообещал себе, что найду его и заставлю помочь Стиву. Как только стемнеет, выберусь из дома, разыщу вампира, где бы он ни был. И если я не смогу вернуться с противоядием...

...Тогда я вообще не вернусь.

ГЛАВА 24

Выбраться из дома удалось только в одиннадцать. Я бы ушел раньше, но, пока мама была в больнице, к нам пришли папины друзья с детьми, которых я должен был развлекать.

Мама вернулась в десять, сильно уставшая. Быстро выпроводив гостей, папа попил с мамой чай на кухне, и они пошли спать. Я дождался, пока родители уснут, потом прокрался вниз и выскочил на улицу через черный ход.

Я несся сквозь ночь, как комета. Я мчался так быстро, что меня никто не заметил. В одном кармане у меня лежал крест (я нашел его в маминой шкатулке с драгоценностями), в другом — пузырек со святой водой, который много лет назад прислал папе кто-то из друзей по переписке. Кол мне найти не удалось. Вместо него я уже думал взять нож поострее, но решил, что только сам изрежусь. С ножами я не умею обращаться.

Окна в заброшенном кинотеатре не горели, из здания не доносилось ни звука. На этот раз я вошел через главный вход.

Я не придумал, что буду делать, если не смогу найти вампира, но каким-то образом чувствовал: я с ним встречу. Точно так же, как тогда, когда Стив посыпал нас бумажками, среди которых был запрятан заветный билет, а я закрыл глаза и вытянул руку. Я чувствовал: это судьба.

Вход в подвал я нашел не сразу. В фонарике, который я захватил из дома, кончались батарейки. Посветив несколько минут, он замигал и погас, а я остался в полной темноте. Пришлось пробираться на ощупь. Кое-как я отыскал лестницу и поспешил вниз, не давая себе времени испугаться.

Чем глубже я спускался, тем светлее становилось вокруг, потому что, как я увидел, когда спрыгнул с последней ступеньки, в подвале горели пять свечей. Я удивился: разве вампиры не боятся огня? Но был рад, что не придется разговаривать с ним в темноте.

Мистер Джутинг ждал меня в дальнем углу. Он сидел за низеньким столиком и раскладывал пасьянс.

— Доброе утро, мистер Шэн, — поприветствовал он, не поднимая

головы.

Я откашлялся, потом ответил:

— Сейчас не утро, а глухая ночь.

— Для меня это и есть утро, — пояснил он, подняв голову и ухмыльнувшись.

Зубы у него были длинные и острые. Так близко я его еще не видел и думал, что теперь то уж разгляжу все, что полагается иметь вампиру: и окрашенные кровью зубы, и длинные уши, и узкие глаза, — но он выглядел совсем как обычный человек, пусть даже и ужасно некрасивый.

— Вы меня ждали, да? — спросил я.

Он кивнул:

— Ждал.

— И давно знали, что мадам Окта у меня?

— Я нашел паучиху еще в ту ночь, когда ты ее украл.

— Почему же сразу не забрали?

Он пожал плечами:

— Я и собирался ее забрать, но потом подумал: «Не всякий мальчик отважится красть у вампира. За таким стоит понаблюдать».

— Зачем? — спросил я, еле сдерживая дрожь в коленках.

— И в самом деле, зачем? — шутливо переспросил он и щелкнул пальцами: карты сами собой подскочили, сложились и залезли в коробочку. Он передвинул ее на край стола, хрустнул костяшками пальцев. — Скажи-ка мне, Даррен Шэн, зачем ты пришел? Хочешь опять украсть у меня мадам Окту? Она тебе все еще нравится?

Я затряс головой.

— Видеть больше не хочу это чудовище! — воскликнул я.

Вампир засмеялся.

— Как она расстроится, бедняжка!

— Не смейте надо мной насмеяться! — грозно сказал я. — Мне это не нравится.

— Да ну? И что же ты мне сделаешь?

Я достал крест и пузырек со святой водой и поднял их высоко над головой.

— Сами увидите! — проревел я, ожидая, что он в ужасе отскочит в сторону.

Но этого не произошло. Вампир улыбнулся, еще раз щелкнул

пальцами и... крест с пузырьком оказались у него в руках.

Он внимательно осмотрел крест, хохотнул, смял его, как будто крест был из фольги, и скатал в маленький шарик. Затем откупорил пузырек и выпил святую воду.

— Знаешь, что мне больше всего нравится? — поинтересовался он. — Люди, которые смотрят или читают ужастики. Они верят во все, что там говорится, и вооружаются крестами и святой водой, вместо того, чтобы захватить с собой что-нибудь нормальное, чем действительно можно убить вампира, скажем, ружье или гранату.

— Так, значит, кресты вам не страшны? — удивленно пробормотал я.

— А что, мне положено их бояться?

— Ну да... вы же... воплощение зла.

— Я — воплощение зла?

— Ну да. Наверное. Вы же вампир, а вампиры — воплощение зла.

— Мальчик мой, нельзя же верить всему, что пишут в книжках. Да, наши вкусы необычны. Но даже если мы пьем кровь, это еще не значит, что мы зло. По-твоему, и летучие мыши, которые пьют кровь коров и лошадей, тоже воплощение зла?

— Нет, — ответил я. — Это совсем другое дело. Они же животные.

— Но люди — тоже животные. Если вампир убивает человека, это и в самом деле нехорошо. Но если он только чуть-чуть попьет крови, чтобы не умереть с голоду, что в этом плохого?

Я растерялся. Не знал, что делать, чему верить. Я, беспомощный и безоружный, оказался один на один с вампиром.

— Ладно, вижу, ты сегодня не настроен на философский лад, — заметил он. — Что ж, оставим умные беседы до лучших времен. И все-таки: зачем тебе паучиха, Даррен?

— Она укусила Стива Леонарда.

— Это мальчик, которого вы зовете Леопардом? — Он кивнул. — Печально, печально. Но, согласись, если мальчики решили поиграть с чем-то опасным, они не вправе жаловаться.

— Вы должны его вылечить! — закричал я.

— Я? — притворно удивился он, — Я что, доктор? Я ничего не понимаю в медицине. Что ты хочешь от простого циркача? От уroda? Забыл, что ли, кто я?

— Нет, вы не просто циркач. Я знаю, что в ваших силах его спасти.

Знаю!

— Может быть. Укус мадам Окты смертельно опасен, но для каждого яда есть противоядие. Может быть, оно у меня есть. Может быть, у меня есть бутылочка с сывороткой, которая поможет твоему другу.

— Ура! — радостно завопил я. — Так я и знал! Так и знал! Так и...

— Но может быть, — продолжал мистер Джутинг, поднимая вверх костлявый палец, — это очень маленькая бутылочка. Предположим, там очень мало сыворотки, а ее нелегко достать. Может быть, мне самому нужно это противоядие, на случай, если мадам Окта укусит меня. И я не хочу тратить его на маленького негодяя.

— Но мне оно нужнее, — стал уговаривать я. — Я должен спасти Стива. Иначе он умрет. Неужели вы допустите, чтобы Стив умер?

— А почему нет? — рассмеялся мистер Джутинг. — Что мне твой Леопард? Ты же сам слышал, как он говорил, что станет охотником за вампирами, когда вырастет!

— Это он так просто сказал! — выпалил я. — Потому что рассердился.

— Может быть, — произнес мистер Джутинг, задумчиво поглаживая свой шрам — Но все равно: с какой стати я должен спасать Стива Леопарда? Сыворотка стоит немалых денег, и достать ее не так-то просто.

— Я заплачу! — закричал я. И тут же увидел, что именно этого он и ждал: как только я произнес эти слова, вампир прищурился и подался вперед, широко улыбаясь. Так вот почему он не забрал мадам Окту в ту же ночь. Вот почему не уехал!

— Заплатишь? — переспросил он с хитрой ухмылкой. — Откуда, интересно, у маленького мальчика столько денег?

— Я буду платить понемногу, — пообещал я. — Каждую неделю пятьдесят лет подряд... или сколько понадобится. А когда вырасту, у меня будет работа, я буду отдавать вам все свои деньги. Честное слово!

Но он покачал головой.

— Нет, — мягко сказал он. — Мне не нужны твои деньги.

— Что же тогда вам нужно? — грустно спросил я. — Вы, конечно, уже придумали, чем я должен заплатить за лекарство. Поэтому и ждали меня, так?

— Ты умный мальчик. Я это сразу распознал, еще когда проснулся

и увидел, что паучиха исчезла, а вместо нее лежит записка. Я тогда сказал себе: «Лартен, вот он, подлинно талантливый ребенок. Настоящая находка! Этот малыш далеко пойдет».

— Нечего ко мне подлизываться. Лучше скажите, что вам надо? — не выдержал я.

Он противно захихикал, а потом вдруг мгновенно помрачнел.

— Ты, конечно, помнишь, о чем я говорил со Стивом Леопардом?

— Конечно! Он хотел стать вампиром, а вы сказали, что он еще маленький. Тогда он предложил, чтобы вы взяли его себе в помощники. Вы согласились, но потом обнаружили, что он — плохой, и отказались.

— В общих чертах верно, — согласился мистер Джутинг. — Только, если помнишь, я не очень-то хотел обзавестись помощником. Помощник — дело хорошее, но о нем приходится заботиться.

— К чему вы клоните?

— Я еще раз все обдумал и решил, что помощник может мне пригодиться, особенно сейчас, когда я оставил цирк уродов и мне придется жить одному. В такой ситуации помощник — как раз то, что знахарь прописал.

Он улыбнулся своей глупой шутке.

Я нахмурился.

— Хотите сказать, что теперь вы разрешите Стиву стать вашим помощником?

— Боже мой! Ни за что! — воскликнул он. — Мне не нужен такой монстр! Невозможно описать, что он наделает, когда вырастет. Нет, Даррен Шэн, мне не нужен такой помощник, как Стив Леопард.

Его длинный тощий палец указывал на меня. Он еще ничего не сказал, но я уже все понял.

— Вам нужен я! — воскликнул я прежде, чем он успел открыть рот.

Вампир коварно улыбнулся, и стало ясно, что я угадал.

ГЛАВА 25

— Вы с ума сошли! — вскричал я и стал пятиться назад. — Ни за что не буду вашим помощником! Неужели вы думали, я соглашусь?

Мистер Джутинг пожал плечами:

— В таком случае Стив Леопард умрет.

Я остановился.

— Ну пожалуйста! — взмолился я. — Неужели нельзя как-нибудь по-другому?

— Больше никакие варианты не обсуждаются. Хочешь спасти своего друга — становись моим помощником. Если откажешься, нам больше не о чем говорить.

— Но что, если я...

— Хватит болтать! — рявкнул он и ударил кулаком по столу. — Я две недели проторчал в этой дыре с блохами, вшами и тараканами. Не согласен на мое предложение, так и скажи, и я наконец уеду отсюда. Нечего тратить время и пытаться придумать другие варианты. Их все равно нет.

Я медленно кивнул и шагнул к нему.

— Расскажите хотя бы, что делают помощники вампиров.

Он улыбнулся:

— Ты будешь сопровождать меня в моих странствиях, мы с тобой объедем весь мир. Днем, когда я не могу выходить на улицу, ты будешь выполнять мои поручения. Ночью — охранять мой сон. Будешь находить мне еду, если я сам не смогу ее раздобыть. Относить мои вещи в прачечную. Чистить ботинки. Присматривать за мадам Октой. Короче говоря, станешь заботиться обо мне. А я за это научу тебя кое-чему, что умеют вампиры.

— И я должен стать вампиром?

— Не сразу, — ответил он. — Для начала хватит с тебя только некоторых черт вампира. Я сделаю тебя полувампиром. Ты не будешь бояться дневного света. Чтобы жить, тебе не понадобится столько крови, сколько нужно настоящему вампиру. У тебя появятся некоторые способности вампиров, но не все. Время для тебя будет течь в пропорции один к пяти, а не один к десяти, как для обычных вампиров.

— Это как? — не понял я.

— Вампиры не бессмертны, — пояснил он, — но живут гораздо дольше, чем люди. Для нас время течет в десять раз медленнее. То есть за десять лет мы становимся старше только на один год. Для полувампира год проходит за пять лет.

— Вы хотите сказать, что пройдет пять лет, а я стану только на год старше? — удивился я.

— Точно.

— Ну не знаю, — засомневался я. — Как-то это все странно.

— Сам думай. Я не могу насильно сделать тебя своим помощником. Не хочешь, можешь уйти.

— Но ведь тогда Стив умрет! — воскликнул я.

— Да, — сказал он. — Либо ты соглашаешься, и он выздоравливает, либо отказываешься, и твой друг умрет.

— Тоже мне выбор, — проворчал я.

— Да, выбор трудный, — признал он. — Но других вариантов нет. Ну что, согласен?

Я еще раз обо всем подумал. Хотелось отказаться и убежать. Но тогда Стив умрет. Стоит ли он такой жертвы? Неужели я чувствую себя настолько виноватым, что готов отдать за него свою жизнь? И я решил: да.

— Ладно, — со вздохом сказал я. — Мне все это не нравится, но вы не оставили мне выбора. Только сразу предупреждаю: если подвернется случай вас предать, я так и сделаю. И если появится возможность отомстить вам, я ее не упущу. Вы не сможете мне доверять.

— Договорились.

— Я серьезно, — пригрозил я.

— Знаю, что серьезно. Поэтому и выбрал тебя. Помощник вампира должен быть сильным. Ты мне понравился именно потому, что не сдаешься. Сам знаю, что ты можешь мне навредить, но, с другой стороны, в серьезном деле такой союзник, как ты, просто незаменим.

Я глубоко вздохнул:

— Тогда делайте из меня полувампира.

Мистер Джутинг встал, отпихнув в сторону столик, и подошел ко мне. Теперь нас отделяло не больше полуметра. Он казался высоким, как башня. И от него чем-то воняло, чего я раньше не замечал. Я понял: это запах крови!

Вампир поднял правую руку. Я увидел, что ногти у него недлинные, но явно острые. Затем он вонзил их в подушечки пальцев левой руки. А потом точно так же пронзил пальцы на правой руке. При этом вампир морщился.

— Протяни руки! — проревел он, но я не послушался: не отрываясь глядел, как кровь сочится из его пальцев. — Руки давай! — заорал он и сам схватил мои ладони.

Он пронзил ногтями мягкую кожу у меня на подушечках пальцев — на всех десяти разом. Было ужасно больно. Я закричал, повалился назад, прижал руки к груди и принялся вытирать их о куртку.

— Что ревешь, как маленький? — ядовито спросил вампир, отпуская меня.

— Мне больно! — завыл я.

— Конечно! — рассмеялся он. — Мне тоже больно. А ты что, думал, легко стать вампиром? Пора привыкать к боли. Тебе еще многое придется пережить.

Затем он схватил два моих пальца и принялся сосать из ранок кровь. Отпив немного, он подержал ее во рту, чтобы лучше распробовать. Наконец кивнул и проглотил.

— Хорошая кровь, — одобрил он. — Можно продолжать.

Вампир прижал свои пальцы к моим — ранка к ранке. Сначала кончики пальцев у меня как будто онемели. А потом мной овладело какое-то странное чувство, и я понял: через порезы на левой руке моя кровь переливается в вампира, а через порезы на правой его кровь вливается в меня.

Это было неприятно и удивительно. Я чувствовал, как его кровь поднимается по моей правой руке, разливается по телу. Когда она достигла сердца, меня пронзила острая боль. Я чуть не потерял сознание. То же самое происходило и с мистером Джутигом. Он сжал зубы, покрылся испариной.

Потом кровь мистера Джутига добралась до моей левой руки и сбежала по ней обратно в его тело. Еще несколько секунд, и он с криком оторвал свои пальцы от моих. Я повалился на пол. Голова кружилась, к горлу подступала тошнота.

— Протяни руку! — снова велел мне мистер Джутинг. Я поглядел на него: он облизывал пальцы. — Моя слюна заживит ранки. Иначе умрешь от потери крови.

Я перевел взгляд на свой кровоточащие пальцы и протянул руки вампиру. Шершавым языком он зализал раны на моих пальцах.

Кровь больше не текла, а ее следы я вытер о куртку. Потом внимательно рассмотрел свои руки. На каждом пальце остался крошечный шрам.

— По таким отметинам и можно узнать вампира, — сообщил мистер Джутинг. — Есть и другие способы превратить человека в вампира, но это самый простой и безболезненный.

— Значит, все? — спросил я. — Я теперь полувампир?

— Да.

— Но я не чувствую ничего особенного.

— Через несколько дней почувствуешь, — пообещал он. — Организму нужно привыкнуть. Если бы превращение происходило быстро, ты бы умер от шока.

— А как становятся настоящими вампирами?

— Точно так же, только пальцы при этом держат сомкнутыми гораздо дольше. Тогда в тело человека попадет больше крови вампира.

— А о каких новых способностях вы говорили? Я смогу превращаться в летучую мышь?

Стены затряслись от его хохота.

— В летучую мышь! — взвизгнул он. — Ты все еще веришь в дурацкие байки о вампирах? Как ты себе представляешь, чтобы такой крупный человек, как я, превратился в крошечную летучую мышь? Включи мозги, малыш! Вампир не может обернуться ни летучей мышью, ни крысой, ни туманом, точно так же, как не может, стать и кораблем, самолетом или мартышкой!.

— Тогда что же они могут? — не отставал я.

Он потер подбородок.

— Долго объяснять. Да и некогда сейчас. Надо позаботиться о твоём друге. Если мы не дадим ему противоядие до утра, сыворотка не подействует. К тому же у нас еще будет масса времени, чтобы все обсудить, — сказал он и с широкой улыбкой добавил: — Можно сказать, у нас впереди тысяча лет.

ГЛАВА 26

Мистер Джутинг поднялся по лестнице и вышел на улицу. В темноте он двигался уверенно. Мне показалось, что и я стал лучше видеть, хотя, может быть, это потому, что глаза привыкли к полумраку, а не потому, что в моих жилах теперь текла кровь вампира.

На улице он велел мне забраться ему на спину.

— Обхвати меня руками за шею, — сказал он. — Держись крепче и не делай резких движений.

Когда я вскарабкивался на него, то заметил, что он в тапочках. «Странно», — подумал я, но решил не спрашивать.

Как только я обхватил вампира за шею, он побежал. Сначала я не заметил ничего особенного, но внезапно понял: дома проносятся мимо с бешеной скоростью, хотя мистер Джутинг не так уж быстро перебирает ногами. Казалось, что это не мы двигаемся, а мир проносится мимо нас.

До больницы мы добрались всего за несколько минут. А ведь туда, даже если бежать очень быстро, минут двадцать ходу.

— Как это вы так быстро? — спросил я, сползая с его спины.

— Скорость относительна, — ответил мистер Джутинг, заворачиваясь в красный плащ и отступая в тень, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза. Больше он ничего объяснять не стал. — В какой палате твой друг?

Я назвал номер палаты. Он поднял голову, отсчитал нужное окно, кивнул и велел снова залезть ему на спину. Как только я устроился, мистер Джутинг бросился к стене, снял тапочки и уперся ногами и руками в стену. А потом воткнул в нее ногти — прямо в кирпич!

— Гм... Крошится, но ничего, выдержит, — пробормотал он. — Не пугайся, если сорвемся. Я умею приземляться на ноги. Не с такой высоты надо падать вампиру, чтобы разбиться.

Мистер Джутинг полез по стене, вонзая в нее ногти и поочередно переставляя то руку, то ногу: правую — левую, правую — левую. Но двигался он быстро и в считанные секунды мы оказались возле окна Стива. Вампир зацепился за карниз и заглянул в палату.

Не знаю, который был час, но стояла глубокая ночь. Стив лежал в палате один. Мистер Джутинг толкнул раму — закрыто. Тогда он

приложил ладонь к стеклу рядом с задвижкой, щелкнул пальцами, и...

Задвижка открылась! Он толкнул раму и забрался в палату. Я слез с его спины. Первым делом мистер Джутинг проверил, заперта ли дверь, а я сразу бросился к Стиву. Дышал он неровно — не так спокойно, как раньше, — а еще к нему подсоединили множество трубок, идущих от какого-то страшного на вид аппарата.

— Яд сильно на него подействовал, — заметил мистер Джутинг, глядя на Стива поверх моей головы. — Может быть, мы пришли слишком поздно.

От этих слов я весь похолодел.

Мистер Джутинг склонился к Стиву и поднял ему веко. Несколько долгих секунд он всматривался и отсчитывал пульс. И наконец произнес:

— Нет, вовремя.

Я страшно обрадовался.

— Но хорошо, что ты поспешил меня найти. Еще несколько часов, и твой друг бы умер, — сказал вампир.

— Хватит разговаривать, лечите его скорее! — оборвал его я. Мне не хотелось слушать о том, как близко к смерти был мой лучший друг.

Мистер Джутинг достал из одного из своих многочисленных карманов маленький стеклянный флакончик, включил лампу возле кровати, поднял скляночку и принялся разглядывать ее на свет.

— С этим противоядием надо поосторожнее, — сообщил он. — Оно не менее опасно, чем сам яд. Лишняя капля — и... — Мистер Джутинг не закончил, но я и сам все понял.

Он повернул голову Стива и попросил меня ее придержать. Затем ногтем сделал порез на шее Стива. Показалась кровь. Вампир прижал ранку пальцем, а другой рукой откупорил бутылочку. Потом поднес ее к губам. Я подумал, что он хочет выпить противоядие.

— Что вы делаете?

— Собираюсь вводить ему сыворотку, — объяснил он. — Врачи могли бы сделать ему укол, но я ничего не понимаю во всяких, шприцах, так что буду вливать изо рта.,

— А это не опасно? — забеспокоился я. — Что, если попадут микробы?

Мистер Джутинг засмеялся:

— Хочешь позвать врачей, зови, Не хочешь — придется довериться

тому, кто проделывал это еще до рождения твоего дедушки.

Он хлебнул сыворотки, побулькал ею во рту, наклонился к Стиву и приложил губы к ранке на шее. Его надутые щеки постепенно опадали — он вдвухвал противоядие.

Мистер Джутиг сел, вытер губы, а остатки жидкости сплюнул на пол.

— Вечно опасаясь случайно наглотаться этой дряни, — пояснил он. — Все собираюсь пойти на курсы, чтобы научиться впрыскивать противоядие попроще.

Я уже собирался ответить, но тут Стив пошевелился. Выгнул шею, потом мотнул головой; плечи у него затряслись. Задергались руки, ноги. Лицо исказилось, и он застонал.

— Что с ним? — Я испугался, что сыворотка подействовала как-то не так.

— Все нормально, — заверил мистер Джутиг, убирая флакончик в карман. — Он был на грани смерти. И путешествие назад, в мир живых, не из легких. Некоторое время придется помучиться, но жить будет.

— А как насчет побочных эффектов? Ну, его не парализует до пояса?

— Нет. Все с ним будет нормально. Может, станет не таким ловким, будет чаще простужаться, но в целом останется таким же, как раньше.

Вдруг Стив открыл глаза и посмотрел прямо на нас с мистером Джутигом. На его лице отразилось удивление, он силился что-то сказать, но не смог. А потом взгляд расфокусировался, веки опустились.

— Стив! — позвал я и принялся его трясти. — Стив!

— Не пугайся. Сегодня он всю ночь будет то терять сознание, то приходить в себя. Но к утру очухается, а в обед уже попросит есть. Идем. Нам пора.

— Давайте побудем тут еще. Хочу убедиться, что он выздоравливает.

— А! Хочешь убедиться, что я тебя не обдурил, — рассмеялся мистер Джутиг. — Заглянем к нему завтра, сам увидишь. А сейчас надо идти. Нельзя терять ни...

Неожиданно дверь распахнулась и вошла медсестра.

— Что здесь происходит? — вскричала она, удивленно глядя на нас. — Кто вы такие?

Но мистер Джутинг не растерялся. Он быстро стащил со Стива одеяло и швырнул его в медсестру. Она упала и принялась барахтаться в одеяле.

— Бегом! — прошипел мистер Джутинг и бросился к окну. — Надо уходить. Немедленно!

Я поглядел на его протянутую руку, на Стива, на медсестру, на открытую дверь.

Мистер Джутинг опустил руку.

— Понятно, — тихо сказал он. — Ты решил нарушить обещание.

Я замешкался, открыл рот, собираясь что-то возразить, потом, уже ни о чем не думая, метнулся к двери.

Я думал, вампир остановит меня, но он не шевельнулся, только закричал мне вслед:

— Вот и отлично. Беги, Даррен Шэн! Беги, если хочешь. Только ты теперь — существо ночи. Ты один из нас! И ты еще вернешься. Приползешь на коленях, умоляя о помощи. Давай, беги! Идиот!

И он расхохотался.

Его смех преследовал меня, пока я летел по коридорам, мчался по лестницам и даже когда выбежал на улицу. На бегу я все оборачивался, ожидая, что он схватит меня, но его не было видно. За всю дорогу домой я не заметил ничего, что говорило бы о присутствии мистера Джутинга: ни запаха, ни звука.

Он исчез. Только у меня в голове все рокотал его смех, как раскатистое колдовское проклятие.

ГЛАВА 27

В то утро — это был понедельник — мама, положив телефонную трубку, сообщила мне, что Стив выздоровел, и я изобразил удивление. Она так радовалась, что протанцевала со мной и Энни по кухне.

— Сам выкарабкался? — спросил отец.

— Да! Врачи недоумевают, как это могло произойти, но, конечно, все в восторге.

— Невероятно, — пробормотал папа.

— Случилось чудо! — восхитилась Энни.

Я отвернулся, чтобы спрятать улыбку. Тоже мне чудо!

Мама ушла проведать миссис Леонард, а я отправился в школу. Я немного опасался, что от солнечного света покроюсь ожогами, но, конечно, ничего такого не случилось. Как и говорил мистер Джутинг, свет мне не страшен.

Временами казалось, что все это мне приснилось. Слишком невероятно! Однако в глубине души я знал: ничего мне не приснилось. Но так хотелось верить, что все это лишь сон! Иногда даже удавалось себя убедить.

Больше всего меня бесила мысль о том, что придется так долго взрослеть. Как я объясню это маме, папе и всем остальным? Вот уж подурачки я стану смотреться в школе года через два, когда все в классе будут выглядеть старше меня.

Во вторник я пошел навестить Стива. Он смотрел телевизор и ел шоколадные конфеты. Стив страшно обрадовался, что я пришел, принялся рассказывать мне о больнице, о еде, играх, которые ему принесли медсестры, и подарках (их ему надали целую кучу).

— Почаще бы меня кусали ядовитые пауки, — пошутил он.

— Лучше не надо, — заметил я. — В следующий раз можешь ведь и не выздороветь.

Он внимательно на меня посмотрел. — Кстати, врачи не понимают, как это я вылечился. Не знают, ни из-за чего я отключился, ни почему пришел в себя.

— Ты не говорил им про мадам Окту? — встревожился я.

— Нет. Зачем? У тебя бы начались неприятности.

— Спасибо.

— А где она? Что ты с ней сделал, когда она меня укусила?

— Убил, — соврал я. — Я так озверел, что тут же растоптал ее.

— Да ну?

— Правда.

Не отрывая от меня глаз, он медленно кивнул.

— Когда я первый раз пришел в себя, — сказал он, — мне показалось, что тут был ты. Наверное, мне привиделось — стояла глубокая ночь. Но привиделось очень ясно. Мне даже показалось, что рядом с тобой я видел кого-то высокого, безобразного, с оранжевыми волосами, со шрамом на левой щеке и в красном плаще.

Что я мог сказать? Глядя в пол и сжав кулаки, я молчал.

— И странное дело, — продолжал Стив, — медсестра, которая первой заметила, что мне стало лучше, тоже видела в моей палате двоих: взрослого и мальчика, как она говорит. Врачи решили, что, во-первых, ей померещилось, а во-вторых, все равно ничего не случилось. Странно, правда?

— Очень странно, — согласился я, не решаясь посмотреть ему в глаза.

В следующие дни я начал замечать в себе перемены. По вечерам, ложась в постель, я долго не мог уснуть, а ночью по несколько раз просыпался. Я стал лучше слышать: мог разобрать, что говорят люди далеко от меня. В школе мне было слышно, как проходит урок за два класса от нас, и так ясно, будто между кабинетами вообще нет стен.

Я стал выносливее. Всю большую перемену я мог носиться по двору и даже не вспотеть. За мной никто не мог угнаться. Я лучше чувствовал свое тело. В футболе мне удавалось абсолютно все. Я ловко проводил мяч и в четверг забил шестнадцать голов.

А еще у меня прибавилось силы. Отжиматься и подтягиваться я теперь мог до бесконечности. Не то чтобы у меня окрепли мышцы — по крайней мере, я не стал похож на качка — но я так и чувствовал, как во мне гуляет силища, какой никогда прежде не было. Толком ее проверить пока не удавалось, но я подозревал, что стал страшно сильным.

Я старался скрыть свои новые способности, хоть это было нелегко. Что касается бега и футбола, я сказал, что много тренировался, но, к сожалению, не все можно было так просто объяснить.

Например, как в четверг, когда прозвенел звонок с большой перемены. Вратарь, которому я забил уже шестнадцать голов, послал мяч. Он летел прямо ко мне, я вытянул правую руку, чтобы схватить мяч. И правда схватил, но проколол его ногтями!

Дома в тот же вечер во время ужина я отвлекся; слушал, о чем скандалят соседи. Мама приготовила картошку с сосисками, я ел и ел, а потом почувствовал, что еда какая-то жесткая. Глянул — оказалось, я откусил и сжевал зубчики от вилки! К счастью, никто ничего не заметил, а искусанную вилку мне удалось выкинуть в мусорное ведро, когда я мыл посуду.

В четверг вечером позвонил Стив. Его выписали из больницы и велели отдохнуть денька два. А значит, в школу он должен был прийти только после выходных. Но Стив сказал, что уже озверел от скуки, и уговорил маму отпустить его в школу завтра же.

— Ты сам попросился в школу? — удивился я.

— Забавно, правда? — рассмеялся он. — Обычно я ищу предлога, чтобы остаться дома. А теперь, когда можно не ходить, меня тянет в школу! Ты не представляешь, как скучно сидеть в четырех стенах! Пару дней — это классно, но целую неделю... Брр!

Меня так и подмывало рассказать Стиву правду о себе, но я не знал, как он отреагирует. Ведь это он хотел стать вампиром. Вряд ли ему понравится, что мистер Джутинг выбрал меня, а не его.

И Энни тоже хотелось рассказать. С тех пор как Стив выздоровел, она ни разу не упомянула мадам Окту, но я часто ловил на себе ее взгляд. Конечно, в чужую голову не залезешь, но мне казалось, она думает примерно так: «Стив поправился, но не с твоей помощью. У тебя была возможность спасти друга, но ты струсил. Ты соврал, хотя отлично знал, что твое вранье может стоить ему жизни. Тебе важнее было самому выйти сухим из воды. А окажись я на его месте, ты поступил бы так же?»

В пятницу Стив был в центре внимания. Одноклассники обступили его, требуя рассказать, что с ним приключилось. Кто его укусил? Почему он так быстро вылезся? Каково это — лежать в больнице? А операцию делали? Швы остались?

— Не знаю, кто меня укусил, — уклончиво отвечал Стив. — Я был в гостях у Даррена. Сидел у окна, вдруг услышал какой-то шум. Не успел оглянуться, как меня кто-то укусил и я выключился.

Он все рассказал так, как мы с ним договорились, когда я навещал его в больнице.

В ту пятницу я себя чувствовал не в своей тарелке. Во время уроков, глядя на класс, я думал о том, что мне тут нечего делать. Зачем все это? «Мне тут не место, — твердил я себе. — Я не такой, как другие дети. Мне положено выполнять обязанности помощника вампира. Что толку от английского, истории и географии? Я должен теперь учиться совсем другому».

Алан с Томми рассказали Стиву, как я играю в футбол.

— Он всю неделю носится быстрее ветра, — сказал Алан.

— Играет как Пеле, — добавил Томми.

— Правда? — переспросил Стив, как-то странно глядя на меня. — Что это с тобой случилось, Даррен?

— Ничего со мной не случилось, — соврал я. — Просто везло в последнее время.

— Да хватит скромничать! — рассмеялся Томми. — Мистер Далтон даже сказал, что выдвинет его в команду юниоров. Только представьте — наш человек в такой команде! Да за всю историю футбола, наверное, не было ни одного мальчика, который бы в нашем возрасте выступал в команде юниоров!

— Не было, — задумчиво проговорил Стив.

— Да ладно вам, никуда он меня не выдвинет. Болтовня одна.

— Может быть, — пробормотал Стив. — Может, и болтовня.

В тот день я нарочно играл плохо. Стив явно что-то заподозрил. Мне показалось, хоть он и не догадывается, что именно со мной произошло, но уже заподозрил неладное. Я бегал медленно и упускал такие возможности, каких не упустил бы даже тогда, когда еще не был полувампиром.

Хитрость удалась. К концу игры Стив перестал следить за каждым моим движением и снова начал общаться со мной, как раньше. Однако потом случилось такое, из-за чего все мои усилия пропали даром.

Мы с Аланом одновременно бросились к мячу. Вообще-то мяч должен был достаться мне — я стоял ближе. Но Алан младше нас и часто делает глупости. Я хотел было ему уступить, но мне надоело прикидываться. Большая перемена подходила к концу, и я хотел забить хотя бы один гол. И я решил: к черту Алана Морриса! Это мой мяч, и если он полезет мне под ноги — сам виноват!

Чуть не добежав до мяча, мы столкнулись. Алан вскрикнул и отлетел в сторону. Я засмеялся, остановил мяч ногой и собрался забить гол.

И тут я увидел кровь.

Алан упал неудачно и разбил коленку. Рана получилась здоровая, кровь так и лилась. Он заплакал, завертелся, пытаясь найти какую-нибудь тряпочку, чтобы перевязать колено.

Кто-то выбил у меня мяч и умчался с ним. Но мне было все равно. Я глядел на Алана. Точнее, на его коленку. А еще точнее, на его кровь.

Я сделал шаг, другой. И вот я уже стоял рядом с Аланом. Моя тень упала на него, он поднял голову и, должно быть, увидел в моем лице что-то необычное, потому что вдруг перестал плакать. В глазах появился испуг.

Я сел на корточки, помимо своей воли припав губами к его коленке, принялся жадно высасывать кровь!

Это продолжалось всего несколько секунд. Я закрыл глаза, кровь наполняла рот. Вкус был приятный. Не знаю, сколько бы я выпил и что стало бы с Аланом, но, к счастью, мне не довелось этого узнать.

Почувствовав, что вокруг меня собрался народ, я открыл глаза. Игра остановилась, все с ужасом пялились на меня. Я оторвался от коленки Алана и оглядел своих друзей, думая, как же теперь выкручиваться.

И тут мне в голову пришла отличная мысль. Я подскочил, раскинул руки и завопил:

— Я повелитель вампиров! Я король живых мертвецов! У всех выпью кровь!

Сначала все остолбенели, потом рассмеялись. Ребята подумали, что это шутка. Решили, что я только притворяюсь вампиром.

— Ну ты придурок, Шэн! — бросил кто-то.

— Безобразие! — взвизгнула одна из девочек, когда увидела, что по моему подбородку стекает кровь. — Тебе надо в психушку!

Прозвенел звонок, и мы вернулись в класс. Я был доволен собой. Как ловко всех обдурил! Но тут краем глаза я заметил Стива, и моя радость мигом улетучилась. По мрачному виду друга я догадался: он знает, что произошло. Моя уловка его не обманула.

Он все знает.

ГЛАВА 28

В тот вечер я решил не попадаться на глаза Стиву и сразу после школы побежал домой. Я был в замешательстве. Почему я набросился на Алана? Я ведь не хотел ничьей крови. Не искал жертву. Почему же в таком случае кинулся на него, как дикий зверь? И что, если такое повторится? Вдруг рядом никого не окажется, и я стану пить и пить, пока не...

Нет! Это уже бред! Просто я был не готов. Не ожидал, что при виде крови со мной начнет твориться такое. Но на ошибках учатся, и в следующий раз я сдержу свой порыв.

Вкус крови все еще преследовал меня, поэтому, как только я добрался до дома, тут же побежал в ванную, старательно прополоскал рот, а потом почистил зубы.

Затем принялся разглядывать себя в зеркале. Лицо такое же, как всегда. Зубы не стали ни длиннее, ни острее. Глаза и уши не изменились. Да и в теле, похоже, не произошло перемен. Я не вырос, мускулы мои не стали крепче, на руках и ногах не появилось волос. Разве что ногти стали тверже и темнее.

Тогда почему же я себя так странно веду?

Я провел ногтем по зеркалу — осталась длинная глубокая царапина.

«С такими ногтищами надо поосторожнее», — решил я.

Если не считать моего нападения на Алана, в остальном все пока было нормально. И вообще, хорошенько подумав, я пришел к выводу, что все не так уж и страшно. Конечно, я стану медленнее расти и должен буду опасаться вида крови. Это неприятно.

Однако, с другой стороны, в моем положении есть и свои плюсы. Я сильнее и крепче своих ровесников, более ловкий. В будущем можно стать гимнастом, боксером или футболистом. То, что я так медленно расту, будет мне мешать, но кому какая разница, сколько человеку лет, если он необычайно способный спортсмен.

Только представьте: футболист-вампир! Я стану миллионером. Меня будут приглашать на ток-шоу. Обо мне станут писать книги, о моей жизни снимут фильм, а может быть, какая-нибудь известная

группа пригласит меня даже спеть вместе с ними. А еще можно работать в кино каскадером. Или...

Мои мечты прервал стук в дверь.

— Кто там? — спросил я.

— Энни. Ты там надолго? Я уже три часа жду, когда ты освободишь ванную.

— Заходи. Я уже умылся.

Вошла Энни, завернутая в полотенце.

— Любуешься собой в зеркале?

— Конечно. — Я широко улыбнулся. — Почему бы и нет?

Она захихикала:

— Я бы с таким лицом, как у тебя, к зеркалам близко не подходила!

Энни открыла воду, попробовала — не горячая ли, потом уселась на край ванны и внимательно посмотрела на меня.

— Ты здорово изменился, — сказала она.

— Ничего подобного, — быстро ответил я, потом посмотрелся в зеркало и спросил: — Правда, что ли?

— Да. Не могу объяснить, но какой-то ты не такой... Нет, не знаю... — Она покачала головой. — Но ты точно...

Энни не договорила, потому что ванна наполнилась доверху и она повернулась закрыть воду. Тут мой взгляд упал на ее шею, во рту неожиданно пересохло.

— Так вот: ты точно... — начала она, оборачиваясь, и снова остановилась, встретившись со мной взглядом. — Даррен! — с тревогой воскликнула она. — Что с тобой?

Я поднял руку, и Энни замолчала. Широко от? крытыми глазами она следила за моими пальцами, пока я медленно водил рукой — сначала из стороны в сторону, а потом круговыми движениями. Не знаю, как мне это удавалось, но я ее гипнотизировал!

— Подойди ко мне! — велел я.

Голос прозвучал ниже, чем обычно. Энни приблизилась. Двигалась она как лунатик, не сгибая коленей. Взгляд у нее при этом был совершенно бессмысленный.

Когда она остановилась передо мной, я провел рукой по ее шее. Дышал я тяжело. Энни виделась мне как будто сквозь туман. Я облизал губы. В животе урчало. В ванной было жарко, как в печке. По лицу Энни скатывались капельки пота.

Не отнимая рук от шеи сестры, я обошел ее и встал за спиной. Я гладил ее кожу и чувствовал, как под ней бьется кровь. Надавлив пальцем на жилку возле плеча, я смотрел, как она вспухает: синяя, манящая, так и просится, чтобы ее вспороли и осушили.

Я обнажил зубы, раскрыл рот и наклонился.

Однако в последний момент, когда мои губы уже коснулись кожи сестры, я случайно глянул в зеркало. И замер.

На меня смотрело не мое обычное лицо, а перекошенная маска. Красные глаза, злая ухмылка. Я придвинулся поближе. Это был я и в то же время не я. Как будто в моем теле теперь жили двое: обычный мальчик и дикий зверь — ужас ночи.

Пока я разглядывал свое отражение, черты разгладились и желание пить кровь пропало. В ужасе я глянул на Энни. Я чуть ее не укусил! Я чуть не напился крови собственной сестры! С криком отшатнувшись от нее, я закрыл лицо руками, боясь ненароком посмотреть в зеркало и снова увидеть там монстра. Энни качнулась назад и растерянно огляделась.

— Что со мной? — спросила она. — Мне как-то не по себе. Погоди-ка, я вроде пришла купаться... Вода набралась?

— Да, — мягко ответил я. — Набралась. Все готово. — Я теперь тоже был готов. Готов стать вампиром! — Ладно, купайся, я пойду, — сказал я и вышел из ванной.

В коридоре привалился к стене. Я глубоко дышал, пытаюсь хоть немного успокоиться.

Выходит, я не могу себя контролировать! Жажду крови победить нельзя. На этот раз не потребовалось даже вида крови! Чтобы пробудить во мне чудовище, хватило одной мысли о ней.

Я бросился в свою комнату и рухнул на кровать. Я плакал, потому что понял: никогда больше мне не быть обычным мальчиком Дарреном Шэном. Я уже не смогу жить легко и просто, как раньше, потому что не способен контролировать в себе вампира. Рано или поздно он заставит меня совершить что-нибудь ужасное, и кончится тем, что я убью маму, или папу, или Энни.

Я не допущу этого. Ни за что! Моя жизнь теперь кончена, но надо подумать о друзьях и родителях. Ради них я уеду далеко-далеко, туда, где не смогу причинить им вреда.

Когда стемнело, я выбрался из дома. На этот раз я не стал

дожидаться, пока родители уснут. Побоялся. Ведь мама или папа придут пожелать мне спокойной ночи. Я живо представил, как мама наклоняется, целует меня и — о, ужас! — я прокусываю ей шею.

Я не оставил записки, не стал ничего с собой брать. Мне было не до вещей. Я думал только о том, что чем быстрее уберусь отсюда, тем лучше. Любая задержка может стоить кому-нибудь жизни.

Бежал я быстро и вскоре был уже у кинотеатра. Теперь здание меня не пугало. Я к нему привык. К тому же вампирам нечего бояться в темных пустых домах.

Мистер Джутинг ждал меня у входа.

— Я услышал, как ты бежишь, — сказал он. — Ты продержался среди людей дольше, чем я думал.

— Я пил кровь одного из своих лучших друзей! И чуть не укусил свою сестру.

— Легко отделался, — заметил он. — Многие вампиры успевают убить кого-нибудь из близких, прежде чем поймут, что обречены;

— Значит, пути назад нет? — печально, спросил я. — Никакого волшебного зелья, которое превратило бы меня обратно в человека? Или хотя бы сделало так, чтобы я не бросался на людей?

— Единственное, что может тебя остановить, это старый добрый кол в сердце.

— Что ж, — вздохнул я, — мне это не по душе, но, видимо, у меня нет выбора. Я — ваш. Я больше не убегу. Делайте со мной, что хотите.

Мистер Джутинг медленно кивнул.

— Можешь мне не верить, но я знаю, что ты сейчас чувствуешь. И мне тебя жалко. — Он покачал головой. — Но другого пути нет. Пора работать, больше нельзя терять времени. Идем, Даррен Шэн. — сказал он, протягивая мне руку. — Надо еще многое сделать, прежде чем ты займешь место помощника вампира.

— Что сделать? — удивился я.

— Ну, во-первых, — он нехорошо улыбнулся, — тебя надо *убить!*

ГЛАВА 29

Впереди были мои последние выходные, и я мысленно со всем прощался. Я наведался в библиотеку, в бассейн, в кино, на стадион, прогулялся по любимым скверам — хотелось еще раз побывать там, где я провел так много времени. Кое-куда я сходил с мамой и папой, кое-куда — с Томми Джонсом и Аланом Моррисом. Я был бы рад попрощаться и со Стивом, но не отважился посмотреть ему в глаза.

Иногда мне казалось, что за мной кто-то следит. По спине пробегали мурашки, я резко оборачивался — и каждый раз никого. В конце концов я решил, что просто перенервничал и нечего обращать на это внимание.

Я стал ценить каждую минуту, проведенную с семьей и друзьями. Старался запомнить их лица и голоса, потому что знал: я больше никогда их не увижу. Сердце у меня разрывалось, но другого выхода не было. Как не было и пути назад.

В эти выходные я ни на кого не сердился. Меня не смущали мамины поцелуи, не злили папины придирки. И даже дурацкие шутки Алана казались довольно милыми.

Но большую часть времени я проводил с Энни. Сильнее всего я буду скучать по ней. Я катал ее на спине, кружил по комнате, мы с Томми взяли ее с собой на стадион. Я даже играл с ней в куклы!

Порой мне хотелось плакать. Я глядел на маму, папу или Энни и вдруг понимал, как сильно я их люблю, как пусто станет в моей жизни без них. В такие минуты я отворачивался и делал несколько глубоких вдохов. Пару раз это не помогло, и я в слезах выбегал из комнаты.

Видимо, они заметили, что со мной что-то происходит. В субботу вечером мама пришла ко мне в комнату и долго у меня сидела. Подоткнула одеяло, потом что-то рассказывала, внимательно меня слушала. Мы уже триста лет так не болтали. Когда она ушла, мне стало грустно оттого, что мы редко с ней разговаривали по душам.

А утром папа спросил, не хочу ли я с ним поговорить... Он сказал, что скоро я стану взрослым, а сейчас у меня переходный возраст, и потому нет ничего страшного, если у меня часто меняется настроение или мне хочется большей самостоятельности. Главное, чтобы я помнил,

что всегда смогу прийти к нему за советом.

«В том-то и дело, что не смогу!» — чуть не закричал я, но сдержался, кивнул и поблагодарил его.

Я старался вести себя как можно лучше. Хотел оставить хорошее впечатление. Пусть они вспоминают обо мне как о послушном сыне, любящем брате и верном друге. Не хочу, чтобы кто-то думал обо мне плохо, когда меня не станет.

В воскресенье папа предлагал всей семьей пойти в ресторан, но я уговорил его поужинать дома. Сегодня мой последний шанс поесть в кругу семьи, и мне хотелось запомнить этот ужин надолго, чтобы потом, много лет спустя, я вспоминал, какая у нас была дружная семья. И как мы все были счастливы.

Мама приготовила мои любимые блюда: запекла курицу, пожарила картошку и сварила кукурузу. Мы с Энни сделали апельсиновый сок. Мама с папой откупорили бутылку вина. На десерт был клубничный торт. Все были довольны. Мы пели песни, папа беспрерывно шутил, мама отстукивала ложками разные мелодии. Энни прочитала стихи. А потом все стали играть в шарады.

Мне хотелось, чтобы этот день никогда не заканчивался. Но, конечно, ничто не может длиться вечно. Солнце село, наступила ночь.

Вскоре папа поглядел на часы.

— Пора спать, — сказал он. — Завтра с утра в школу.

«Нет, — подумал я. — Ни в какую школу я больше не пойду». Вообще-то это должно было бы меня обрадовать, однако радости я не испытал: «Не пойду в школу, значит, не увижу мистера Далтона, не поболтаю с друзьями, не поиграю в футбол, никогда больше не отправлюсь вместе с классом в поход».

Я тянул время. Длго-долго раздевался, медленно напяливал пижаму. Еле-еле умывался и чистил зубы. Когда тянуть уже стало некуда, я спустился в гостиную. Мама и папа о чем-то разговаривали, но, как только я вошел, удивленно замолчали.

— Что тебе, Даррен? — спросила мама.

— Ничего.

— Как ты себя чувствуешь?

— Отлично, — успокоил я ее. — Просто зашел пожелать вам спокойной ночи.

Я подошел к папе, обнял его, поцеловал в щеку. Потом обнял и

поцеловал маму.

— Спокойной ночи, — сказал я родителям.

— Исторический момент! — рассмеялся папа, потирая щеку. — Когда это он целовал нас на ночь, а, Анджи?

— Уже и не вспомнить. — Мама улыбнулась и погладила меня по голове.

— Я люблю вас. Сам знаю, что редко вам это говорю. Но я все равно люблю вас обоих и всегда буду любить, всегда-всегда.

— Мы тебя тоже очень любим, — ответила мама. — Правда, Дэрмот?

— Ну конечно.

— Нет, скажи сыну, что любишь его! — потребовала мама.

Папа вздохнул.

— Я люблю тебя, Даррен, — торжественно сказал он и закатил глаза, чтобы меня рассмешить. Потом обнял меня и добавил уже серьезно: — Правда, очень люблю.

И я вышел. Некоторое время я стоял за дверью и слушал — так не хотелось от них уходить.

— Что это с ним? — удивилась мама.

— Да у детей разве поймешь, что им в голову приходит?

— Нет, что-то тут не так, — настаивала мама. — Он уже несколько дней ведет себя как-то странно.

— Может, у него завелась девушка, — предположил папа.

— Может, — согласилась мама. Но ясно было, что папа ее не убедил.

Все, пора уходить. Если я еще хоть секунду простою под дверью, то не выдержу, влечу в комнату и все им расскажу. И тогда они помешают мне выполнить план мистера Джутинга. Родители примутся уверять меня, что вампиров не существует, и будут удерживать меня, не понимая, какой опасности себя подвергают.

Я вспомнил о том, что чуть не укусил Энни. Нет, надо делать, как решил.

Я поднялся в свою комнату. Ночь стояла теплая, и окно было открыто. Оно еще пригодится.

Мистер Джутинг прятался в шкафу. Услышав, как я закрыл за собой дверь, он вылез.

— Ну и духотища в шкафу! — пожаловался он. — Бедная мадам

Окта! Сидеть в такой...

— Замолчите, не до того! — оборвал я.

— Зачем же грубить? — фыркнул он. — Я же просто так сказал.

— Не надо ничего говорить. Может, вам тут и не нравится, но я прожил в этой комнате всю жизнь. Мне тут все дорого, даже шкаф. И я больше никогда не увижу свою комнату. Это мои последние минуты тут, так что не отравляйте мне их своими замечаниями.

— Прости.

Я в последний раз оглядел комнату и тяжело вздохнул. Потом достал из-под кровати рюкзак и вручил его мистеру Джутингу.

— Это еще что? — подозрительно спросил он.

— Так, кое-какие вещи. Мой дневник, фотография нашей семьи, ну и все такое. Никто не заметит пропажи. Не потеряете?

— Ну что ты!

— Только обещайте туда не заглядывать, — потребовал я.

— У вампиров не должно быть секретов друг от друга, — начал он, но, взглянув на мое лицо, только покачал головой и пожал плечами. — Ладно, обещаю не открывать твой рюкзак.

— Вот и отлично. — Я глубоко вздохнул. — Зелье принесли?

Он кивнул и протянул мне темный пузырек. Я заглянул в него. Там плескалась какая-то жидкость: темная, густая и вонючая.

Мистер Джутинг подошел сзади и обхватил руками мою шею.

— А это точно подействует? — нервно спросил я.

— Не сомневайся!

— Но я думал, если сломать шею, то сразу умрешь. Ну, или тебя парализует.

— Не обязательно, — сказал он. — Только если повредить спинной мозг, который находится в спинномозговом канале. А кости — это ерунда. Я буду предельно осторожен, чтобы с тобой ничего страшного не случилось.

— А врачи не заподозрят подвоха?

— Им и в голову не придет! — заверил мистер Джутинг. — После зелья сердце у тебя будет биться еле-еле, и врачи решат, что ты умер. К тому же они увидят, что у тебя сломана шея, и не станут дальше ничего выяснять. Если бы ты был постарше, могли бы сделать вскрытие. Но детей врачи резать не любят. Главное, скажи: ты все понял? Запомнил, что делать?

— Да.

— Нельзя допустить ни малейшей ошибки, — предупредил он. — Если хоть что-то пойдет не так, весь план провалится.

— Я же не идиот! Сам понимаю! — не выдержал я.

— Тогда приступим! — скомандовал он.

И я приступил.

Одним махом проглотил жидкость, поморщился — на вкус она оказалась очень противная. Я передернулся, когда почувствовал, как все тело немеет. Больно не было, но появился какой-то неприятный холодок. У меня застучали зубы.

Минут через десять зелье окончательно подействовало. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, я не дышал (то есть дышал, конечно, но совсем незаметно), сердце остановилось (опять же не до конца).

— Сейчас сломаю тебе шею, — предупредил мистер Джутинг.

Я услышал щелчок — он свернул мою голову набок, — но ничего не почувствовал: тело уже онемело.

— Вот так. Сойдет, — продолжал он. — Теперь надо выкинуть тебя из окна.

Он подтащил меня к окну, постоял минутку, вдыхая свежий ночной воздух.

— Придется швырнуть тебя посильнее, иначе не поверят. Может быть, сломаешь пару-тройку костей. Будет болеть, когда действие зелья пойдет на убыль, но не бойся — я их потом вправлю. Вперед!

Он поднял меня, на секунду замер, потом выбросил меня из окна.

Падал я стремительно, стена дома мгновенно пронеслась мимо, я плюхнулся на спину. Глаза у меня были открыты. Я понял, что смотрю на водосточную трубу.

Некоторое время я лежал, прислушиваясь к ночным шорохам. Наконец наш сосед заметил меня, подошел, посмотрел. Мне не было видно его лица, но я услышал, как он ахнул, когда понял, что я мертв.

Сосед бегом обогнул дом, яростно заколотил в дверь. Было слышно, как он кричит, пытаясь вызвать моих маму и папу. Потом послышались их голоса: все трое приближались ко мне. Родители думали, сосед шутит или обознался. Папа сердито топал ногами и что-то бормотал себе под нос.

Они свернули за угол, шаги затихли: это они увидели меня. Казалось, наступившая тишина длилась целую вечность. Потом мама с

папой бросились ко мне.

— Даррен! — закричала мама, прижимая меня к груди.

— Пусти, Анджи! — приказал отец, высвободил меня из ее рук и положил обратно на траву.

— Дэрмот, что с ним? — стонала мама.

— Не знаю. Видимо, упал из окна. — Папа встал и поглядел на открытое окно моей комнаты.

Я увидел, как он сжал кулаки.

— Он не шевелится, — тихо сказала мама, потом вдруг схватила меня и принялась трясти. — Не шевелится! — вопила она. — Не шевелится! Не...

Папа снова вырвал меня у мамы. Потом позвал соседа и велел увести ее в дом.

— Вызовите «скорую», — спокойно велел он. — А я останусь здесь, с Дарреном.

— А он... умер? — спросил сосед.

Мама застонала и закрыла лицо руками.

Папа покачал головой.

— Нет, что ты, — сказал он, слегка сжимая мамино плечо. — Просто его парализовало, так же, как его друга.

Мама опустила руки.

— Стива? — В ее голосе слышалась надежда.

— Ну да. — Папа улыбнулся. — И он придет в себя, так же, как Стив. Беги звони в «скорую».

Мама кивнула и ушла вместе с соседом. Пока они не скрылись из виду, папа улыбался, а потом склонился надо мной, заглянул в глаза, пощупал пульс. Когда папа понял, что я мертв, он опустил меня на землю, убрал прядь волос, упавшую мне на глаза, а потом... Не думал, что когда-нибудь увижу такое...

Папа заплакал.

Вот так началась новая, печальная стадия моей жизни — *смерть*.

ГЛАВА 30

Врачи быстро пришли к заключению. Они решили, что пульса и дыхания нет. По их мнению, все было ясно.

Но самое ужасное — все видеть и слышать. Я уже жалел, что не попросил мистера Джутинга дать мне какое-нибудь сонное зелье. У меня сердце разрывалось от плача мамы и папы, от криков Энни.

Через час в больницу начали съезжаться мамыны и папины друзья. Снова всхлипывания и причитания.

Лучше бы я всего этого не слышал! Лучше бы я просто ночью сбежал с мистером Джутингом, но он сказал, что так нельзя.

— Если ты убежишь, — объяснил он, — тебя будут искать. Всюду развешат объявления, твоя фотография появится в газетах, полиция обо всем узнает. Тогда спокойной жизни не жди.

Единственный способ — имитировать смерть. Если все решат, что я умер, мы получим свободу. Мертвых не ищут.

Однако теперь, когда я слышал, как все горюют, я проклинал и себя и мистера Джутинга. Нельзя было так поступать. Разве можно причинять людям такую боль?!

С другой стороны, зато этим все и закончится. Некоторое время родные и друзья погорюют, но, в конце концов, смирятся (наверное). А вот если бы я сбежал, они бы всю жизнь надеялись, что я вернусь, они бы искали меня, верили, а это только продлило бы их мучения.

Приехали служащие из похоронного бюро. Всех посторонних попросили удалиться. Медсестра и организатор похорон раздели меня и принялись осматривать. Постепенно действие зелья проходило, и я уже чувствовал, как холодные руки ощупывают мое тело.

— Прекрасно сохранился, — прошептал похоронщик медсестре. — Свежий, крепкий, без кровоподтеков. Тут делать нечего. Разве что немного щеки нарумянить.

Он поднял мне веко. Я увидел веселого, круглолицего человечка. Стало страшно — вдруг он поймет по глазам, что я жив. Но он ничего не заметил, только несколько раз повернул мне голову туда-сюда — сломанные кости заскрипели.

— Какое все-таки непрочное создание человек, — со вздохом

проговорил он и продолжил осмотр.

Вечером меня отвезли домой, положили на длинный стол в гостиной, накрытый скатертью. Теперь все желающие могли прийти и проститься со мной.

Странно было слышать, как все обсуждают меня, не зная, что я все слышу. Кто-то вспоминал меня в раннем детстве, кто-то нахваливал, представляя, каким бы замечательным человеком я вырос.

Вот бы они удивились, если бы я вскочил и завопил: «Ага, поверили!»

Время тянулось еле-еле. Невозможно описать, как скучно лежать часами, не имея возможности ни пошевелиться, ни улыбнуться, ни почесать нос. Я даже не мог разглядывать потолок, потому что глаза у меня были закрыты.

Теперь, когда чувства начали ко мне возвращаться, надо было быть особенно осторожным. Мистер Джутинг предупреждал, что, когда действие зелья начнет проходить, тело станет страшно чесаться. Конечно, я еще не мог поднять руку или ногу, но при желании мог бы немного пошевелиться — и тогда все пропало.

Я сходил с ума оттого, что все тело зудело. Пытался не обращать внимания — тщетно. Казалось, что по мне бегают сотни паучков. И больше всего их собралось на шее, там, где сломаны кости.

Наконец люди начали расходиться. Должно быть, было уже поздно, потому что вскоре комната опустела. Стало тихо. Я лежал в одиночестве, наслаждался тишиной.

И тут до меня донесся какой-то звук.

Медленно-медленно, тихо-тихо дверь в гостиную отворилась.

Послышались шаги. Кто-то пересек комнату и остановился около стола. У меня внутри все похолодело, и на этот раз зелье тут было ни при чем. Кто это? Сперва я подумал, что это мистер Джутинг, но зачем бы ему прокрадываться в дом? Мы с ним договорились встретиться гораздо позже.

Кто бы это ни был, он старался не шуметь. С минуту не было слышно вообще ничего.

Потом чья-то рука коснулась моей щеки.

Неизвестный поднял мне веки и посветил в глаза фонариком. В комнате было слишком темно, и я не смог разглядеть, кто он. Неизвестный что-то пробормотал, опустил мои веки, потом открыл мне

рот и положил что-то на язык: вроде как тонкая бумажка со странным горьковатым вкусом.

Вытащив бумажку, он взял меня за руку и снял отпечатки пальцев. Потом послышался щелчок фотоаппарата.

И наконец, он ткнул в меня чем-то острым, похожим на иголку, но ткнул так, чтобы не попасть в вену и не повредить жизненно важные органы. Действие зелья постепенно проходило, но все же еще не закончилось, и мне было не очень больно.

А потом он ушел. Я слышал, как он пересек комнату, стараясь ступать бесшумно, дверь открылась и закрылась. Неизвестный удалился, оставив меня гадать, кто он такой. Стало страшно.

На следующее утро пришел папа и сел рядом со мной. Он долго говорил мне, как хотел, чтобы я вырос, в какой бы колледж пошел, где бы работал. И все время плакал.

Потом пришла мама. Они рыдали, обнявшись, и пытались друг друга утешить. Зато у них есть Энни. Можно родить еще одного ребенка. Или усыновить. По крайней мере, я умер сразу и не мучился. И они никогда не забудут меня.

Ужасно тяжело причинять людям такие страдания. Теперь я бы все на свете отдал, лишь бы они так не мучились.

Остаток дня прошел в суете. Принесли гроб, положили в него меня. Пришел священник и сел рядом с моими родителями и их друзьями. Люди входили и выходили.

Я слышал, как плакала Энни. Она уговаривала меня бросить дурачиться и встать наконец. Лучше бы они ее куда-нибудь увели, но, видимо, мама с папой не хотели лишать ее возможности попрощаться с братом.

И вот крышку гроба опустили, закрутили шурупы. Меня подняли и понесли к катафалку. Ехали медленно. Что говорилось в церкви, я почти не слышал. Когда служба закончилась, меня повезли на кладбище. Тут мне все прекрасно было слышно: и молитва священника, и вздохи, и рыдания.

А потом меня похоронили...

ГЛАВА 31

По мере того как гроб опускали в темную сырую яму, мне все хуже становилось слышно, что происходило наверху. Наконец я почувствовал толчок — гроб достиг дна могилы, потом раздался стук, как будто пошел дождь, — это первые пригоршни земли упали на крышку.

Могильщики стали засыпать могилу. Когда полетели комья, мне показалось, что на меня кидают кирпичи. От ударов сотрясался весь гроб. Слой земли, отделявший меня от тех, кто остался наверху, становился все толще, разговоры живых доносились все тише, пока наконец не превратились в далекое невнятное бормотание.

Потом раздались глухие удары — это утрамбовывали землю.

И наступила тишина.

Я лежал в темноте, слушая, как проседает земля, представляя, как к моему гробу со всех сторон сползаются червяки. Я думал, что под землей будет страшно, но тут было даже хорошо: тихо, спокойно. Я чувствовал себя в безопасности.

Я думал обо всем, что случилось за последние несколько недель. Вспомнил о флаере, о странной силе, которая заставила меня протянуть руку и поймать билет, о том, как в первый раз увидел кинотеатр, как подслушал разговор Стива с мистером Джутигом.

Сколько тут было решающих моментов! Я не лежал бы в могиле, если бы тогда не поймал билет. Не лежал бы, и если бы не пошел на представление. И если бы не остался в кинотеатре разведать, почему Стив не торопится домой. Если бы не украл мадам Окту. Если бы отказался от предложения мистера Джутига.

Одни «если». Только изменить уже ничего нельзя. Что сделано — то сделано. Если бы вернуть все назад...

Но это невозможно! Хватит оглядываться назад! Пора забыть о том, что осталось в прошлом, и думать о будущем.

Время шло, я уже мог шевелиться. Сперва я сжал руки в кулаки, потом вытянул их (руки мне скрестили на груди). Я немного подвигал руками, медленно и осторожно. Теперь хоть ладони перестали чесаться.

Потом я смог открыть глаза. Но толку от этого было мало:

открывай не открывай — все равно ничего не видно.

Действие зелья прекращалось, и я почувствовал, как у меня все болит. Ныла спина — ударился, когда шмякнулся на землю. Болели легкие и сердце — отвыкли работать нормально. Ноги сводило, шея затекла. Единственное, что у меня не болело, так это большой палец на правой ноге!

Как только я начал дышать глубже, то тут же забеспокоился: хватит ли в гробу воздуха. Мистер Джутинг говорил, что действие зелья может длиться неделю. В этом состоянии, похожем на кому, мне не надо ни есть, ни дышать, ни ходить в туалет. Но теперь, когда я снова задышал, сразу почувствовал, как мало тут воздуха. И он очень быстро заканчивается!

Паниковать я не стал. Если распсихуюсь, сердце будет биться сильнее, понадобится больше воздуха. Поэтому я постарался успокоиться и дышать потише. Я решил и не шевелиться тоже: когда двигаешься, нужно больше кислорода.

Я не знал, сколько прошло времени. Пытался мысленно считать секунды, но сбился, начал заново — опять сбился.

Я пел себе песенки шепотом и почти беззвучно рассказывал себе разные истории. Жаль, что мне в гроб не положили телевизор или хотя бы радио. Но, видимо, спрос на такие вещи среди настоящих мертвецов невелик.

Наконец, когда, как мне казалось, прошли уже миллионы лет, кто-то начал копать землю наверху.

Ни один человек не может копать так быстро. Можно было подумать, что он не копает, а всасывает в себя землю. До гроба он докопался, должно быть, в рекордное время — меньше чем за пятнадцать минут. И, на мой взгляд, откопал он меня как раз вовремя.

Три раза постучав по крышке, он принялся ее отвинчивать. Еще пара минут — и вот уже гроб открывается. Перед моими глазами небо — такое прекрасное, какого я еще никогда не видел.

Я вдохнул полной грудью, сел, закашлялся. Ночь была довольно темная, но после черноты могилы мне показалось, что тут светло, как днем.

— Ты как? — спросил мистер Джутинг.

— Смертельно устал, — пошутил я.

Он улыбнулся!

— Вставай, дай я тебя осмотрю.

Я поморщился и встал. Все тело затекло. Мистер Джутинг осторожно провел руками у меня по спине, потом по груди.

— Считаю, что тебе повезло, — сообщил он. — Все кости целые. Есть синяки, но дня через два пройдут.

Он выскочил из могилы, потом нагнулся и протянул мне руку. У меня по-прежнему все болело и ныло.

— Я чувствую себя подушкой, которую долго взбивали, — пожаловался я.

— Через несколько дней совсем придешь в себя, — утешил он. — Не волнуйся, ты в хорошей форме. Нам страшно повезло, что тебя похоронили сегодня. Если бы они еще день промедлили, ты бы чувствовал себя гораздо хуже. Он спрыгнул назад в могилу, закрыл крышку гроба. Потом выбрался, взял лопату и принялся засыпать яму землей.

— Может, вам помочь? — предложил я.

— Не надо. Только мешать будешь. Лучше пойди пройдишь, хоть немного разомнешься. Я тебя позову, когда закончу.

— Кстати, вы рюкзак мой не забыли?

Он мотнул головой в сторону ближайшей могилы. С надгробия свешивался мой рюкзак.

Я снял его и проверил, не рылся ли там мистер Джутинг. Вроде бы нет, но трудно сказать наверняка. Придется верить ему на слово. Хотя вообще-то это не имеет значения: в моем дневнике нет ничего такого, чего бы не знал мистер Джутинг.

Потряхивая руками и ногами, я прошелся между рядами могил. Приятно было снова двигаться. Даже чувствовать, что все тело болит, лучше, чем вообще ничего не чувствовать.

Зрение у меня стало значительно острее. Я легко читал надписи на надгробиях в нескольких метрах от меня. Кровь вампира во мне набирала силу. Не зря же они все время проводят в темноте. Конечно, я только полувампир, но все-таки...

Внезапно, как раз в то мгновение, когда я размышлял о своих новых способностях, из-за надгробия высунулась рука и, зажав мне рот, притянула меня на землю. Теперь мистер Джутинг меня не увидит!

Я тряхнул головой и уже собрался закричать, но промолчал, потому что увидел кое-что страшное. У того, кто на меня напал, в одной руке

был молоток, а в другой — огромный деревянный кол, острый конец которого был направлен прямо в мое сердце!

ГЛАВА 32

— Только пошевелись, — предупредил он меня, — я, и глазом не моргнув, воткну его тебе прямо в сердце!

Эти грозные слова не так потрясли меня, как голос, который их произнес, — очень знакомый.

— Стив?! — ужаснулся я. И, оторвав наконец взгляд от острия кола, посмотрел ему в лицо. Да, это был он. Я разглядел, что он храбрится, но на самом деле страшно напуган. — Стив, что ты... — начал я, но он ткнул меня колом в грудь и прошипел:

— Молчать! — Он присел за надгробие. — Не хочу, чтобы твой приятель услышал.

— Мой... кто? А, мистер Джутинг...

— Лартен Джутинг, он же Вур Хорстон, — ядовито проговорил Стив, — Но, как ни назови, он вампир. Все остальное меня не интересует.

— Что ты тут делаешь? — прошептал я.

— Охочусь на вампиров, — прорычал он снова толкнул меня в грудь. — И кажется, нашел одного!

— Послушай! — Я уже не боялся, а только злился (если бы он хотел меня убить, то давно бы это сделал, и, уж конечно, не стал бы сидеть тут и разводить разговоры — прямо как в кино). — Хочешь пронзить меня колом, давай! Хочешь поговорить, тогда убери эту палку. Мне и без того плохо, и лишние дырки мне ни к чему.

Стив удивленно на меня поглядел, потом чуть отодвинул кол.

— Что ты тут делаешь? — повторил я свой вопрос. — Как ты догадался?

— Я следил за тобой. Все выходные следил, потому что все понял, когда увидел, как ты пил кровь Алана. А еще я видел, что мистер Джутинг забирался к тебе в дом. И видел, как он выкидывал тебя из окна.

— Так это ты тогда был в гостиной! — догадался я, вспомнив загадочного ночного гостя.

— Я, — кивнул Стив. — Врачи больно быстро подписали твое свидетельство о смерти, а я хотел сам убедиться: вдруг ты еще живой.

— А что за дрянь ты мне в рот пихал?

— Лакмусовую бумажку. Она меняет цвет, если положить ее на мокрую поверхность на живое тело. По бумажке да еще по отметинам на кончиках пальцев я окончательно убедился, что ты не умер.

— Откуда ты знаешь про отметины? — удивленно спросил я.

— Прочитал в одной старой книжке. Кстати, и портрет Вура Хорстона я в ней нашел. Больше сведений про отметины мне нигде не попадалось, и сначала я подумал, что это очередной миф о вампирах. Но потом посмотрел на твои пальцы и...

Он резко замолчал, склонил голову набок и прислушался. Тут я понял, что уже давно не слышу стука лопаты. Еще секунду было тихо. Потом из-за надгробий раздался голос мистера Джутинга:

— Даррен, ты где? — позвал он. — Даррен! На лице Стива отразился ужас. Я слышал, как стучит у него сердце, видел, как по щекам стекают крупные капли пота. Он растерялся. Видимо, не продумал заранее.

— Тут я, — отозвался я, отчего Стив чуть не подскочил.

— Ты где?

— Тут. — Я встал. Что мне теперь кол? — У меня ноги устали, я прилег на минутку.

— Сейчас-то все нормально?

— Нормально, — ответил я. — Полежу немного и встану. Позовите, когда закончите.

Я присел и оказался нос к носу со Стивом. Он явно струсил. Острие кола теперь смотрело в землю — совсем не страшно. Сам Стив как-то съежился. Мне стало его жаль.

— Зачем ты пришел, Стив?

— Убить тебя.

— Убить меня? За что?

— Ни за что. Ты вампир — этого достаточно.

— Но ты же не был против вампиров, — напомнил я, — Ты даже сам хотел стать одним из них.

— Хотел. Я хотел, а ты стал. Ты все продумал, верно? Ты наговорил ему, что я злой. Чтобы он взял тебя вместо меня...

— Ерунда! — прошептал я. — Не хотел я становиться вампиром. А согласился, только чтобы спасти тебя. Если бы я не стал его помощником, ты бы умер.

— Ага, так я и поверил! — усмехнулся он. — Скажи еще, что ты мне друг. Ха-ха!

— Я тебе друг! — вскричал я. — Стив, все не так. Я бы в жизни не сделал тебе ничего плохого. И мне тошно оттого, что пришлось стать вампиром. Я сделал это только ради...

— Нечего на жалость давить. Скажи лучше, когда план придумал? Наверное, пошел к мистеру Джутингу в ту же ночь, когда смотрели представление. И мадам Окту ты не крал. Он сам тебе ее отдал за то, что ты согласился стать его помощником.

— Ничего подобного! Неужели ты сам в это веришь?

Но по глазам Стива я видел, что он верил. И переубедить его было невозможно. По его мнению, я предал его. Украл у него жизнь, о которой он мечтал. И этого он мне никогда не простит.

— Все, я пошел, — сказал он, медленно отползая назад. — Я думал, смогу убить тебя сегодня. Но, видимо, я еще не дорос. Сегодня мне не хватило силы и смелости. Но запомни, Даррен Шэн, я вырасту. Стану сильным и смелым. Всю жизнь буду тренироваться, и настанет день, когда... когда... я подготовлюсь, вооружусь... Найду тебя и убью, — поклялся он. — Я стану лучшим в мире охотником за вампирами. И ты не спрячешься от меня! Я отыщу тебя, в какую бы могилу, в какой бы подвал ты ни залез. Я найду тебя даже на краю света, — продолжал он с сумасшедшим блеском в глазах. — И тебя, и твоего наставника. А когда найду, то проткну ваши сердца кольями с железными наконечниками, отрублю вам головы и набью их чесноком. Потом сожгу вас и развею прах над рекой. Я сделаю все, чтобы вы вновь не восстали из мертвых!

Он задумался, потом достал нож, прочертил две царапины на левой ладони так, что получился крест, поднял руку — я увидел, как по ней стекает кровь, — и объявил:

— На этой крови я клянусь!

Развернулся и бросился бежать. Через секунду он уже исчез из виду.

Я мог бы побежать за ним по кровавому следу. Мог позвать мистера Джутинга, и мы бы вместе догнали Стива Леопарда и положили конец его угрозам. Умный человек так бы и сделал.

Но я... нет. Я не мог. Стив был моим другом...

ГЛАВА 33

Когда я вернулся, мистер Джутинг выравнивал могилу. Я стал смотреть, как он работает. С большой и тяжелой лопатой он обращался так, словно она была из бумаги. «Какой он сильный, — подумал я, — А ведь и я когда-нибудь стану таким же».

Меня подмывало рассказать ему про Стива, но я побоялся, что он бросится его преследовать. А Стиву и без того досталось. Да и угрожал-то он просто так. Через пару недель он найдет себе новое увлечение и забудет про нас с мистером Джутингом.

По крайней мере, я на это надеялся.

Мистер Джутинг посмотрел на меня и нахмурился.

— С тобой точно все в порядке? Ты какой-то взвинченный.

— Конечно. Десять минут назад в гробу лежал. Вам бы так, — ответил я.

Он громко рассмеялся.

— Знаете, мистер Шэн, я провел в гробах больше времени, чем настоящие покойники! — Он в последний раз хлопнул лопатой по земле на моей могиле, потом разломал ее на кусочки и выкинул. — Ну что, полегчало? — спросил он.

— Да, уже гораздо лучше. — Я помахал руками, наклонился вправо-влево. — Но все равно не хотел бы я проделать такое еще раз.

— Да уж, — задумчиво проговорил мистер Джутинг. — Надеюсь, это и не понадобится. Дело опасное. Ни за что нельзя ручаться.

Я удивленно на него уставился.

— Вы же говорили, что это совершенно безвредно.

— Я обманывал. На некоторых мое зелье действует так сильно, что они умирают. Кроме того, я не был уверен, что тебе не сделают вскрытие. А еще... Может, лучше не продолжать?

— Да уж, лучше не надо, — ответил я, и тут на меня напала такая злость, что захотелось пнуть его посильнее. Я бы и пнул, но он легко увернулся и опять засмеялся. — Вы же уверяли, что это неопасно! Вы мне ввали!

— Пришлось. Другого пути не было.

— А если бы я умер? — возмутился я.

Он пожал плечами:

— Остался бы я без помощника. Невелика потеря. Впрочем, не сомневаюсь, я легко нашел бы тебе замену.

— Вы... вы... эх! — Я пнул землю. Сказал бы я ему, что про него думаю, но нехорошо ругаться на кладбище. Но когда-нибудь все ему выскажу, что думаю про его штучки.

— Ну что, готов? — спросил он.

— Сейчас...

Я вскочил на могильный камень повыше и поглядел в сторону города. Видно было плохо, но больше у меня не будет возможности взглянуть на город, в котором я родился и жил. Я смотрел, и каждая улочка казалась мне изящной аллеей, каждый домишко — дворцом, а двухэтажные дома — небоскребами.

— Ты скоро привыкнешь переезжать с места на место, — сказал мистер Джутинг. Он стоял на надгробии за моей спиной — таком узком, что обычный человек ни за что бы не удержался. — Вампиры вынуждены все время с чем-то прощаться, — печально проговорил он. — Мы нигде надолго не задерживаемся. Все время странствуем. Так и живем.

— А в первый раз, наверное, труднее всего прощаться?

— Да. Но и потом нелегко.

— Когда же я к этому привыкну?

— Ну, лет через тридцать — сорок, — ответил он. — А может, больше.

«Лет тридцать — сорок»! А так сказал, как будто дня три-четыре.

— Значит, у вампиров не бывает друзей? Нет своего дома, семьи, жены?

— Нет. — Он вздохнул.

— Разве им не одиноко?

— Одиноко, — согласился он.

Я грустно кивнул. По крайней мере, он сказал правду. Как я уже говорил, по-моему, правда всегда лучше, какой бы горькой она ни была. Тогда хотя бы знаешь, чего ожидать.

— Ладно, — решил я, спрыгивая на землю. — Я готов.

Я подхватил рюкзак, стряхнул с него кладбищенскую землю.

— Хочешь, залезай мне на спину, — предложил мистер Джутинг.

— Спасибо, не надо, — вежливо отказался я. — Может, попозже. А

пока я хотел бы пройтись, размять ноги.

— Отлично.

Я потер живот и послушал, как он урчит.

— Ничего не ел с воскресенья, — пожаловался я.

— Я тоже. — Он взял меня за руку и кровожадно ухмыльнулся. —

Идем есть.

Глубоко вздохнув, я постарался не думать о том, что именно будет на ужин, только торопливо кивнул и сжал его ладонь. Мы повернулись и пошли с кладбища. Рука об руку вампир и его помощник уходили...

...в ночь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...